UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322869 9

HANDBOUND
AT THE

UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

5385 I

PG
3453
B7
03
1908a
c.2

LIBRARY
OCT 28 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

1017731

ЦѢНА ВТОРОЙ ЧАСТИ 1 Р. 50 К.

ЦѢНА ЗА ОБѢ ЧАСТИ ВМѢСТѢ 3 РУБЛЯ.

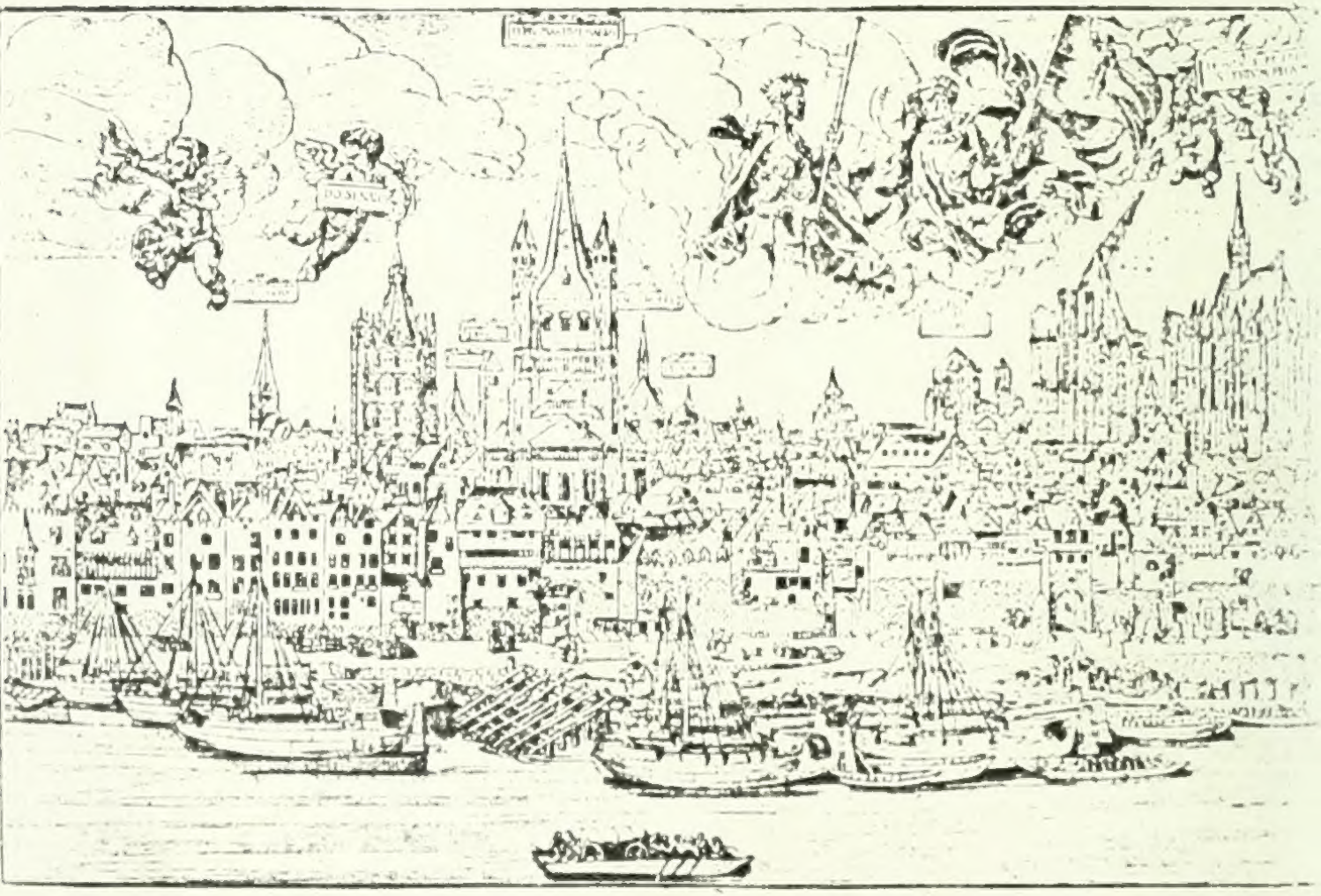
ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ

ПОВѢСТЬ XVI ВѢКА, ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА. КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ». MCMIX



ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ

ПОВѢСТЬ XVI ВѢКА

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ»
1908

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ.

Часть II.

ГЛАВА XI.

Какъ я жилъ безъ Ренаты и какъ я встрѣтился съ докторомъ Фаустомъ

Не сумѣлъ бы я описать въ подробностяхъ, какъ я прожилъ первые дни послѣ ухода Ренаты, ибо въ моей памяти они слились въ одно мутное пятно, какъ при туманѣ сливаются въ одно—гавань, и окружные дома, и мечущіеся на пристани люди. Но никогда прежде, даже воображая, какъ мы разстанемся съ Ренатою, не могъ я допустить, что съ такой неодолимостью схватитъ меня въ свои когти тоска, словно горный орелъ малаго ягненка, и что окажусь я настолько беззащитнымъ и безпомощнымъ предъ натискомъ безумныхъ, неисполнимыхъ желаній. Въ тѣ дни всю мою душу наполняло до краевъ, и свыше края, сознаніе, что счастіе моей жизни—въ одной Ренатѣ и что безъ нея—нѣтъ для меня смысла видѣть день или встрѣчать ночь. Мѣсяцы, проведенные мною съ Ренатою, представлялись мнѣ временемъ эдемскаго блаженства и при мысли, что я могъ утратить его такъ легкомысленно, я готовъ былъ въ ярости кричать самому себѣ всѣ проклятія и бить самого себя по лицу, какъ презрѣннѣйшаго негодяя.

Конечно, исполнилъ я все, что только было въ моихъ силахъ, чтобы разыскать Ренату. Я подробно опросилъ, не жалѣя подачекъ, всѣхъ сторожей у городскихъ воротъ, не проходила ли или не проѣзжала ли черезъ эти ворота женщина, подобная Ренатѣ. Я навелъ всѣ возможныя справки въ гостинницахъ, монастыряхъ и всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ могла бы

она найти пріютъ, при чемъ, сознаюсь, въ безуміи своемъ, обращался съ вопросами даже въ публичные дома. Я не постыдился вынести свой позоръ на улицу и пошелъ со своими жалобами и просьбами къ тѣмъ нашимъ сосѣдкамъ, Катаринѣ и Маргаритѣ, съ которыми одно время водила странную дружбу Рената. Но на всѣ мои розыски получалъ я лишь пожиманіе плечъ, а въ иныхъ случаяхъ, когда разспрашивалъ съ излишнимъ волненіемъ и слишкомъ страстной настойчивостью, — и жестокія насмѣшки или просто брань въ отвѣтъ.

Въ то же время, хватаясь за безсмысленную надежду — повстрѣчать Ренату гдѣ-либо на перекресткѣ, неустанно обѣгалъ я улицы и площади города, простаивалъ часами на пристаняхъ и рынкахъ, входилъ во всѣ церкви, гдѣ любила молиться Рената, и воспаленнымъ взглядомъ всматривался въ колѣнопреклоненные образы, мечтая различить среди нихъ слишкомъ знакомую фигуру. Тысячу разъ представлялъ я себѣ, какъ, столкнувшись внезапно съ Ренатою, гдѣ-нибудь въ узкомъ проходѣ, схвачу я ее за плащъ, если она торопливо захочетъ бѣжать прочь, упаду на колѣни въ уличную грязь и скажу ей: «Рената, я — твой, опять—твой, навсегда и совсѣмъ! Возьми меня, какъ раба, какъ вещь, какъ Господь Богъ беретъ душу! Дѣлай со мною, что хочешь: сомни меня, какъ горшечникъ свою глину, приказывай мнѣ,—я буду счастливъ умирать для тебя!» Говоря короче, пережилъ теперь я самъ, со всей точностью, все то, что переживала когда-то Рената, ища безумно своего Генриха на улицахъ Кельна, и думаю я, что мои чувства ничѣмъ не разнились отъ ея огненнаго безумія тѣхъ дней.

Вечерніе часы, которые проводилъ я дома, открывали для меня безмѣрные просторы отчаянья, и время до утра было для меня порою безжалостной пытки, которой подвергалъ я самъ себя. Несмотря на то, унизительнымъ казалось мнѣ прибѣгнуть къ какому-либо успокаивающему средству, и я не хотѣлъ выпить ни стакана вина, предпочитая встрѣчать скорбь лицомъ къ лицу, безъ забрала, какъ честный рыцарь на поединкѣ, чѣмъ купить временное спокойствіе цѣною забвенія о Ренатѣ. Снова, какъ въ первую ночь безъ Ренаты, перехо-

дилъ я изъ одной комнаты въ другую, то запирался у себя, чтобы не видѣть, не помнить вещей, къ которымъ прикасалась Рената и на которыя мнѣ нестерпимо было смотрѣть, то опять кидался на ту самую постель, въ которой она спала, цѣлуя подушки, къ которымъ прижимались ея щеки, стараясь вспомнить всѣ нѣжныя слова, которыя она произносила. Усталость смыкала мнѣ, наконецъ, глаза, и тогда во снѣ она поникала въ мои объятія, прижималась къ моей груди своимъ маленькимъ, хрупкимъ тѣломъ, или шла ко мнѣ навстрѣчу изъ зеркальныхъ залъ, торжествующая какъ царица, мнѣ дарующая вѣнецъ, или, напротивъ, входила блѣдная, больная, истомленная, простирая руки, прося защиты... Я просыпался, словно падая съ высокой башни счастія во мракъ и холодъ своего отверженія...

Такъ провелъ я, въ мечтаніяхъ, три или четыре дня, а потомъ овладѣло мною послѣднее отчаянье и безнадежность крайняя такъ что не стало у меня силъ даже для поисковъ. Я круглыя сутки оставался въ своихъ комнатахъ, наединѣ съ тоской, словно преступникъ, запертый въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ дикой обезьяной, которая каждый мигъ опять бросается на него и его душитъ своими цѣпкими руками. Порой призывалъ я къ себѣ Луизу и начиналъ въ сотый и сто первый разъ разспрашивать ее объ обстоятельствахъ, при которыхъ ушла Рената, особенно упорно повторяя вопросъ: «Такъ она сказала, что уѣзжаетъ лишь на нѣсколько дней?»—и мучилъ бѣдную старуху до тѣхъ поръ, пока она, качая головой, не уходила отъ меня сама. Тогда предавался я воспоминаніямъ о Ренатѣ, перебирая въ умѣ всѣ дни и часы, какіе мы съ нею провели, подобно тому, какъ скряга пересыпаетъ съ ладони на ладонь скопленныя имъ монеты, и иногда смѣясь отъ радости, какъ идіотъ, когда въ памяти вдругъ всплывало забытое слово, забытый взглядъ Ренаты. А то еще выдумывалъ я всякія примѣты, одну нелѣпѣе другой, которыми не то чтобы обольщалъ, но какъ-то тѣшилъ себя. Такъ, смотря въ окно, я говорилъ себѣ: «Если справа по улицѣ сейчасъ пойдетъ мужчина, то Рената ко мнѣ вернется». Или такъ: «Если я сосчитаю, не сбившись, до милліона, то она еще въ Кельнѣ». Или еще:

«Если я вспомню по именамъ всѣхъ своихъ товарищей по университету, то я встрѣчу ее завтра». И въ такомъ состояніи безсилія и безволія проходили опять дни, и мнѣ становилось все болѣе странно подумать о томъ, что я могу вернуться къ людямъ, а образъ самой Ренаты уже казался мнѣ не воспоминаніемъ о живомъ человѣкѣ, но какимъ то святымъ символомъ.

Однажды придумалъ я новую игру, а именно, сидя въ креслѣ, закрывалъ глаза и воображалъ, что Рената здѣсь, въ комнатѣ, что она переходитъ отъ окна къ столу, отъ постели къ алтарю, что она подходитъ ко мнѣ, касается моихъ волосъ. Въ увлеченіи я, дѣйствительно, словно слышалъ шаги, шуршаніе платья, словно ощущалъ прикосновеніе нѣжныхъ пальцевъ, и этотъ самообманъ былъ мучителенъ и сладостенъ. Такъ упивался я фантазіей цѣлые часы, и слезы не разъ наполняли мои глаза, но вдругъ сердце мое остановилось и тотчасъ забилось мятежно, а руки похолодѣли: я услышалъ реальный шорохъ платья и отчетливые женскіе шаги въ комнатѣ.

Я открылъ глаза: передо мною была Агнесса.

Медленнымъ, словно несознательнымъ движеніемъ Агнесса приблизилась ко мнѣ, опустилась передо мной на колѣни, какъ бывало я передъ Ренатою, взяла мою руку и прошептала мнѣ:

— Господинъ Рупрехтъ, отчего вы давно не разсказали мнѣ про себя все?

Была такая ласковость въ ея голосѣ и онъ такъ осторожно коснулся ранъ моего сердца, что не было мнѣ ни стыдно своей скорби, ни страшно присутствія чужого въ этой комнатѣ. Я тоже сжалъ руку Агнессѣ и такъ же тихо, какъ говорила она, сказалъ въ отвѣтъ ей:

— Останьтесь со мной, Агнесса; благодарю васъ, что вы пришли.

И тутъ же, такъ какъ я не могъ въ тотъ часъ думать ни о чемъ иномъ, сталъ я говорить Агнессѣ о Ренатѣ, о нашей любви, о моемъ отчаяньи. Нашла свое утоленіе давно томившая меня жажда назвать вслухъ, громко свои чувства, съ безпощадностью, въ точныхъ терминахъ, опредѣлить свое положеніе, — и слова вырывались у меня какъ-то противъ моей воли, безъ

удержу, иногда безъ связи, какъ у сумасшедшаго. Я видѣлъ, какъ блѣднѣла Агнесса отъ моихъ признаній, какъ свѣтлый и всегда безпечный взглядъ ея застилался слезами, но воздержаться уже не имѣлъ силы, ибо видъ чужого страданія какъ-то облегчалъ мое собственное. Если же Агнесса пыталась вставить свое слово, чѣмъ-нибудь утѣшить меня, я насильственно прерывалъ ея рѣчь и продолжалъ свою еще въ большемъ изступленіи, словно меня уносилъ въ бездну на своихъ крылахъ какой-то демонъ.

Безумный порывъ мой длился, вѣроятно, около часа и, наконецъ, Агнесса, не выдержавъ той пытки, какой я подвергъ ее, вдругъ, зарыдавъ, упала на полъ и повторяла: «А обо мнѣ, обо мнѣ вы и не думали никогда!» Тутъ я нѣсколько опомнился, поднялъ Агнессу, усадилъ ее въ кресло, говорилъ, что я признателенъ ей за ея доброту безконечно, и, дѣйствительно, въ ту минуту испытывалъ къ ней всю нѣжность любящаго брата. Когда же Агнесса успокоилась, отерла покраснѣвшіе глаза, привела въ порядокъ растрепавшіеся волосы и стала торопиться домой, чтобы отсутствіе ея осталось незамѣченнымъ, я на колѣняхъ умолялъ ее прійти завтра вновь, хотя на минуту. А послѣ ухода Агнессы испытывалъ я какое-то странное успокоеніе, словно раненый, который долго лежалъ на полѣ битвы безъ помощи и, наконецъ, попалъ въ руки внимательнаго медика, промывшаго ему, не безъ мучительной боли, его глубокія раны и перевязавшаго ихъ чистымъ полотномъ.

Агнесса вернулась ко мнѣ на другой день, а потомъ пришла и на третій, и на четвертый, и стала появляться въ моихъ комнатахъ ежедневно, умѣя какъ-то обмануть и бдительность брата и аргусовскій взоръ сосѣднихъ кумушекъ. Конечно, я не могъ не догадаться тотчасъ, почему она приходила ко мнѣ, да ея дрожь, когда я къ ней прикасался, покорность ея взгляда и робость ея словъ достаточно объясняли мнѣ, что она ко мнѣ относилась со всей нѣжностью перваго чувства. Но это не могло помѣшать мнѣ мучить ее своими признаніями, потому что мнѣ Агнесса была нужна только какъ слушательница, передъ которой могъ я свободно говорить о томъ, чѣмъ жила моя душа,

и передъ которой я могъ вслухъ произносить сладостное мнѣ имя Ренаты. Такимъ образомъ, въ обратномъ отраженіи повторились для меня тѣ часы, когда я самъ слушалъ разсказы Ренаты о Генрихѣ, ибо на этотъ разъ я былъ не жертвою, но палачомъ. И, глядя на маленькую Агнессу, ежедневно шедшую ко мнѣ на мученія, думалъ я, что мы четверо: графъ Генрихъ, Рената, я и Агнесса, — сцѣплены между собою, какъ зубчатыя колеса въ механизмѣ часовъ, такъ что одинъ невольно впивается въ другого своими остріями.

Я скажу, что Агнесса съ неожиданной для нея бодростью переносила эти испытанія, такъ какъ любовь, повидимому, всѣмъ, и самымъ слабымъ, даетъ силы титана. Забывъ свою дѣвическую скромность, покорно слушала она мои разсказы о дняхъ нашего счастія съ Ренатою, — разсказы, въ которыхъ нравилось мнѣ вспоминать и о самомъ сокровенномъ. Преодолѣвая свою дѣтскую ревность, шла она за мной въ комнату Ренаты, и позволяла показывать себѣ любимыя мѣста Ренаты, кресло, гдѣ она часто сидѣла, алтарь, у котораго она молилась, ту постель, у подножія которой я, бывало, спалъ, не смѣя поднять глазъ выше. Заставлялъ я Агнессу и обсуждать со мною вопросъ, какъ мнѣ теперь поступить, и робкимъ, прерывающимся голосомъ убѣждала она меня, что мнѣ безсмысленно было бы ѣхать на поиски по всѣмъ городамъ нѣмецкихъ земель, особенно, когда я не зналъ даже, гдѣ родина Ренаты и гдѣ живутъ ея близкіе.

Впрочемъ, случалось нерѣдко, что я не соразмѣрялъ своихъ ударовъ съ силами своей жертвы, и тогда Агнесса, вдругъ уронивъ руки, шептала мнѣ: «Я не могу больше!» и вся какъ-то поникала, то опускаясь въ тихихъ слезахъ на полъ, то стыдливо припадая лицомъ въ кресло. Тогда истинная нѣжность къ этой бѣдной дѣвочкѣ возникала во мнѣ, я обнималъ ее ласково, такъ что смѣшивались наши волосы и губы сближались въ поцѣлуй, для меня, однако, не значившій ничего другого, кромѣ дружбы. Можетъ быть, ради этихъ краткихъ минутъ и приходила ко мнѣ Агнесса, и, въ ожиданіи ихъ, готова была принять всѣ мои обиды.

Такъ прошло времени больше недѣли, а я все медлилъ въ

Кельнѣ, во-первыхъ, потому, что, дѣйствительно, некуда было мнѣ ѣхать, а, во-вторыхъ, потому, что безволіе все еще опутывало меня словно густой сѣтью, и страшно мнѣ было разстаться съ послѣдней пристанью, еще остававшейся у меня на землѣ: съ привязанностью Агнессы. Душа моя въ тѣ дни такъ была размягчена всѣмъ, мною пережитымъ, что никто бы не призналъ во мнѣ суроваго сподвижника великихъ конвистадоровъ, водившаго экспедиціи черезъ дѣвственные лѣса Новой Испаніи, но, напротивъ, весь погруженный въ смѣну своихъ чувствъ, напоминалъ я скорѣе какого-нибудь «кортиджано», столь тонко изображеннаго остроумнымъ Бальдассаре Кастильоне. И, можетъ быть, не имѣя воли сдѣлать рѣшительный шагъ, еще много дней длилъ бы я свой странный образъ жизни, если бы не положило ему конецъ происшествіе, которое вѣрнѣе признать естественнымъ выводомъ изъ всего бывшаго, чѣмъ случайностью.

Однажды, на склонѣ дня, а именно въ субботу 6 марта, когда Агнесса, не выдержавъ снова тѣхъ испытаній, какимъ я подвергъ ее, лежала въ безсиліи у меня на колѣняхъ, а я, снова раскаиваясь въ своей жестокости, осторожно цѣловалъ ее,— дверь нашей комнаты вдругъ распахнулась и на порогѣ показался Матвѣй, который, увидѣвъ неожиданную картину, весь какъ-то замеръ отъ изумленія. Агнесса, при появленіи брата, вскочила съ крикомъ и, растерянно метнувшись къ стѣнѣ, прижала къ ней свое лицо; я тоже, чувствуя себя виноватымъ, не зналъ, что сказать,—и въ теченіе, вѣроятно, цѣлой минуты представляли мы какую-то нѣмую сцену изъ пантомимы уличнаго театра. Наконецъ, получивъ даръ рѣчи, Матвѣй заговорилъ такъ, въ сердцахъ:

— Вотъ этого, братъ, я отъ тебя не ожидалъ! Что хочешь про тебя думалъ, а ужъ честнымъ малымъ тебя считалъ! Я-то смотрю, что онъ пересталъ ко мнѣ ходить! То, бывало, каждый день, каждый день, а то—двѣ недѣли глазъ не кажетъ! Сманилъ, значитъ, птичку; думаетъ: теперь она ко мнѣ и сама летать будетъ. Ну, нѣтъ, братъ, ошибаешься, это тебѣ легко не сойдетъ съ рукъ!

Говоря такъ и самъ отъ своихъ словъ приходя въ ярость,

Матвѣй наступалъ на меня чуть ли не съ поднятыми кулаками, и я тщетно пытался образумить его. Потомъ, замѣтивъ вдругъ Агнессу, Матвѣй ринулся на нее и, еще болѣе задыхаясь, сталъ осыпать ее непристойными, бранными словами, какихъ никогда не посмѣлъ бы я произнести въ присутствіи женщины. Агнесса, слыша жестокія обвиненія, зарыдала еще отчаяннѣе, задрожала вся, какъ опаленная на огнѣ бабочка, и упала на полъ наполовину безъ чувствъ. Тутъ я уже рѣшительно вступился въ дѣло, загородилъ Агнессу и сказалъ Матвѣю твердо:

— Милый Матвѣй! Я очень передъ тобой виноватъ, хотя, можетъ быть, и не настолько, какъ ты это думаешь. Но сестра твоя не виновна ни въ чемъ, и ты долженъ оставить ее, пока не выслушаешь моихъ объясненій. Пусть госпожа Агнесса идетъ домой, а ты сядь и позволь мнѣ говорить.

Увѣренность моего тона подѣйствовала на Матвѣя; онъ примолкъ и грузно опустился въ кресло, ворча:

— Ну, послушаемъ твою діалектику!

Я помогъ Агнессѣ подняться, такъ какъ она едва сознавала, что дѣлаетъ, проводилъ ее до двери и тотчасъ заперъ эту дверь на засовъ. Потомъ, вернувшись къ Матвѣю, сѣлъ противъ него и сталъ говорить, насколько могъ спокойнымъ голосомъ. Какъ то со мной всегда бываетъ, въ минуту, когда надо дѣйствовать, — ко мнѣ вернулась тогда и ясность мысли и твердость воли.

Я объяснилъ Матвѣю, насколько то можно было человѣку грубому и простоватому, какія обстоятельства жизни довели меня до крайняго отчаянья, и изобразилъ посѣщенія Агнессы, какъ дѣло милосердія, подобное посѣщенію больницъ или темницъ, на что благословляетъ и Церковь. Настаивалъ я, что ни съ моей стороны, ни со стороны Агнессы не было рѣчи о любви, не говоря уже о болѣе низменныхъ пожеланіяхъ, и что наши отношенія не переступали дозволеннаго между братомъ и сестрою. Ту же картину, свидѣтелемъ которой былъ Матвѣй, объяснилъ я исключительно добротою Агнессы, которая плакала надъ моими страданіями и волновалась видомъ моей неутѣшной скорби. При этомъ, конечно, старался я говорить со

всей убѣдительностью, какой только способенъ былъ достигнуть, и полагаю, что самъ Маркъ Туллій Цицеронъ, отецъ ораторовъ и лицемѣровъ, прослушавъ мою святошескую рѣчь, похлопалъ бы меня по плечу благосклонно.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, Матвѣй успокаивался нѣсколько, и въ отвѣтъ потребовалъ:

— Вотъ что, братъ. Поклянись мнѣ пречистымъ тѣломъ Христовымъ и блаженствомъ Пресвятой Дѣвы въ Раю, что между тобой и Агнессой не было ничего дурного.

Я, конечно, далъ такую клятву со всей серьезностью, и Матвѣй тогда сказалъ мнѣ:

— А теперь я тебѣ вотъ что скажу. Въ тонкости чувствъ я вдаваться не умѣю и не хочу, а только объ Агнессѣ ты и думать перестань. Если бы ты посватался къ ней, я бы, можетъ быть, и не отказалъ бы, а всѣ эти сочувствія да нѣжности не для нея,—ей нужно не друга, а мужа. Къ ней ты лучше и не думай показываться, да и никакихъ писемъ не подсылай,—ничего хорошаго не выйдетъ!

Постановивъ такое рѣшеніе, Матвѣй поднялся съ кресла, собираясь уходить, но потомъ передумалъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, уже голосомъ болѣе добрымъ:

— И еще вотъ что я добавлю, Рупрехтъ: уѣзжай отсюда по добру. Я съ этимъ къ тебѣ и шелъ, чтобы посовѣтовать. Вчера слышалъ я такіе разговоры про тебя, что мнѣ страшно стало. Увѣряютъ, что ты съ своей сбѣжавшей дѣвкой занимался не только чернокнижіемъ, но и кое-чѣмъ похуже. Я, конечно, въ это не очень вѣрю, но самъ знаешь, подъ пыткой всякій въ чемъ угодно признается. А уже поговариваютъ, что слѣдуетъ тебя привлечь къ отвѣту. Положимъ, нашъ архіепископъ Генрихъ—добрый человѣкъ и просвѣщенный, но вѣдь нельзя же потакать чернокнижію. Однимъ словомъ, послушайся меня,—отъ сердца говорю: уѣзжай да поскорѣе!

Послѣ этихъ словъ Матвѣй, все не подавая мнѣ руки, повернулся и вышелъ, и я остался одинъ. Замѣчательно, что все это происшествіе, совершившееся чрезвычайно быстро, въ десять или пятнадцать минутъ, и въ которомъ трагедія была

смѣшана съ легкой комедіей,—повліяло на меня самымъ возбуждающимъ образомъ. Я испытывалъ такое ощущеніе, словно бы меня во снѣ окатили студеной водой и я дико озираюсь кругомъ, продрогшій, но проснувшійся. Когда постепенно мое волненіе успокоилось, я сказалъ самъ себѣ:

— Не очевидно ли, что это событіе было послано тебѣ Рокомъ, чтобы вызвать тебя изъ той трясины бездѣйствія, въ которой завязла твоя душа? Еще немного, и лучшая часть твоихъ чувствъ поросла бы сплошной болотной осокой. Надо избрать что-нибудь одно—или жизнь или смерть: если жить ты не можешь, то умри, немедля; если же не хочешь умереть, живи, а не будь похожъ на улитку! Цѣлые дни плакать и умиляться на чью-то доброту—недостойно человѣка, поставленнаго, по словамъ Пико делла Мирандолы, въ средоточіи міра, чтобы озирать все существующее!

Эти простыя разсужденія, которымъ слѣдовало бы прійти мнѣ въ голову и безъ проповѣди Матвѣя, отрезвили меня и я сталъ смотрѣть на свое положеніе глазами здравыми. Ясно было, что мнѣ пора покинуть городъ Кельнъ, гдѣ болѣе не было никакихъ причинъ мнѣ оставаться и гдѣ могли угрожать мнѣ, по указанію Матвѣя, весьма важныя непріятности. Тотчасъ же, не откладывая дѣла, началъ я готовиться къ отъѣзду, разбирать вещи, которыхъ накопилось много за мѣсяцы жизни на одномъ мѣстѣ, и пересчитывать свои деньги, которыхъ у меня оказалось больше 100 рейнскихъ флориновъ — сумма, съ которой я еще не могъ считать себя бѣднякомъ. Куда именно ѣхать, у меня въ то время не было опредѣленнаго рѣшенія, и только одно зналъ я твердо, что не поѣду въ родной Лозгеймъ, къ родителямъ: мнѣ и тогда казалось нестерпимымъ явиться передъ ними какимъ-то неудачникомъ, безъ денегъ, безъ надеждъ, чтобы отецъ въ правѣ былъ сказать мнѣ въ лицо: «Былъ ты бездѣльникомъ, такимъ и остался».

Слѣдующій день былъ воскресный, и его рѣшилъ я отдать на то, чтобы попрощаться съ Кельномъ, ибо слишкомъ много дорогого для меня свершилось въ этомъ городѣ, чтобы я могъ его покинуть какъ деревушку, въ которой заночевалъ случайно.

Подъ звонъ церковныхъ колоколовъ надѣлъ я свое лучшее платье, печально вспоминая, какъ въ праздники шли мы прежде съ Ренатою къ мессѣ, и направился одиноко въ нашу приходскую церковь св. Цецили, полную разноцвѣтной толпой. Тамъ, прислонясь у колонны, слушая пѣніе органа, пытался я обрѣсти въ своей душѣ молитвенное чувство, чтобы хотя имъ слиться съ Ренатою, которая въ тотъ часъ, конечно, молилась тоже, гдѣ-то въ другой, неизвѣстной мнѣ церкви,—какъ объединяются двое любящихъ, раздѣленныхъ океаномъ, глядя вечеромъ на одну и ту же звѣзду.

Потомъ, по окончаніи мессы, я долго бродилъ изъ улицы въ улицу, воскрешая въ памяти событія послѣднихъ мѣсяцевъ, такъ какъ, казалось, не было въ городѣ камня, съ которымъ не связывалось бы у меня какого-нибудь воспоминанія. Тамъ, за Ганзейской пристанью, бывало, сидѣли мы съ Ренатою, молча смотря на темныя воды Рейна; здѣсь, въ церкви св. Петра, была у нея любимая скамейка; вотъ здѣсь, у башни св. Мартина, долго и увѣренно ждала Рената появленія своего Генриха; этой улицей ѣхалъ я вмѣстѣ съ Матвѣемъ на поединокъ съ Генрихомъ; въ этомъ кабакѣ, однажды, провелъ я нелѣпые часы въ мечтахъ о Ренатѣ и объ Агнессѣ. И безконечно много другихъ воспоминаній отдѣлялось передо мной отъ стѣнъ, вставало на перекресткахъ съ земли, кивало мнѣ изъ оконъ домовъ, выглядывало на меня изъ-за прилавковъ магазиновъ, слетало ко мнѣ со шпилей церковныхъ башенъ. Мнѣ начинало казаться, что мы съ Ренатою заселили весь городъ Кельнъ тѣнями нашей любви, и страшно мнѣ стало разстаться съ этимъ мѣстомъ, словно съ обѣтованной землей.

Такъ, бродя въ тоскѣ и мечтахъ, подошелъ я, уже не въ первый разъ, къ Собору и безъ опредѣленной цѣли остановился въ его тѣни, около громадныхъ южныхъ оконъ, когда внезапно изъ толпы выступило два человѣка, повидимому, и раньше слѣдившихъ за мною, и приблизились ко мнѣ. Я посмотрѣлъ на нихъ изумленно, но долженъ признаться, что уже при самомъ бѣгломъ осмотрѣ они мнѣ показались весьма замѣчательными. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, одѣтый какъ обычно

одѣваются доктора, съ небольшой курчавой бородкой,—производилъ впечатлѣніе переодѣтаго короля. Осанка его была благородна, движенія — самоувѣренны, а въ выраженіи лица — какое-то утомленіе, словно у человѣка, уставшаго повелѣвать. Спутникъ его былъ одѣтъ въ монашеское платье; онъ былъ высокъ и худъ, но все существо его каждый мигъ мѣняло свой внѣшній видъ, такъ же, какъ его лицо свое выраженіе. Сначала мнѣ представилось, что монахъ, идя ко мнѣ, едва сдерживаетъ смѣхъ, готовясь къ какой-то остроумной шуткѣ; черезъ мигъ я былъ увѣренъ, что у него какія-то злобныя намѣренія противъ меня, такъ что я внутренно уже приготовился къ оборонѣ; но когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, я увидалъ на его лицѣ лишь почтительную улыбку.

Съ изысканной вѣжливостью монахъ сказалъ мнѣ:

— Любезный господинъ, сколько мы замѣтили, вы проводите время въ томъ, что осматриваете этотъ прекрасный городъ и притомъ, кажется, съ нимъ хорошо знакомы. Между тѣмъ, мы —путешественники, пріѣхали сюда въ первый разъ и очень были бы рады, если бы кто-нибудь указалъ намъ на достопримѣчательности Кельна. Не окажете ли вы намъ вниманіе и не согласитесь ли стать на сегодняшній день нашимъ проводникомъ?

Была въ голосѣ монаха необыкновенная вкрадчивость или, вѣрнѣе, было въ немъ какое-то магическое вліяніе на душу, потому что сразу почувствовалъ я себя словно запутавшимся въ неводѣ его словъ и, вмѣсто того, чтобы рѣзкимъ отказомъ прервать разговоръ, отвѣчалъ такъ:

— Простите, любезные господа, но меня удивляетъ, что вы обращаетесь съ такими просьбами къ человѣку, который васъ не знаетъ и у котораго могутъ быть болѣе важныя дѣла, чѣмъ водить по городу двухъ пріѣзжихъ.

Монахъ, съ удвоенной любезностью, подъ которой могла скрываться и насмѣшка, возразилъ мнѣ:

— Мы вовсе не хотѣли васъ обидѣть. Но намъ показалось, что вы не очень радостны, а мы зато—веселые ребята, живемъ каждой минутой, не думая о слѣдующей, и, можетъ быть, если бы вы согласились соединиться съ нами, оказали бы вамъ не

меньшую услугу, чѣмъ вы намъ. Если же останавливаетъ васъ, что вы насъ не знаете, то этому помочь легко, такъ какъ у всякой вещи и у всякаго существа есть свое названіе. Вотъ это — мой другъ и покровитель, человѣкъ достойнѣйшій и ученѣйшій, докторъ философіи и медицины, изслѣдователь элементовъ, Іоганнъ Фаустъ, имя, которое вы, быть можетъ, слышали. А я — скромный схоляръ, много лѣтъ изслѣдующій изнанку вещей, которому излишній иронизмъ мѣшаетъ сдѣлаться хорошимъ теологомъ. Въ дѣтствѣ звали меня Іоганномъ Мюллиномъ, но болѣе привычно мнѣ шуточное прозвище Мефистофелесъ, подъ которымъ и прошу меня жаловать.

Въ то время оба незнакомца показались мнѣ людьми достойными, и я подумалъ, что не будетъ никакого зла, если я проведу нѣкоторое время въ обществѣ двухъ путешественниковъ и попытаюсь въ ихъ здоровую веселость окунуть свою тягостную грусть. Сохраняя все свое достоинство, я отвѣтилъ, что готовъ прійти къ нимъ на помощь, такъ какъ издавна люблю городъ Кельнъ и радъ познакомить чужестранцевъ съ его богатствами. Такимъ образомъ, союзъ былъ заключенъ, и я тутъ же вступилъ въ свою роль проводника, предлагая начать осмотръ съ того собора, около котораго мы находились.

Всѣ, бывавшіе въ Кельнѣ, хорошо знаютъ этотъ Соборъ, о которомъ уже нѣсколько разъ упоминалъ я въ своемъ разсказѣ, да и не посѣщавшіе города слышали, конечно, о громадномъ сооруженіи, предпринятомъ три вѣка назадъ, и въ своемъ теперешнемъ видѣ краснорѣчиво свидѣтельствующемъ о слабости силъ человѣка, сравнительно съ мощью его фантазіи. Я разсказалъ своимъ спутникамъ все, что зналъ о постройкѣ этого храма, въ которомъ хоровая часть была освящена черезъ столѣтіе послѣ начала работъ, корабль—предоставленъ для служенія еще спустя пятьдесятъ лѣтъ, башни, не доведенныя до полной высоты, украшены колоколами болѣе восьмидесяти лѣтъ назадъ,—и который все еще стоитъ среди города, какъ Ноевъ ковчегъ, готовимый для будущаго потопа, и, словно пальцемъ, грозитъ съ крыши гигантскимъ журавлемъ для подъема камней. Когда я кончилъ мое объясненіе, Мефистофелесъ сказалъ:

— Какъ измельчали люди! Храмъ Соломона былъ не меньше этого, а построенъ всего въ семь съ половиною лѣтъ! Впрочемъ, и то сказать: работали на старика не одни рабы, но и духи стихійные. Бывало, пригрозитъ имъ перстнемъ, а они отъ ужаса дрожатъ, какъ листья осенью.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ я на того, кто о царѣ-Псалмопѣвцѣ говорилъ, словно о человѣкѣ, лично знакомомъ, но потомъ я счелъ это шуткой и посовѣтовалъ моимъ спутникамъ войти во храмъ и осмотрѣть семь капеллъ, окружающихъ хоровую часть. Когда показывалъ я капеллу Трехъ Волхвовъ, гдѣ, по преданію, лежатъ тѣла этихъ евангельскихъ маговъ, переданные Кельну послѣ разрушенія итальянскаго города Милана, докторъ Фаустъ, до тѣхъ поръ почти все время молчавшій, сказалъ:

— Добрые люди! Не сбились ли вы немного съ пути, заѣхавъ сюда, вмѣсто того, чтобы попасть въ Виолеемъ палестинскій! Или, можетъ быть, были вы послѣ смерти брошены въ море и приплыли въ Кельнъ по Рейну, чтобы здѣсь обрѣсти себѣ могилу!

Мы на эту остроту засмѣялись, а Мефистофелесъ прибавилъ въ томъ же тонѣ:

— Бѣдные Мельхіоръ, Балтазаръ и Каспаръ, не очень-то вы были удачливы! При жизни крестилъ васъ апостолъ Ѳома, который и самъ въ Іисуса Христа плохо вѣрилъ, а по смерти положили васъ на покой во храмѣ, который самъ покоя не вѣдаетъ!

Осмотрѣвъ Соборъ, отправились мы къ старинной церкви св. Куниберта, потомъ къ св. Урсулѣ, потомъ къ св. Гереону, къ остаткамъ римской стѣны и такъ далѣе—ко всѣмъ достопримѣчательностямъ города Кельна. Вездѣ мои спутники находили, что сказать смѣшного или остроумнаго, причемъ въ рѣчахъ доктора Фауста больше было добродушной шутки, а Мефистофелесъ предпочиталъ злую насмѣшку. Въ общемъ эта новая прогулка по знакомымъ мѣстамъ, съ двумя неутомимыми собесѣдниками, разсѣяла нѣсколько черное облако унынія, опять заволокшее кругозоры моей души, и когда отъ продолжительной ходьбы всѣ мы очень устали, я съ удовольствіемъ принялъ пред-

ложеніе Мефистофеля войти въ ближайшій трактиръ и выпить кварту вина.

Въ трактирѣ мы помѣстились въ углу, около окна, и, пока хозяинъ и слуга жарили намъ гуся и подавали вино, я сталъ подробнѣе разспрашивать своихъ новыхъ знакомцевъ, кто они и куда ѣдутъ. Мефистофелесъ отвѣчалъ мнѣ такъ:

— Мой другъ и покровитель, докторъ Фаустъ, утомленъ бременемъ познаній, — ибо онъ человѣкъ ученѣйшій,—и пожелалъ лично убѣдиться, устроенъ ли міръ согласно съ законами науки или нѣтъ. А по пути, объѣзжая страны и осматривая города, мы, кстати, убѣждаемся, что вино всюду пьяно, и мужчины вездѣ бѣгаютъ за женщинами.

Докторъ Фаустъ печально добавилъ:

— Ты могъ бы лучше сказать, что подъ всѣми широтами за деньги нельзя купить счастія и силой нельзя получить любви.

Я спросилъ, въ какихъ странахъ они бывали, и Мефистофелесъ охотно сдѣлалъ мнѣ длинный перечень:

— Сначала,—сказалъ онъ,—побывали мы въ Италіи, видѣли Миланъ, Венецію, Падую, Флоренцію, Неаполь и Римъ. Въ Римѣ мой другъ сильно позавидовалъ жизни его святѣйшества и жестоко упрекалъ меня, что я не сдѣлалъ его папой. Потомъ отправились мы въ Паннонію и Грецію. Въ Греціи пожелѣлъ мой другъ, что не живетъ во времена Ахилла и Гектора. Потомъ моремъ проѣхали мы въ Египетъ, гдѣ я показывалъ доктору пирамиды, и онъ непремѣнно пожелалъ быть фараономъ. Изъ Египта отправились мы въ Палестину, но я эту страну не очень люблю, и мы перебрались въ Константинополь къ султану Солиману, самому славному изъ всѣхъ правителей міра, и если бы я не удержалъ доктора, онъ непремѣнно перешелъ бы въ вѣру Магомета. Изъ Константинополя пробрались мы въ Московію, и докторъ Фаустъ показывалъ свою ученость при дворѣ княгини Елены, но остаться тамъ не пожелалъ изъ-за лютыхъ морозовъ. Теперь же объѣзжаемъ мы города нѣмецкой земли: были въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Аугсбургѣ, Прагѣ, Лейпцигѣ, Нюренбергѣ и Страсбургѣ. Далѣе направляемся въ Триръ, а послѣ поѣдемъ во Францію и въ Англію.

Пока Мефистофелесъ передавалъ мнѣ этотъ свой итинерарій, принесли намъ вина, и, за стаканами рейнвейна, бесѣда наша оживилась. Я все старался вывѣдать, насколько новые знакомцы меня морочатъ и насколько говорятъ правду, но оба они были чрезвычайно уклончивы въ своихъ отвѣтахъ. Мефистофелесъ постоянно шутилъ, и изо всѣхъ вопросовъ выскальзывалъ, какъ змѣя, а докторъ Фаустъ говорилъ мало, словно бы ничто въ мірѣ не занимало его, ничего не отрицалъ, но и не подтверждалъ ничего. Впрочемъ, когда я, узнавъ, что докторъ Фаустъ не чуждъ занятіямъ магіей, описалъ ему свою поѣздку къ Агриппѣ Неттесгеймскому, докторъ прослушалъ мой разсказъ съ видимымъ любопытствомъ, и въ отвѣтъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Я читалъ сочиненія Агриппы, и онъ мнѣ представляется человѣкомъ очень трудолюбивымъ, но не одареннымъ. Магіей онъ занимался такъ же, какъ исторіей или какой другой наукой. Это тоже, какъ если бы человѣкъ усидчивостью думалъ достичь совершенства Гомера и глубокомыслія Платона. Всѣ сочиненія Агриппы основаны не на опытѣ магическомъ, который одинъ открываетъ дверь къ этой наукѣ, а на добросовѣстномъ изученіи разныхъ книгъ,—не болѣе.

Я, сколько умѣлъ, защищалъ значеніе Агриппы, такъ какъ поистинѣ считаю сочиненіе «De occulta philosophia» торжествомъ человѣческаго ума, но Мефистофелесъ, вмѣшавшись, прекратилъ нашъ споръ такими словами:

— Сколько бы ни потѣли вы, господа, надъ формулами и и сколько бы ни упражнялись въ магическомъ опытѣ, все равно уловите вы въ свои сѣти только какую-нибудь жалкую тварь изъ бѣсовскаго міра, ради которой и трудиться не стоило. А ужъ съ тѣми, кто посильнѣе, не вамъ тягаться, если не оковали ихъ ни Адамъ, ни Соломонъ, ни Альбертъ Великій! Ну, да будетъ философствовать и систематизировать; я, право, не вынесу больше ученой мины; давайте веселиться: вѣдь мы же это обѣщали нашему гостю!

Въ трактирѣ было довольно много посѣтителей, и Мефистофелесъ, внезапно перемѣнивъ свой серьезный видъ на образъ настоящаго шута, обратился къ присутствующимъ съ какой-то

прибауткой, предлагая спѣть пѣсенку. Кое-кто подошелъ къ намъ, а Мефистофелесъ, присѣвъ на столъ, звонкимъ и довольно пріятнымъ голосомъ запѣлъ разудалые куплеты, изъ которыхъ запомнился мнѣ только припѣвъ, который скоро стала подтягивать вся зала:

Wein! Wein!
Von dem Rhein!

Кончивъ пѣсню, Мефистофелесъ обратился къ слушателямъ съ такимъ предложеніемъ:

— Милостивые господа! Совершая путешествіе и посѣтивъ вашъ городъ, мы чрезвычайно довольны его мѣстоположеніемъ и желали бы отблагодарить какъ-нибудь васъ за то. Позвольте же намъ угостить каждаго изъ васъ доброй кистью молодого винограда!

Всѣ приняли эти слова за шутку, ибо едва начиналась весна и на лозахъ не могло быть и зеленаго листика, но Мефистофелесъ съ полу-серьезнымъ, полу-шутовскимъ видомъ принялся за исполненіе своего обѣщанія. Онъ взялъ въ руки два блюда и, поднявъ ихъ вверхъ, протянулъ къ самому окну, которое, въ виду духоты въ комнатѣ, было слегка пріоткрыто, приговаривая при этомъ съ комически-таинственнымъ видомъ какія-то безсмысленныя слова, по внѣшности похожія на заклинанія. Зрители, глядя на эти продѣлки, хохотали—какъ надъ выходкой забавнаго гауклера, но Мефистофелесъ черезъ нѣсколько минутъ поставилъ блюда на столъ и они оказались наполненными гроздьями бѣлаго и краснаго винограда.

Разумѣется, я не сомнѣвался, что въ этомъ чудѣ крылась только хитрость ловкаго фокусника, однако, въ то время и я былъ пораженъ не менѣе прочихъ, и у всѣхъ насъ невольно вырвалось восклицаніе изумленія. Мефистофелесъ всѣхъ приглашалъ попробовать его угощенія и тѣ, кто на это отваживался, могли убѣдиться, что виноградъ производилъ впечатлѣніе совершенно свѣжаго. Нѣкоторое время Мефистофелесъ былъ предметомъ всеобщаго восхищенія, такъ какъ на него смотрѣли не безъ священнаго страха, какъ на колдуна или чародѣя, а

онъ, сложивъ руки на груди, среди толпящихся бюргеровъ стоялъ, какъ идолъ, съ лицомъ горделивымъ, какъ у Люцифера.

Однако, когда прошло первое удивленіе, замѣтилъ кто-то, что подобное дѣло не могло быть исполнено безъ помощи черной силы, и этотъ голосъ поддержалъ слуга трактира, которому не по вкусу было, что посѣтители угощаются припасами, добытыми чудеснымъ способомъ. Какой-то подвыпившій крестьянинъ даже подступилъ къ Мефистофелю со сжатыми кулаками и сталъ, ругаясь, требовать, чтобы онъ тотчасъ поцѣловалъ крестъ и подтвердилъ, что онъ—добрый христіанинъ. Еще третій, видимо, студентъ изъ бурсы, сталъ предостерегать, что виноградъ можетъ оказаться отравленнымъ.

Мефистофелесъ нѣкоторое время слушалъ брань и нападки съ надменнымъ видомъ, потомъ вдругъ отвѣтилъ всѣмъ такъ:

— Если вамъ, пьяницы, мой виноградъ не по вкусу, то вы его и не получите!

Сказавъ, онъ накинулъ на блюда край своего плаща, а когда поднялъ его—винограда уже не было и въ поминѣ, и всѣ мы могли думать, что видѣли и пробовали ягоды лишь въ воображеніи.

Тутъ поднялся неизъяснимый шумъ, такъ какъ всѣ сразу пришли въ ярость и кинулись на насъ троихъ, чтобы побить насъ. Въ лицо намъ вопили, что мы—мошенники и что должно передать насъ городскимъ властямъ, а кулаки подымались уже надъ нашими головами, такъ что могло намъ прійтись плохо, тѣмъ болѣе, что мы были загнаны въ уголъ. Уже взялся я за эфесъ шпаги, думая, что оружіемъ придется мнѣ защищать свое достоинство, но вмѣшательство трактирнаго хозяина, которому не хотѣлось, чтобы его заведеніе стало ареною убійства, кое-какъ успокоило ссору. Мефистофелесъ кинулъ на столъ крупную монету и, подъ прикрытіемъ слуги, добрались мы до двери, провожаемые весьма нелестными возгласами.

Когда мы были уже на улицѣ, докторъ Фаустъ сказалъ Мефистофелю сурово:

— Какъ тебѣ не наскучитъ повторять однѣ и тѣ же старыя шутки! Сидитъ въ тебѣ мелкій бѣсенокъ, который часу не

можетъ прожить безъ проказъ. Лицо у тебя, должно быть, устаетъ быть серьезнымъ и должно отъ времени до времени кривиться въ гримасу. О всѣхъ твоихъ мальчишескихъ продѣлкахъ стыдно мнѣ вспоминать!

Мефистофелесъ отвѣтилъ съ преувеличенной почтительностью:

— Что дѣлать, любезный докторъ, не всѣмъ быть испытателями элементовъ, какъ вы, да кому же мы обѣщали позабавить нашего сотоварища!

Фаустъ продолжалъ:

— А что, если бы хозяинъ не вступился за насъ, пришлось бы намъ познакомиться съ кельнскими кулаками!

Мефистофелесъ возразилъ:

— Вотъ еще! я сыгралъ бы съ ними такую же шутку, какъ съ питухами изъ Ауербаховскаго погреба въ Лейпцигѣ, и мы еще потѣшились бы вдвое.

Чтобы перемѣнить разговоръ, я спросилъ Мефистофеля, какъ должно смотрѣть на показанный имъ фокусъ: есть ли это проворство рукъ или обманъ зрѣнія,—но онъ сказалъ мнѣ:

— Вы ошиблись, это ни то, ни другое, но умѣніе пользоваться законами природы. Вамъ должно быть извѣстно, что годъ раздѣленъ между двумя частями земли, такъ что когда у насъ зима, въ Сабейской Индіи—лѣто и наоборотъ. Остается только имѣть въ своемъ распоряженіи маленькаго духа, умѣющаго летать быстро, и онъ безъ труда въ любой мѣсяцъ доставитъ вамъ любые плоды, созрѣвающіе гдѣ-либо на другомъ концѣ свѣта.

Какъ всегда въ рѣчахъ Мефистофеля нельзя было при этомъ опредѣлить, говоритъ ли онъ, насмѣхаясь или отъ души, но я не сталъ настаивать на объясненіяхъ. Тѣмъ временемъ подошли мы къ перекрестку, гдѣ должно было намъ разстаться, и я, повинуясь внезапному желанію, такъ какъ новые знакомцы въ сильной степени заняли мое любопытство, сказалъ такъ, обращаясь къ доктору Фаусту:

— Любезный докторъ! Сегодня утромъ я охотно исполнилъ вашу просьбу, для меня не совсѣмъ обыкновенную,—служить

вамъ проводникомъ. Вечеромъ я тоже хочу отнестись къ вамъ съ просьбой, можетъ быть, нескромной. Вы мнѣ сказали, что намѣрены продолжать ваше путешествіе и ѣдете въ городъ Триръ. Но и мнѣ есть нужда отправиться туда же. Не позволите ли вы присоединиться къ вамъ, при чемъ, конечно, всѣ свои расходы я возьму на себя? Въ дорогѣ добрая шпага никогда не помѣшаетъ, а моя грусть будетъ не лишней при постоянной веселости вашего спутника.

Едва я сказалъ эту рѣчь, какъ лицо Мефистофеля, вообще способное мѣнять свое выраженіе, какъ хамелеонъ цвѣтъ кожи, сдѣлалось высокомѣрнымъ и презрительнымъ, словно у государя, говорящаго съ придворнымъ льстецомъ, и онъ сказалъ мнѣ:

— Извините, господинъ Рупрехтъ, мы не нуждаемся ни въ деньгахъ, ни въ шпагахъ. Мы путешествуемъ вдвоемъ, и у насъ нѣтъ мѣста для третьяго. Вы лучше пристройтесь къ какому-либо каравану купцовъ.

Не успѣлъ я отвѣтить на это оскорбленіе, какъ Фаустъ, до тѣхъ поръ проявлявшій только крайнюю вѣжливость, вдругъ пришелъ въ послѣднее раздраженіе и закричалъ на своего друга такъ гнѣвно, какъ только хозяинъ можетъ кричать на собаку:

— Молчи, и позволь мнѣ самому выбирать своихъ спутниковъ! Думаешь ты, что мнѣ пріятно видѣть постоянно около себя только твое кривляющееся лицо? Боже мой, да мнѣ счастьемъ будетъ слышать близъ себя живой человѣческій голосъ!

На эти гнѣвныя слова доктора Фауста Мефистофелесъ разсмѣялся, какъ если бы то была милая шутка, и отвѣтилъ:

— Ваше дѣло, докторъ, приказывать, а мнѣ—повиноваться, и я вамъ покорный слуга, пока не случится какой-либо случайной перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ. Если я отказалъ господину, то только потому, что боялся васъ обезпокоить, а самъ я очень радъ попутчику, лихому собутыльнику и ярому собесѣднику. Ибо вино и логика—это мои слабости, безъ которыхъ мнѣ и жизнь не въ жизнь.

Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, Мефистофелесъ добавилъ:

— Мы пускаемся въ дорогу завтра на зарѣ, а найдете вы насъ въ гостинницѣ «Трехъ королей».

Послѣ этого мы учтиво попрощались и разошлись въ разныя стороны.

Было еще довольно рано, и мнѣ пришло, было, на умъ пойти къ дому Виссмановъ и хотя бы заглянуть тайкомъ къ нимъ въ окно, но тотчасъ замѣтилъ я, что вчерашнее мое рѣшеніе уѣхать и сегодняшнія приключенія совершенно заволокли туманомъ ликъ Агнессы въ моей душѣ, и я тщетно искалъ въ своемъ сердцѣ прежнихъ дружескихъ чувствъ къ ней, словно легкихъ чертъ, начертанныхъ на прибрежномъ пескѣ и стертыхъ приливомъ большихъ волнъ. Такъ и не полюбопытствовалъ я что-либо развѣдать объ участи Агнессы и по сегодняшній день не знаю, отправилъ ли ее братъ за ея вину въ какой-нибудь монастырь, или удовольствовался домашнимъ наказаніемъ, или, повѣривъ моимъ баснямъ, простилъ вполнѣ. Больше я никогда не видѣлъ Агнессы, не говорилъ объ ней ни съ кѣмъ, и только, начавъ эти записки, вновь оживилъ ея образъ, покоившійся мирно въ одномъ изъ гробовъ въ темномъ углу моей памяти.

Пришедши домой, я расплатился съ Луизою, которая не преминула по этому поводу поплакать, отдалъ ей на храненіе разныя громоздкія вещи, какъ книги, а остальныя уложилъ окончательно, и бросился въ постель отдохнуть послѣ дня, полнаго приключеніями необычайными. Въ назначенный часъ, рано утромъ, я былъ на ногахъ, и, перекинувъ черезъ плечо свой дорожный мѣшокъ, поспѣшилъ къ «Тремъ Королямъ», одной изъ лучшихъ гостинницъ въ городѣ. У воротъ стояла крѣпкая, крытая повозка, запряженная четвернею добрыхъ лошадей, а докторъ Фаустъ и Мефистофелесъ, стоя на крыльцѣ, распоряжались укладкою послѣднихъ вещей.

Докторъ привѣтствовалъ меня любезно, а Мефистофелесъ лукаво,—но, впрочемъ, безъ насмѣшки онъ не умѣлъ обходиться никогда. Скромный мой узелъ мы привѣсили сзади кузова, потомъ я и докторъ Фаустъ сѣли внутрь повозки, а Мефистофелесъ съ кучеромъ на козлы. Скоро послышалось щелканіе

кнута, лошади рванули и повозка покатилась по Бонновской дорогѣ къ Северинскимъ воротамъ, увозя меня, можетъ быть, навсегда, изъ города Кельна, гдѣ я прожилъ замѣчательнѣйшіе дни своей жизни.

ГЛАВА XII.

Какъ путешествовалъ я съ докторомъ Фаустомъ и какъ провелъ время въ замкѣ графа фонъ-Веллена.

Только когда городскія стѣны уже давно остались позади насъ и взоръ мой невольно сталъ вбирать въ себя дали весеннихъ полей,—вдругъ почувствовалъ я всю несообразность своего положенія и, какъ бы со стороны посмотрѣвъ на себя, въ чужой повозкѣ, съ чужими людьми, зачѣмъ-то отправляющагося въ городъ Триръ, — мысленно разсмѣялся. Въ самомъ дѣлѣ, шагъ за шагомъ, ступень за ступенью, заставила меня Судьба спуститься въ глубины, столь далекія отъ всѣхъ моихъ прежнихъ плановъ и намѣреній, что былая жизнь уже представлялась мнѣ словно снѣжная вершина за облаками.

Однако, такъ какъ издавна поставилъ я себѣ правиломъ никогда не жалѣть о поступкѣ, разъ совершенномъ, постарался я и свое путешествіе съ докторомъ Фаустомъ обратить къ себѣ стороной, наиболѣе для меня выгодной. Понемногу, несмотря на тряску повозки, ибо кузовъ ея не былъ подвѣшанъ на ремняхъ, какъ то устраиваютъ теперь для облегченія ѣздящихъ, удалось мнѣ вовлечь своего спутника въ оживленный разговоръ. И скоро могъ я уже не раскаиваться, что затѣялъ эту поѣздку, такъ какъ докторъ Фаустъ оказался собесѣдникомъ занимательнѣйшимъ. Говорили мы съ нимъ de omni re scibili, если пользоваться любимымъ выраженіемъ Пико де Мирандолы, и я могъ убѣдиться, что области грамматики и натуральной философіи, математики и физики, астрономіи и юдиціарной астрологіи, всѣхъ

медицинъ и правъ, теологіи, магіи, экономіи и другихъ искусствъ равно знакомы моему спутнику, какъ хорошему хозяину свой огородъ. Я сначала оспаривалъ иныя замѣчанія доктора, потомъ прерывалъ его рѣчь короткими вставками, но потомъ бесѣда наша превратилась въ монологъ, и я предпочелъ играть роль почтительнаго слушателя. Такъ длилось, пока Мефистофелесъ, обративъ къ намъ съ козелъ свое кривляющееся лицо, не перерѣзалъ моего вниманія остріемъ какой-то нелѣпой шутки.

То было передъ нашимъ приближеніемъ къ мѣстечку Брюллю, гдѣ мы дали отдыхъ лошадямъ и провели нѣсколько часовъ въ какой-то скверной гостинницѣ. Здѣсь повстрѣчали мы нѣсколько лоллардовъ, которые, заговоривъ съ нами, стали прославлять успѣхи лютеранства и другихъ подобныхъ ученій, указывая на возрастающую силу Шмалькальденскаго союза протестантовъ, который нынѣ едва ли не болѣе властенъ въ Германіи, чѣмъ Императоръ, на смѣлость короля англійскаго, вмѣсто папы самого себя объявившаго святою главою тѣла церкви, на подвиги королей шведскаго и датскаго, отнявшихъ у духовныхъ все ихъ вѣковое имущество, наконецъ, на упорное сопротивленіе католическому войску новаго пророка Іонна Боккольда въ Мюнстерѣ. Мефистофелесъ, вступивъ въ споръ, горячо защищалъ достоинство Святой Церкви и сказалъ между прочимъ:

— Эти новыя ереси имѣютъ успѣхъ потому, что князья почуяли здѣсь наживу, какъ собаки чуютъ жаркое, а самого Лютера одинъ добрый чортъ водитъ за носъ. Въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ этихъ вѣроисповѣданій и новыхъ катехизисовъ, христіанство такъ обмелѣетъ, что аду куда легче будетъ ловить съ берега свою рыбу.

Скоро любезный читатель увидитъ, почему я счелъ нужнымъ записать здѣсь эти слова Мефистофеля.

Изъ Брюлля поѣхали мы по дорогѣ на Евскирхенъ, но и я, и докторъ Фаустъ были уже значительно утомлены, такъ что эту часть пути мы сдѣлали почти молча, и тщетно старался насъ развеселить Мефистофелесъ, то своими прибаутками, то заставляя пѣть пѣсни нашего кучера, человѣка совершенно мрачнаго вида, напоминавшаго не то разбойника, не то выходца изъ

преисподней. Въ Евскирхенъ прибыли мы уже въ сумеркахъ, мечтая каждый только о спокойной постели, но тамъ ждало насъ приключеніе, героемъ котораго выставилъ себя опять тотъ же неутомимый проказникъ Мефистофелесъ.

Дѣло въ томъ, что въ городѣ оказалось множество пріѣзжихъ, и намъ лишь послѣ долгихъ препирательствъ въ гостинницѣ, подъ вывѣской «Im Schlussel», согласились предоставить для ночлега общую залу, когда посѣтители разойдутся. Приходилось и за то быть благодарнымъ, и мы въ большой комнатѣ второго этажа, набитой какъ трюмъ торговаго корабля, примостились, чтобы поужинать, въ углу, за неимѣніемъ свободнаго стола, около досокъ, уложенныхъ на два пустыхъ боченка. Между бражничающими гостями, большею частью уже совершенно пьяными, хозяинъ гостинницы и его единственный слуга метались по всякимъ діагоналямъ, сбитые съ толку и не чующіе подъ собой ногъ. Мефистофелесъ, послѣ того, какъ мы долго добивались, чтобы намъ подали чего-либо для ужина, поймалъ, наконецъ, слугу за горло и, сдѣлавъ страшную гримасу, закричалъ ему прямо въ лицо, чтобы онъ принесъ намъ немедленно вина и баранины.

Нѣсколько времени спустя парень появился передъ нами, съ волосами, прилипшими ко лбу отъ усталости, по виду совершенно дурковатый, и сунулъ намъ кварту вина и три стакана.

Мы тотчасъ спросили его, гдѣ же баранина, но онъ, озлобленный, должно быть, всеобщими попреками, отвѣчалъ намъ грубо:

— Погодите, и получше васъ дожидаются!

Нѣкоторые изъ посѣтителей, услышавъ такую намъ отповѣдь, захохотали пьянымъ смѣхомъ, а кто-то съ дальняго стола даже крикнулъ: «такъ ихъ, франтовъ!» хотя никто изъ насъ не щеголялъ одеждой. Сердиться на слова тупого карстганса было, конечно, неумно, но по невольному движенію, какъ невольно подымаешь руку, если на тебя замахиваются, я что-то закричалъ на невѣжу. Однако, меня предупредилъ Мефистофелесъ и, изъясничая, какъ заѣзжій фигляръ, онъ схватилъ одной рукой парня за плечо и крикнулъ ему гр. увеличенно громкимъ голосомъ:

— Ахъ, негодяй! Думаешь ты, что мы станемъ пить безъ закуски! Добрый стаканъ вина требуетъ и добраго куска! И, если ты не хочешь подать мнѣ къ вину баранины, такъ я съѣмъ тебя самого!

Слышавшіе эту рѣчь принялись еще больше хохотать, а Мефистофелесъ быстро опорожнилъ налитый стаканъ вина, потомъ неестественно разинулъ свой ротъ, причемъ онъ сталъ похожъ на пасть змѣи, и сдѣлалъ видъ, что хочетъ дѣйствительно проглотить бѣднаго малаго. И какъ бы страннымъ и невѣроятнымъ это ни показалось, но я долженъ засвидѣтельствовать, что въ тотъ же мигъ слуга исчезъ изъ нашихъ глазъ, какъ будто его здѣсь вовсе не бывало, а Мефистофелесъ, закрывая ротъ, словно послѣ хорошаго глотка, сѣлъ опять за столъ и попросилъ налить себѣ еще стаканъ.

Всѣ присутствовавшіе были ошеломлены такимъ чудомъ: иные остались, буквально, съ открытыми ртами, и на нѣкоторое время пьяный шумъ залы смѣнился такой тишиной, какая бываетъ лишь на морѣ въ часъ самаго полнаго штиля, когда вода похожа на зеленое зеркало.

Среди этого молчанія докторъ Фаустъ сказалъ своему спосѣшнику вполголоса:

— Неужели тебѣ забавно изображать передъ этими неучами чародѣя?

Мефистофелесъ возразилъ также вполголоса:

— Дорогой докторъ! мы всѣ изображаемъ что-нибудь: я — чародѣя, вы — ученаго, которому ничто не мило. Всякій человѣкъ, согласно съ Моисеемъ, только изображеніе Божіе. И хотѣлъ бы я узнать, что вообще извѣстно вамъ, кромѣ изображеній?

Тѣмъ временемъ къ намъ подбѣжалъ хозяинъ гостинницы, растерянный и испуганный, со шляпой въ рукѣ, бросился на колѣни, словно передъ владѣтельными князьями, и сталъ умолять насъ, говоря такъ:

— Добрые и милостивые господа! Не извольте гнѣваться на моего дурня: у него меланхолія съ дѣтства. Мы вамъ всячески услужимъ, и я предоставлю вамъ свою собственную комнату на

эту ночь. Но только вы мнѣ моего кельнера верните, потому что сегодня у меня слишкомъ много дѣла! Въ другой разъ я не сталъ бы тревожить такихъ господъ своей глупой просьбой, но вы сами посмотрите: видите, что одному не управиться!..

Мефистофелесъ засмѣялся, смѣхомъ хриплымъ и вовсе не веселымъ, и сказалъ:

— Ну, мой другъ, на первый разъ извиняю! Ступай внизъ, тамъ, подъ лѣстницей, найдешь своего слугу.

Хозяинъ и всѣ посѣтители, я въ томъ числѣ, побѣжали внизъ и, въ самомъ дѣлѣ, подъ лѣстницей, гдѣ складывались дрова, сидѣлъ бѣдный парень и дрожалъ, какъ новорожденный теленокъ, словно бы у него была жестокая лихорадка. Хозяинъ вытащилъ его на свѣтъ, и мы всѣ, наперерывъ, стали его разспрашивать, что именно съ нимъ случилось, но отъ него нельзя было добиться ни слова, такъ какъ страхъ, должно быть, отшибъ ему память. Вернувшись наверхъ я, на этотъ разъ, поостерегся разспрашивать Мефистофеля, уже зная его манеру отвѣчать ничего не значущими шутками.

Что до хозяина, то онъ свое обѣщание сдержалъ и, дѣйствительно, предоставилъ намъ на ночь, самъ съ женой перебравшись въ какой-то чуланъ, свою комнату съ большой деревянной двуспальной постелью. На этомъ-то супружескомъ ложѣ и провели часы до разсвѣта, бокъ-о-бокъ, мы двое съ докторомъ Фаустомъ, такъ какъ Мефистофелесъ предпочелъ спать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Передъ сномъ я, какъ будто безъ задней мысли, сказалъ доктору:

— Вѣроятно, отъ многихъ непріятностей путешествія избавляетъ васъ ловкость вашего друга?

Докторъ Фаустъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я желалъ бы испытывать въ пути и въ жизни какъ можно больше всякаго рода непріятностей, большихъ и малыхъ, тогда, быть можетъ, зналъ бы я и радости.

Слова эти были сказаны болѣе серьезно, нежели того требовалъ мой вопросъ, и тотчасъ докторъ, закрывъ глаза, сдѣлалъ видъ, что заснулъ, а затѣмъ вскорѣ усталость прервала и всѣ мои путающіяся думы о нашихъ дневныхъ приключеніяхъ.

На другой день, рано утромъ, сопровождаемые низкими поклонами хозяина, мы пустились далѣе въ дорогу, направляясь къ Мюнстерей фелю, красивому мѣстечку на берегу Эрфта, со старинной церковью; тамъ мы отдыхали, безъ особыхъ, на этотъ разъ, происшествій. Оттуда мы свернули нѣсколько на Востокъ, держа путь на Арскія горы по землямъ архіепископства Трирскаго, гдѣ на каждомъ шагу чувствовался достатокъ жизни, созданный мудрымъ управленіемъ покойнаго архіепископа Рихарда фонъ-Грейффенклау. Въ тотъ день я опять упорно вызывалъ доктора Фауста на разговоръ и монологи, такъ какъ необходимо было мнѣ непрестанно сосредоточивать вниманіе, чтобы подавить въ душѣ тягостную тоску по Ренатѣ и по потерянному блаженству, которая, несмотря на всѣ превратности странствія, отъ времени до времени подымалась въ моей душѣ, какъ подымаются въ свой часъ горячія воды въ исландскихъ источникахъ.

На склонѣ дня, проѣхавъ Фрейсхеймъ, стали подумывать мы, гдѣ намъ провести эту ночь, когда вдругъ неожиданное событіе измѣнило всѣ наши предположенія, а меня, путемъ непредвидѣннымъ и изогнутымъ, повело къ роковой развязкѣ той горестной исторіи, которую я передаю на этихъ страницахъ. Это событіе стоитъ, какъ звено, въ томъ ряду случайностей, которыя своимъ осмысленнымъ постоянствомъ заставляютъ меня почитать жизнь не игралищемъ слѣпыхъ стихій, но твореніемъ искуснаго художника, изваяннымъ по опредѣленному и дивносовершенному замыслу.

Уже нѣкоторое время любопытство наше привлекалъ красивый замокъ, стоящій на высокомъ берегу Вишеля, долиной котораго мы ѣхали, и господствовавшій надъ всѣмъ горизонтомъ своими четвероугольными башнями старинной стройки. Когда, послѣ одного изгиба рѣки, мы оказались совсѣмъ отъ него поблизости, мы замѣтили, что къ намъ быстро приближается верховой, размахивая шляпой и явно дѣлая намъ знаки. Тогда Мефистофелесъ приказалъ остановить лошадей, а вѣстовой, одѣтый какъ герольдъ на турнирѣ, подъѣхалъ и, учтиво кланяясь, сказалъ:

— Мой господинъ, графъ Адальбертъ фонъ-Велленъ, владѣлецъ этого замка, приказалъ мнѣ освѣдомиться: не вы ли знаменитый докторъ теологіи, философіи, медицины и права Іоганнъ Фаустъ изъ Виттенберга, который долженъ былъ проѣхать черезъ наши земли по пути въ городъ Триръ?

Докторъ признался, что это точно онъ, и тогда вѣстовой продолжалъ:

— Мой господинъ покорнѣйше проситъ васъ и вашихъ спутниковъ пожаловать къ намъ въ замокъ и воспользоваться нашимъ гостепріимствомъ на эту ночь, или и далѣе, если то будетъ вамъ угодно.

Услышавъ эти слова, Мефистофелесъ воскликнулъ:

— Любезный докторъ! Замѣчаешь ли ты, какой всенародной славы *мы* съ тобой уже достигли! Что до меня, я не прочь отъ графскаго предложенія. По мнѣ куда лучше нѣжиться на аристократическихъ кроватяхъ, чѣмъ изнывать отъ клоповъ въ деревенской кормчѣ или проводить ночь на хозяйской двуспальной постели, по-флорентійски.

Послѣднее выраженіе объясняется тѣмъ, что флорентійцы почитаются отъявленными содомитами.

Такъ какъ и мы съ докторомъ ничего не имѣли противъ пріюта, любезно намъ предложеннаго, то мы и поспѣшили отвѣтить вѣстовому согласіемъ и повернули лошадей къ замку.

По подъемному мосту, перекинутому черезъ ровъ съ водой, мы проѣхали сначала на первый дворъ, гдѣ отдали лошадей и повозку слугамъ, потомъ пѣшкомъ черезъ вторыя ворота прошли на главный дворъ замка, превращенный вниманіемъ владѣльца въ небольшой садъ, въ итальянскомъ вкусѣ. Здѣсь передъ лѣстницей, ведшей во внутренность замка, встрѣтилъ насъ самъ графъ Велленъ, окруженный небольшой свитой, человѣкъ молодой, привлекательный, съ однимъ изъ тѣхъ открытыхъ лицъ, опушенныхъ небольшой бородкой, какія любитъ изображать венеціанскій мастеръ Тиціанъ Вечелли. Графъ привѣтствовалъ доктора Фауста церемонной рѣчью, въ которой упоминался Гермесъ Трисмегистъ и Альбертъ Великій, боги Олимпа и библейскіе пророки, и намѣренную напыщенность которой я понялъ

лишь впослѣдствіи. Докторъ отвѣчалъ ему кратко и съ достоинствомъ, и затѣмъ, по знаку графа, пажи пригласили насъ послѣдовать за ними въ комнаты для пріѣзжихъ, гдѣ мы могли бы привести себя и свое платье въ порядокъ послѣ дневного пути.

Уже проходя по комнатамъ, я могъ подмѣтить, что замокъ Веллеовъ составлялъ благородное исключеніе изъ тѣхъ рыцарскихъ гнѣздъ, которыя теперь все чаще и чаще превращаются въ прямые разбойничьи притоны. Какъ извѣстно, въ наше суровое и трезвое время, когда на войнѣ требуется не столько личная доблесть, сколько дисциплина солдатъ да количество пушекъ, пищалей и мушкетовъ, и когда въ жизни главную роль играетъ не происхожденіе отъ знатныхъ предковъ, но сила денегъ, такъ что банкиры спорятъ вліяніемъ съ королями, рыцарство пришло въ крайній упадокъ и прежніе палладины, что бы ни говорилъ въ ихъ защиту Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, составляютъ самый отсталый кругъ въ современномъ обществѣ. Между тѣмъ, въ замкѣ фонъ-Веллеа на каждомъ шагу видѣлись слѣды хорошаго вкуса и просвѣщенія, а, главное, утонченной жизни, и сразу можно было понять, что его хозяинъ хочетъ итти въ уровень съ нашимъ вѣкомъ, о которомъ тотъ же Гуттенъ воскликнулъ: «Какъ радостно жить въ такое время!» Изящная итальянская мебель въ нѣкоторыхъ комнатахъ, картины, въ которыхъ можно было угадать учениковъ славнаго колориста Матвѣя Грюневальда, литыя статуи чуть ли не самого Петера Фишера и много другихъ мелкихъ подробностей казались свѣжими узорами на пышной ткани старинной обстановки, временъ походовъ въ Палестину, тяжелой, но не лишенной величія. Наконецъ, въ отведенныхъ намъ комнатахъ нашли мы всѣ самыя изысканныя средства для туалета, духи, притиранія, гребни, щетки, подпилки для ногтей, словно бы мы были публичными женщинами или римскими куртизанами.

Умываясь ароматической водой и перемѣняя, съ помощью слуги, свой дорожный кафтанъ на предложенный графомъ изъ синяго шелка, я, не безъ постыднаго тщеславія, чувствовалъ себя польщеннымъ, что въ такомъ мѣстѣ принятъ какъ почетный

гость, забывая, что я былъ приглашенъ лишь какъ случайный спутникъ доктора Фауста. Это пустое самодовольство еще не покинуло меня, когда насъ провели внизъ, въ столовую комнату, гдѣ былъ накрытъ обширный столъ, уставленный, какъ лотокъ разносчика товарами, всевозможными кушаньями и винами, и гдѣ собралось все населеніе замка, съ графомъ и его супругой. Въ этой обширной залѣ, которая, конечно, служила прежде сеньору для пріема вассаловъ, украшенной по стѣнамъ живописью на тему изъ Троянской войны и ярко освѣщенной факелами и восковыми свѣчами, среди небольшой толпы изящныхъ кавалеровъ, шелестѣвшихъ шелкомъ и атласомъ, въ шляпахъ со страусовыми перьями, и дамъ, блиставшихъ золотыми уборами, кружевами и необыкновенно розовой кожей,—я на минуту почувствовалъ себя—такъ человѣкъ мелоченъ!—чуть не счастливымъ.

Но очень скоро ждало меня справедливое разочарованіе. Во-первыхъ, я долженъ былъ убѣдиться, что лично на меня никто не склоненъ былъ обращать вниманіе, а я, все же болѣе привычный къ жизни походной или къ тихимъ бесѣдамъ съ глазу на глазъ, самъ не умѣлъ втиснуться въ общее оживленіе. Во-вторыхъ, я не могъ не распознать, что при всѣхъ изъявленіяхъ почтенія, какія расточали и графъ и его приближенные доктору Фаусту, была въ ихъ обращеніи съ нимъ, и со всѣми нами, какая-то доля насмѣшки. Догадка возникла у меня въ душѣ, что мы были приглашены графомъ лишь какъ рѣдкостные шуты, которыми можно позабавиться въ весенніе скучныя недѣли,—и этому стебельку подозрѣнія суждено было окрѣпнуть въ цѣлое деревцо.

Когда мы размѣстились за столомъ, я попалъ на самый конецъ его, гдѣ сидѣли капелланъ замка и какой-то молчаливый господинъ въ бархатномъ кафтанѣ, больше занятые кубками, чѣмъ мной, — и это дало мнѣ возможность безпрепятственно дѣлать свои наблюденія. Я видѣлъ, что вниманіе всего общества сосредоточено на докторѣ Фаустѣ, котораго посадили рядомъ съ графиней; къ нему безпрестанно обращался графъ, то угощая его, то разсыпая передъ нимъ комплименты его уче-

ности, то задавая ему разные, будто бы очень серьезные, вопросы; когда Фаустъ начиналъ говорить, графъ дѣлалъ знакъ, призывая всѣхъ къ молчанію, словно готовясь каждый разъ услышать откровенія мудрости. Но и это всеобщее вниманіе, и риторическія похвалы графа, и особенно мнимо-ученыя задачи, ставимыя доктору, все сильно отзывалось пародіей и сатирой, и я даже подмѣтилъ два или три раза дурно скрытый смѣхъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, доказавшій мнѣ, что въ заговорѣ участвовало все общество. Когда я убѣдился, что мое открытіе справедливо, почувствовалъ я стыдъ предъ самимъ собой и обиду за доктора, и даже готовъ былъ немедленно встать и, сказавъ какія-нибудь рѣзкія слова, удалиться изъ замка, но удержала меня мысль, что сдѣлать это первому слѣдовало бы не мнѣ, а моимъ спутникамъ.

Впрочемъ, докторъ Фаустъ, какъ кажется, раньше меня угадалъ свое положеніе, потому что онъ, еще недавно открывавшій такъ охотно передо мной, случайнымъ попутчикомъ, сокровища своего ума, сдѣлался вдругъ на слова скупъ, какъ герой Макція Плавта. Всѣ горячія привѣтствія графа потухали въ его холодной вѣжливости, и по большей части онъ уклонялся отъ отвѣтовъ на тѣ лукавые вопросы, которые ежеминутно обращали къ нему присутствующіе, какъ къ оракулу. Зато Мефистофелесъ, не смущаемый ничѣмъ, охотно перехватывалъ эти вопросы налету, какъ мячи, и бросалъ отвѣтныя стрѣлы, иногда попадавшія въ самый глазъ лицемѣрнымъ вопрошателямъ.

Такъ, съ видомъ весьма серьезнымъ, молодой кузенъ графа, рыцарь Робертъ, обратился къ Фаусту съ такой рѣчью:

— Я хотѣлъ разспросить васъ, ученѣйшій докторъ, о средствахъ дѣлать себя невидимымъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что для этого достаточно носить подъ мышкой правой руки ладонку съ сердцами летучей мыши, черной курицы и лягушки. Но большинство дѣлавшихъ опытъ утверждаетъ, что этотъ пріемъ удается плохо. Другіе предлагаютъ способъ гораздо болѣе сложный. Надо въ среду, до восхода солнца, взять мертвую голову и, положивъ въ ея глаза, уши, ноздри и ротъ по черному бобу, сдѣлать на ней знакъ треугольника и похоро-

нить ее, а затѣмъ въ теченіе восьми дней приходить и поливать могилу; на восьмой день предстанетъ демонъ и спроситъ васъ, что вы дѣлаете; вы отвѣтите: «я поливаю мой цвѣтокъ»; демонъ попроситъ у васъ лейку, протягивая къ вамъ руку; если на рукѣ будетъ такой же знакъ, какой вы сдѣлали на мертвой головѣ, вы лейку отдадите, и демонъ самъ польетъ насажденіе; на девятый день выростетъ бобъ, и довольно будетъ взять одно его зерно въ ротъ, чтобы стать невидимымъ. Но этотъ способъ слишкомъ сложенъ. Третьи, наконецъ, утверждаютъ, что было только единственное средство дѣлаться невидимымъ: это—кольцо Гигеса, о которомъ разсказываютъ Платонъ и Цицеронъ, но оно безвозвратно потеряно.

Едва рыцарь кончилъ говорить, какъ Мефистофелесъ воскликнулъ:

— Мнѣ, милостивый рыцарь, извѣстенъ болѣе простой способъ сдѣлаться невидимымъ!

Разумѣется, при этихъ словахъ всѣ взоры устремились на Мефистофеля, какъ если бы онъ былъ Эней, готовый разсказывать кароагенянамъ о паденіи Иліона, но среди всеобщаго молчанія онъ произнесъ:

— Чтобы стать невидимымъ, достаточно скрыться за предметомъ непрозрачнымъ, напримѣръ, за стѣной.

Острота Мефистофеля вызвала всеобщее разочарованіе. Однако, спустя немного времени, сенешалъ замка обратился къ доктору съ такимъ вопросомъ:

— Вы, высокочтимый докторъ, много путешествовали. Изъясните же намъ, правда ли, что прахъ той ослицы, на которой Іисусъ Христосъ совершилъ свой въѣздъ въ Іерусалимъ, покоится въ городѣ Веронѣ? И что другая ослица, на которой когда-то ѣхалъ пророкъ Валаамъ, жива понынѣ и сохраняется въ тайномъ мѣстѣ въ Палестинѣ, чтобы привезти съ неба Илію въ день второго пришествія?

Опять отвѣтъ взялъ на себя Мефистофелесъ, который сказалъ:

— Мы, любезный господинъ, не провѣряли фактовъ, о которыхъ вы говорите, но почему бы Валаамовой ослицѣ и не

быть безсмертной, если среди людей въ теченіе тысячелѣтій не переводятся ослы?

Эта шутка имѣла не малый успѣхъ среди собесѣдниковъ, но все новые и новые вопросы обращались со всѣхъ концовъ стола къ доктору Фаусту, при чемъ, по мѣрѣ того, какъ пиршество разгоралось и всѣ пьянѣли, вопросы эти становились все болѣе и болѣе дерзкими, по временамъ близко соприкасаясь съ оскорбленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ со своего сторожевого поста я могъ наблюдать, какъ охмелѣвшіе кавалеры начинали держать себя болѣе развязно, нежели то подобало, какъ одни тайкомъ пожимали руки и груди своимъ сосѣдкамъ, а другіе, отягченные виномъ, незамѣтно разстегивали тѣснившія ихъ пуговицы. Тогда графъ, который весь вечеръ держалъ себя съ большой ловкостью, прервалъ начинавшуюся оргію такой рѣчью:

— Мнѣ кажется, друзья, что пора дать отдыхъ нашимъ гостямъ. Мы отдали честь и Бахусу, и Кому, и Минервѣ; время совершить возліяніе Морфею. Поблагодаримъ нашихъ собесѣдниковъ за всѣ ихъ мудрыя разъясненія и пожелаемъ имъ добрыхъ совѣтовъ бога Фантаза.

Ясный и увѣренный голосъ сеньора сразу заставилъ всѣхъ присутствующихъ овладѣть собою, и, вставъ изъ-за стола, всѣ стали прощаться съ нами, опять проявляя величайшую обходительность. Мы трое поклонились графу и графинѣ, благодаря ихъ за угощеніе, и пажи отвели насъ въ наши комнаты, гдѣ уже были приготовлены для насъ всѣ удобства: мягкія постели, ночные кафтаны, туфли, головные колпаки и даже ночные горшки. Не доставало только, чтобы въ своей услужливости любезный графъ предложилъ своимъ гостямъ по женщинѣ легкаго поведенія, какъ нѣкогда жители города Ульма императору Сигизмунду и его свитѣ.

Что до меня, то, засыпая въ комнатѣ, гдѣ, можетъ быть, отдыхалъ какой-нибудь сподвижникъ Готфрида Бульонскаго, я далъ себѣ обѣщаніе, что завтра поутру покину этотъ замокъ, хотя бы и безъ своихъ спутниковъ. Однако, порѣшилъ я это, какъ говорится, безъ соизволенія Божія, и вышло все по иному,

ибо судьба, приведшая меня къ графу Адальберту, имѣла цѣли гораздо болѣе далекія, нежели только — показать мнѣ пиръ знатныхъ повѣсъ.

По своему обыкновенію, проснулся я на другой день очень рано, и, не желая тревожить никого, тихо спустился внизъ и вышелъ на балконъ, родъ итальянской лоджіи, какой нерѣдко можно видѣть въ нашихъ старыхъ рыцарскихъ замкахъ. Тамъ, прислонясь къ колоннѣ, вдыхая свѣжесть мартовскаго утра и отдыхая взоромъ на красивой дали полей, невольно задумался я надъ своей судьбой, и всѣ горестныя думы, прорвавъ плотину сознанія, затопили мою душу. Мнѣ представилась Рената, которая, гдѣ-то въ незнакомомъ мнѣ городѣ, проводитъ часы новой радости съ кѣмъ-то другимъ, а не со мной; или, можетъ-быть, напротивъ, тоскуетъ обо мнѣ, раскаиваясь въ своемъ побѣгѣ, но лишена всякой возможности отыскать меня и отторгнута отъ меня навсегда; или, еще, больная, въ своемъ привычномъ отчаяньи, окруженная чужими, грубыми людьми, насмѣхающимися надъ ея страданіями и ея странными рѣчами,— и никто не подойдетъ къ ней, какъ я, чтобы ласковымъ словомъ или нѣжнымъ прикосновеніемъ облегчить ея томленія... И новый приступъ старой скорби овладѣлъ мною съ такой жестокостью, что я не могъ одолѣть себя и, поникнувъ на каменный парапетъ лицомъ, далъ волю слезамъ, безсильнымъ и не знающимъ удержу.

Когда такъ плакалъ я, считая себя въ одиночествѣ, на балконѣ замка фонъ-Велленъ, моего плеча вдругъ коснулась рука, и я, поднявъ голову, увидѣлъ, что ко мнѣ подошелъ самъ графъ. Хотя и былъ онъ меня моложе, но, съ какой-то отеческой заботливостью, онъ обнялъ меня за станъ и повелъ по галлереѣ, осторожно и дружески спрашивая, въ чемъ мое горе, обиженъ ли я кѣмъ-либо изъ его людей или у меня неудачи въ личной жизни. Смущенный и пристыженный, я поборолъ свое волненіе и отвѣтилъ графу, что скорбь моя привезена мною вмѣстѣ съ багажемъ, и что я не могу жаловаться ни на что въ замкѣ. Графъ, однако, не хотѣлъ меня оставить, и мы продолжали разговоръ, гуляя взадъ и впередъ по балкону.

Вскорѣ я долженъ былъ объяснить, что не принадлежу къ

свитѣ доктора Фауста, но познакомился съ нимъ лишь три дня назадъ, и это очень расположило графа въ мою пользу. Въ то же время рѣчи графа, въ которыхъ, можетъ быть съ излишней, я бы сказалъ меркуріальной, живостью переливалось хорошее образованіе, имъ полученное, заставили меня забыть о его вчерашнемъ участіи въ насмѣшкахъ надъ нами и позволили мнѣ отнестись къ нему съ довѣріемъ. И когда, слово за словомъ, объяснилось, что у насъ съ нимъ есть общіе любимцы въ мірѣ авторовъ и книгъ, и онъ немедля предложилъ мнѣ показать свою библіотеку, я не нашелъ ни причинъ ни поводовъ, чтобы отказаться.

Въ кабинетѣ графа я опять увѣрился, что первоначальное мое наблюденіе было справедливо, и что графъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ своего сословія, такъ какъ его собранія сдѣлали бы честь любому ученому. Онъ провелъ меня передъ цѣлыми рядами полокъ съ книгами, показывалъ мнѣ цѣнные переплеты изъ пергамента, дерева, кожи, красной, зеленой, черной, и разныя рѣдкостныя изданія, вышедшія изъ-подъ лучшихъ станковъ, и любовно собранныя имъ путеводныя вѣхи нашего времени, какъ «Epistolae obscurorum virorum», «Laus Stultitiae», «Oestrus», которыхъ встрѣчалъ я, какъ добрыхъ друзей, съ коими давно не видѣлся. Потомъ графъ показалъ мнѣ разные научные приборы, которыхъ было у него множество: глобусы, земные и небесные, астролябіи, армиллы, торкветы и еще какіе-то мнѣ невѣдомые, и тутъ же разсказалъ мнѣ смѣлую и поразительную теорію Николая Коперника изъ Фрауэнбурга о устройствѣ неба, которую тогда я слышалъ впервые, потому что до сихъ поръ сочиненія этого астронома не изданы. Наконецъ, графъ раскрылъ предо мною свои ящики и вынулъ изъ нихъ рукописные кодексы латинскихъ писателей, добытые имъ въ сосѣднихъ монастыряхъ, собраніе прекрасныхъ древнихъ геммъ, вывезенное имъ изъ его путешествія по Италіи, и, наконецъ, въ особомъ ларцѣ, пачку писемъ знаменитаго Ульриха Цазія, съ которымъ онъ былъ въ личной перепискѣ.

Легко было подмѣтить, что графъ показываетъ свое собраніе не безъ дѣтскаго хвастовства, но все же его любовь къ наукамъ и ис-

кусствамъ совершенно примирила меня съ нимъ, и я, желая сдѣлать ему пріятное, сказалъ, что его богатствамъ позавидовалъ бы самъ Ватиканъ. Окончательно восхищенный моей лестью, графъ усадилъ меня противъ себя и сказалъ мнѣ такъ:

— Я болѣе не могу васъ считать чужимъ, потому что вы принадлежите къ числу тѣхъ же новыхъ людей, какъ я самъ, и,—клянусь Гиперіономъ!—мнѣ было бы стыдно васъ обманывать. Поэтому я долженъ просить васъ прежде всего откровенно сказать мнѣ, что вы думаете о докторѣ Фаустѣ.

Я отвѣтилъ, что считаю Фауста человѣкомъ стараго склада, но чрезвычайно ученымъ и умнымъ и не удержался, чтобы не прибавить, что Фаустъ достоинъ большаго вниманія, нежели то, которое проявляютъ къ нему въ замкѣ.

Тогда графъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— А знаете ли вы, какіе ходятъ слухи о Фаустѣ и его пріятелѣ? Разсказываютъ, что этотъ Мефистофелесъ никто иной какъ дьяволъ, который обязанъ служить доктору двадцать четыре года съ тѣмъ, чтобы заполучить потомъ въ свою власть его душу. Я, разумѣется, не вѣрю такому вздору, какъ не вѣрю вообще въ пакты съ демонами, и думаю, что дьяволъ заключилъ бы плохую сдѣлку, получивъ въ платежъ за реальныя услуги — душу. Мнѣ кажется, что дѣло много проще и что ваши спутники, а мои гости—просто шарлатаны, которые пользуются не силами ада, но пріемами ловкихъ мошенниковъ. Они ѣздятъ изъ замка въ замокъ, изъ города въ городъ, вездѣ выдавая себя за чародѣевъ и показывая фокусы, а взамѣнъ собирая деньги, позволяющія имъ жить безбѣдно.

Эти слова крайне смутили меня, потому что до того времени я считалъ доктора Фауста человѣкомъ вполнѣ благороднымъ, и я началъ защищать его со всѣмъ жаромъ, такъ что между нами произошелъ даже довольно упорный споръ. Въ концѣ концовъ графъ уже прямо признался мнѣ, что пригласилъ къ себѣ проѣзжавшаго мимо доктора Фауста съ единственной цѣлью изобличить его продѣлки и вывести его на чистую воду, тутъ же предложивъ мнѣ принять участіе въ общемъ заговорѣ и помочь ему въ такомъ дѣлѣ. Такъ оказался я внезапно пе-

редъ труднымъ выборомъ, какъ Геркулесъ на распутьи, съ тою только разницей, что менѣе было для меня ясно, на какой сторонѣ Добродѣтель и на какой Порокъ, ибо и образъ графа изъ нашей бесѣды выступилъ для меня крайне привлекательнымъ и о докторѣ Фаустѣ успѣлъ я составить сужденіе самое лестное. Нѣкоторое время вѣсы моей души колебались довольно неопредѣленно, но потомъ я нашелъ точку ихъ равновѣсія и сказалъ графу:

— Ни въ какомъ случаѣ не соглашусь я участвовать въ заговорѣ противъ человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ ничего дурного и котораго считаю весьма просвѣщеннымъ. Но изъ уваженія къ вамъ, господинъ графъ, я не предприму ничего противъ вашего плана и обѣщаюсь вамъ, что не скажу ни слова моимъ спутникамъ объ этомъ нашемъ разговорѣ.

Когда графъ мое рѣшеніе принялъ, показалось мнѣ уже неумѣстнымъ заговорить о своемъ отъѣздѣ, и я постановилъ провести еще одинъ день въ замкѣ, но сознаюсь, что встрѣтился съ Мефистофелемъ и Фаустомъ не безъ смущенія, какъ виноватый. И чувствуя себя не приставшимъ ни къ тому ни къ другому берегу, какъ бы въ полѣ между двумя враждебными лагерями, я еще менѣе, нежели наканунѣ, могъ проявить себя веселымъ товарищемъ, и уже съ того времени, въ замкѣ, прослылъ между всѣми за человѣка чрезвычайно мрачнаго и нелюдимаго. Впрочемъ, я подмѣтилъ, что въ данномъ обществѣ мы всегда остаемся въ той самой маскѣ, въ какой случайно появляемся тамъ первый разъ, при чемъ каждому изъ насъ приходится въ разныхъ кругахъ носить множество самыхъ разнообразныхъ личинъ.

Тотъ второй день, проведенный нами къ замкѣ, весь ушелъ на охоту, данную въ честь гостей графомъ, но которую описывать я не буду, чтобы не блуждать слишкомъ часто въ своемъ разсказѣ окольными путями. Скажу только, что, несмотря на раннее время года, охоту можно было счесть вполнѣ удавшейся, такъ какъ она доставила не мало веселья ея участникамъ и былъ затравленъ кабанъ, звѣрь въ той мѣстности рѣдкій. Фаустъ, какъ и вчера, былъ предметомъ всяческихъ

нападокъ, на которыя опять отвѣчалъ большею частью Мефистофелесъ, порою мѣтко, порою довольно грубо, выставивъ себя тѣмъ, что испанцы называютъ chocarrero, и снискавъ несомнѣнную благосклонность дамъ.

Въ замокъ вернулись мы уже поздно, съ тѣмъ бодрымъ и какъ бы огневымъ утомленіемъ, какое даютъ труды на открытомъ воздухѣ, и насъ опять ждалъ щедрый ужинъ, приготовленный въ томъ же залѣ, гдѣ вчера. Однако, на этотъ разъ графъ не хотѣлъ откладывать своего замысла и, едва голодъ былъ удовлетворенъ, самъ обратился къ доктору съ такой рѣчью:

— Намъ извѣстно, уважаемый докторъ, что въ области магіи вы достигли успѣховъ блистательныхъ, такъ что неумѣстно даже равнять съ вами кого-либо изъ современныхъ магиковъ, ни испанца Торральбу (да будетъ легко душѣ его въ царствѣ Плутона!), ни молодого Нострадамуса, о которомъ столько шумятъ нынѣ. Извѣстно намъ также, что на просьбы другихъ лицъ явить свое искусство вы не отвѣчали отказомъ, и, напримѣръ, князю Ангальтскому дали возможность воочію увидѣть Александра Великаго Македонскаго и его супругу, вашими заклинаніями возвращенныхъ изъ тѣней Орка подъ свѣтъ Геліоса. Теперь же все общество присоединяетъ къ моимъ свои просьбы, умоляя васъ показать и намъ хотя бы частицу вашего чудодѣйственнаго искусства.

Я съ напряженнымъ вниманіемъ ожидалъ, что докторъ Фаустъ отвѣтитъ, такъ какъ въ просьбѣ графа ясно различилъ пружины и диски западни, и мнѣ хотѣлось, чтобы докторъ рѣзкими словами прервалъ лицемѣрную рѣчь. Но, къ моему удивленію, докторъ Фаустъ, державшійся до того времени чрезвычайно сдержанно, теперь отвѣтилъ такъ, съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ:

— Любезный графъ, въ благодарность за ваше гостепріимство я, пожалуй, согласенъ показать вамъ то немногое, что позволятъ мнѣ скромныя мои познанія, и полагаю, что князю Ангальтскому нечѣмъ будетъ хвастаться передъ вами.

Какъ теперь я истолковываю, Фаустъ, оскорбленный отношеніемъ къ нему графа и его приближенныхъ, хотѣлъ доказать

имъ всѣмъ, что дѣйствительно онъ обладаетъ силами, имъ неизвѣстными, и ради такого, не совсѣмъ достойнаго тщеславія, рѣшился унизить магію до публичнаго опыта. Но въ тотъ часъ, подъ вліяніемъ подозрѣній графа, мнѣ представилось, что докторъ, согласясь на просьбу, обличилъ себя, какъ продажнаго шарлатана, ибо только они одни способны въ любой часъ и въ любомъ мѣстѣ вызывать призраки, — такъ что готовъ я былъ поставить его на одну доску съ плутами, разъѣзжающими по деревнямъ для распродажи разныхъ амулетовъ, цѣлебныхъ пластырей, волшебныхъ пилюль, неразмѣнныхъ талеровъ и прочаго. Между тѣмъ, Мефистофелесъ, вставъ, подошелъ къ Фаусту и началъ что-то говорить ему убѣдительно на ухо, но тотъ гнѣвно пожалъ плечами, какъ бы говоря: «я такъ хочу», и Мефистофелесъ отошелъ, недовольный.

Такъ какъ всѣ въ это время шумно поднялись изъ-за стола и окружили доктора, изъявляя ему благодарность за рѣшеніе, я, воспользовавшись общимъ движеніемъ, покинулъ комнату и ушелъ гулять по пустынной галлереѣ, сердясь на себя, что не привелъ въ исполненіе своего вчерашняго рѣшенія, и вообще чувствуя свою душу, какъ разстроенную віолу. Однако, любопытство, или, точнѣе, жажда изслѣдованія, которой я не стыжусь ни мало, не позволило мнѣ провести тотъ вечеръ отдѣльно отъ общества, такъ что, спустя полъ-часа времени, я вернулся въ общую залу и все-таки былъ свидѣтелемъ магическаго опыта, совершеннаго докторомъ Фаустомъ, который и опишу здѣсь, съ тѣмъ же безпристрастіемъ, какъ раньше описывалъ все остальное, стараясь не прибавить ни одной черты къ тому, что отпечаталось въ моей памяти.

Въ залѣ столъ и кресла были отодвинуты въ уголъ, а все общество разсѣлось на скамьяхъ, поставленныхъ поперекъ комнаты, и, перешептываясь и пересмѣиваясь, ожидало начала опыта, словно представленія веселой пастурели. Для графа и графини были выдвинуты впередъ два кресла, Мефистофелесъ, стоя около, давалъ имъ какія-то объясненія, а докторъ Фаустъ, очень блѣдный, поодаль отдавалъ послѣднія распоряженія слугамъ. Я по-

мѣстился на самомъ краю скамьи второго ряда, откуда удобно мнѣ было наблюдать за всѣмъ происходившимъ.

Когда присутствующіе нѣсколько успокоились, докторъ Фаустъ сказалъ:

— Милостивые графъ и графиня, любезныя дамы и славные рыцари! Сейчасъ я заставлю явиться передъ вами воочію царицу Елену, супругу царя Менелая, дочь Тиндара и Леды, сестру Кастора и Поллукса, — ту, которую въ Греціи звали — прекраснѣйшей. Царица явится передъ вами въ томъ самомъ видѣ и образѣ какой она имѣла при жизни, и обойдетъ ваши ряды, позволяя вамъ смотрѣть на себя, и останется въ вашемъ обществѣ около пяти минутъ, послѣ чего должна будетъ исчезнуть снова.

Докторъ Фаустъ говорилъ эти слова твердо, но мнѣ въ его голосѣ послышалась какая-то напряженность и взглядъ его глазъ былъ слишкомъ остръ, такъ что можно было подумать, что самъ онъ не очень вѣритъ въ успѣхъ предпринятаго имъ дѣла. Но какъ только онъ кончилъ говорить, Мефистофелесъ строго и приказательно добавилъ:

— Я очень предупреждаю васъ, милостивые господа, что, пока Явленіе будетъ среди насъ, вы не должны произносить ни слова, тѣмъ болѣе не обращаться къ нему съ рѣчью, не должны его касаться и вообще вставать съ мѣста,—въ этомъ вы должны намъ дать обѣщаніе.

Графъ за всѣхъ отвѣтилъ, что они согласны на такія условія, и тогда Мефистофелесъ распорядился погасить всѣ факелы и свѣчи, бывшія въ комнатѣ, кромѣ одной отдаленной свѣчи, такъ что настала почти полная темнота. Понемногу въ жуткости этого мрака и въ волненіи ожиданія стали стихать еще раздававшіеся порой шопоты и шелесты платьевъ, и все общество, какъ бы въ черную глубину опустилось въ молчаніе. Еще послѣ, въ разныхъ углахъ комнаты вдругъ послышались тѣ самыя потрескиванія и постукиванія, которыя мнѣ уже доводилось слышать съ Ренатою и которыя мое сердце встрѣтило тоскливымъ біеніемъ. Потомъ медленно поплыли черезъ всю комнату свѣтящіяся звѣзды, исчезая внезапно, и, несмотря на то, что

тогда я ужъ не былъ новичкомъ въ явленіяхъ магическихъ, невольная дрожь овладѣла мною.

Наконецъ, въ отдаленномъ углу бѣлесоватое облако отдѣлилось отъ полу, и, зыблясь и колыхаясь, стало подыматься, расти и вытягиваться, принимая форму человѣческой фигуры. Спустя нѣсколько мгновеній проступило изъ облака лицо, пряди тумана сложились въ складки одежды, и словно живая женщина поплыла къ намъ, смутно видимая въ глубокомъ сумракѣ комнаты. Сначала призракъ приблизился къ графу и нѣкоторое время, колеблясь, стоялъ передъ нимъ неподвижно; потомъ столь же медленно, какъ по воздуху, двинулся влѣво и сталъ приближаться ко мнѣ. И какъ ни былъ я потрясенъ зрѣлищемъ, однако, не забылъ собрать все свое вниманіе, чтобы разсмотрѣть видѣніе во всѣхъ подробностяхъ.

Елена, сколько я могъ запомнить, была невысока ростомъ и одѣта въ мантію темно-пурпурную, въ томъ родѣ, какія изображалъ художникъ Андреа Мантенья; волосы ея, цвѣта золотистаго, были распущены и столь длинны, что падали ей до самыхъ колѣнъ; были у нея черные какъ уголь глаза, очень яркія губы маленькаго рта, бѣлая, изгибчивая, какъ у лебедя, шея, и весь обликъ вовсе не царственный, но плѣнительный до крайности. Мимо меня она проскользнула чрезвычайно быстро, и, продолжая свой путь среди зрителей, приблизилась къ доктору Фаусту, который, насколько то можно было разсмотрѣть въ полумракѣ, въ величайшемъ волненіи бросился впередъ и простеръ руки къ призраку. Это движеніе меня поразило очень, такъ какъ давало заключить, что для самого Фауста явленіе было неожиданностью.

Но я не успѣлъ еще обсудить вполнѣ это соображеніе, когда вдругъ произошло нѣчто такое, что сразу прервало нашъ опытъ, начавшійся такъ заманчиво. А именно, когда Елена, отстраняясь отъ доктора, приблизилась къ кузену графа, сидѣвшему на лѣвомъ концѣ второго ряда, онъ внезапно вскочилъ, отважно схватилъ призракъ въ свои руки и громкимъ голосомъ крикнулъ: «Огня!» Фаустъ въ ту же минуту устремился къ нему съ восклицаніемъ горя и негодованія, всѣ тоже стремительно подня-

лись съ мѣстъ, а слуги, заранѣе къ тому подготовленные, выхватили факелы, которые до того времени укрывали гдѣ-то, и вся зала озарилась ихъ желтоватымъ свѣтомъ.

Нѣкоторое время въ суматохѣ ничего нельзя было различить, словно бы здѣсь между изящными гостями произошла боевая схватка, но рѣшительное вмѣшательство графа быстро заставило всѣхъ успокоиться. Мы увидѣли рыцаря Роберта, въ рукахъ котораго былъ шолковый лоскутъ темно-пурпуровой матеріи и который упрямо повторялъ:

— Она вырвалась изъ моихъ рукъ, ищите ее въ залѣ, она должна быть здѣсь!

Однако, для всѣхъ было очевидно, что живому существу невозможно было ускользнуть отъ вниманія столькихъ глазъ и приходилось признать, что призракъ Елены Греческой растаялъ въ рукахъ схватившаго его рыцаря, обратившись вновь въ то облако, изъ котораго образовался. Докторъ Фаустъ горько жаловался графу, что не были выполнены данныя обѣщанія, но Мефистофелесъ залилъ споръ холодными словами:

— Мы всѣ должны быть довольны,—сказалъ онъ,—докторъ—вызвавъ видѣніе столь обольстительное, что рыцарь не смогъ сдержать своего порыва, а рыцарь—тѣмъ, что онъ ничѣмъ не поплатился за свою попытку овладѣть Еленой Греческой; Деифобъ, какъ извѣстно, былъ менѣе счастливъ: ему за то же самое отрубили носъ и уши.

Конечно, такая рѣчь была дерзка и Мефистофелесъ могъ бы отвѣтить за нее, если бы рыцарь, какъ и самъ графъ, не чувствовали себя нѣсколько пристыженными и не были рады уладить все недоразумѣніе. Графъ началъ какую-то путанную рѣчь, на половину извиняясь, на половину благодаря Фауста, а я, подъ общій говоръ, тихо вышелъ изъ залы и удалился въ свою комнату, такъ какъ мнѣ вдругъ показалось стыднымъ участвовать во всей этой неумной исторіи. Чѣмъ бы ни было видѣнное мною явленіе, дѣйствительно ли магическимъ воскрешеніемъ личности, жившей во времена незапамятныя, или новой продѣлкой, на какія такимъ мастеромъ показалъ себя Мефистофелесъ,—мнѣ показалось, что мы, зрители, играли въ немъ роль

унизительную, и мнѣ захотѣлось поскорѣе стряхнуть съ себя, какъ дождевую воду съ плаща, всѣ тяжелыя впечатлѣнія этого вечера.

Я бросился въ постель и, когда, нѣсколько времени спустя, докторъ Фаустъ, проходя мимо, постучалъ въ мою дверь, намѣренно не откликнулся, дѣлая видъ, что уже сплю.

ГЛАВА XIII.

Какъ поступилъ я на службу къ графу фонъ-Веленъ, какъ прибылъ въ нашъ замокъ архіепископъ Трирскій и какъ мы отправились съ нимъ въ монастырь святого Ульфа.

Заклинаніе Елены Греческой было послѣднимъ приключеніемъ изъ моей общей жизни съ докторомъ Фаустомъ, ибо уже на слѣдующій день я разлучился съ нимъ, на что, кромѣ общаго отношенія ко мнѣ моихъ спутниковъ, побудило меня еще одно отдѣльное обстоятельство.

Именно, проснувшись внезапно среди ночи, разслышалъ я въ сосѣдней комнатѣ, предоставленной двумъ моимъ дорожнымъ товарищамъ, смутный говоръ и, невольно напрягши вниманіе, различилъ голосъ Мефистофеля, который говорилъ:

— Благодари святого Георга и меня, что тебѣ удался сегодняшній опытъ, но есть вещи, на которыя не слѣдуетъ посягать дважды. Не воображай, что вся вселенная, все прошлое и будущее —твои игрушки.

Голосъ Фауста, повышенный и гнѣвный, отвѣчалъ:

— Излишни споры! Я хочу ее видѣть еще разъ и ты мнѣ поможешь въ этомъ. А если суждено мнѣ сломать шею въ такомъ предпріятіи, что за бѣда!

Насмѣшливый голосъ Мефистофеля возражалъ:

— Смертные любятъ ставить на-конъ свою жизнь, какъ бѣдняки послѣдній талеръ. Но сломать себѣ шею сумѣетъ каждый дуракъ, умнаго же человѣка дѣло — сообразить, стоитъ ли затѣя пота.

Гнѣвный голосъ Фауста говорилъ:

— Если ты отказываешь помогать мнѣ, мы разстаемся съ тобой завтра же!

Послышался смѣхъ Мефистофеля, странный и непріятный, потомъ его отвѣтъ:

— У тебя не бываетъ другихъ сроковъ, кромѣ какъ завтра! Подумай хотя бы, что раньше надо тебѣ сбыть съ рукъ этого кельнскаго молодчика, который такъ покорно хлопаетъ глазами на твои розсказни. Вчера я подмѣтилъ, какъ онъ часъ цѣлый шептался съ графомъ, и, думаю, можно отъ него ждать любого предательства.

Меня въ ту минуту оскорбительный отзывъ Мефистофеля не затронулъ нисколько, ибо лучшаго я и не ждалъ отъ него, а, напротивъ, я вслушивался съ большимъ любопытствомъ, ожидая, что въ пылу увлеченія спорщики обличатъ передо мною тайну своихъ странныхъ отношеній. Вдругъ, не знаю самъ какъ, неодолимый сонъ охватилъ меня и замкнулъ мой слухъ, словно бы Мефистофелесъ, угадавъ чутьемъ, что я подслушиваю, навелъ на меня такое оцѣпенѣніе нѣкіимъ наговоромъ. Слышаннаго мною, однако, было достаточно, чтобы утромъ, какъ только ночныя впечатлѣнія распрямились въ моей памяти, задалъ я себѣ вопросъ, умѣстно ли мнѣ оставаться съ докторомъ Фаустомъ, которому я, повидимому, въ тягость, и чтобы, послѣ краткаго раздумія, я порѣшилъ, что мнѣ приличнѣе съ моими попутчиками разстаться.

Зная, что нашъ отъѣздъ назначенъ на тотъ день, въ часы послѣ полудня, я тотчасъ же отправился разыскивать графа, чтобы попросить у него позволенія провести въ замкѣ хотя бы еще сутки, и, не безъ нѣкотораго труда добился аудіенціи.

Графъ встрѣтилъ меня весьма не любезно, что было разительнымъ противорѣчіемъ съ его поведеніемъ наканунѣ, но что немедленно и нашло свое толкованіе, ибо, едва я объяснилъ цѣль своего посѣщенія, какъ онъ перемѣнился въ мигъ, вскочилъ съ кресла, пожалъ мнѣ руку и воскликнулъ:

— Итакъ, вы разлучаетесь съ вашими спутниками, милый Рупрехтъ! Но это совсѣмъ другое дѣло! Разумѣется, вы можете не просить, а требовать у меня гостепріимства именемъ Аѳины

Паллады. Мы, новые люди, образуемъ нѣкое братство, хотя бы парки и выпряли намъ различныя нити судебъ, и обязаны другъ другу оказывать всевозможныя услуги.

Когда же я, удивленный, спросилъ графа, почему его такъ радуетъ мое рѣшеніе, онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сообщилъ мнѣ, что передо мною былъ у него Мефистофелесъ, который при заявленіи объ отъѣздѣ спросилъ, какъ плату за вчерашній опытъ магіи, сто рейнскихъ гульденовъ, и графъ негодовалъ на мое поведеніе, почитая и меня участникомъ въ дѣлежѣ этихъ денегъ. Признаюсь, это извѣстіе поразило меня какъ ударъ здоровой палицей по головѣ, ибо, хотя я понималъ, что магія не имѣетъ ничего общаго съ алхиміей, и что самые искусные некроманты все равно нуждаются въ кровѣ и пропитаніи, но все же поступокъ Мефистофеля показался мнѣ нерыцарскимъ. Если и были у меня какія-либо сомнѣнія, хорошо ли я поступаю, разставаясь съ докторомъ Фаустомъ, то сообщеніе графа развѣяло ихъ, какъ вѣтеръ развѣваетъ туманъ, и я въ самыхъ учтивыхъ словахъ выразилъ графу благодарность за гостепріимство.

Тогда графъ, видимо, самъ растроганный своей добротой, сказалъ мнѣ еще слѣдующее:

— Зачѣмъ вамъ вообще торопиться отъѣздомъ изъ моего замка? Развѣ у васъ столь неотложныя дѣла въ городѣ Трирѣ? Оставайтесь въ моемъ замкѣ, и я позабочусь, чтобы вамъ не было у меня плохо. Ктому же мнѣ нуженъ человѣкъ, хорошо умѣющій писать по-латыни, такъ какъ намѣренъ я составить одинъ трактатъ о звѣздахъ.

Такое предложеніе было крайне для меня неожиданно и даже показалось мнѣ, давно привыкшему къ независимости, немного обиднымъ, но, быстро окинувъ умственнымъ взглядомъ свое положеніе, порѣшилъ я, что нѣтъ причинъ мнѣ отказываться. Съ одной стороны, у меня тогда не было никакого опредѣленнаго намѣренія, какъ повести дальше свою жизнь, а съ другой,—я никогда не брезгалъ никакой должностью, бывъ за свою жизнь и простымъ ландскнехтомъ, и сподручникомъ купеческихъ домовъ. Итакъ, я отвѣтилъ согласіемъ, и такимъ обра-

зомъ, подчиняясь прихоти жизненнаго теченія, влекшаго меня извилистой рѣкой мимо островов и мелей, — вдругъ превратился изъ спутника сомнительнаго чародѣя въ писца у сомнительнаго гуманиста.

Въ тотъ же день докторъ Фаустъ и Мефистофелесъ, дѣйствительно, покинули замокъ.

Передъ ихъ отъѣздомъ я зашелъ къ доктору Фаусту проститься и имѣлъ съ нимъ разговоръ, изъ котораго нѣкоторыя части хочу передать здѣсь. Естественно, что обсуждали мы вчерашний опытъ магіи, и докторъ Фаустъ произнесъ цѣлый панегирикъ красотѣ Елены Греческой, въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ, что врядъ ли съ большей страстностью прославлялъ ее въ Иліонѣ, передъ отцомъ и братьями, самъ похититель Александръ. Потомъ заговорили мы вообще о некромантіи, и докторъ Фаустъ въ параллель своимъ попыткамъ указалъ мнѣ на вызываніе тѣни прорицателя Тирезія Улиссомъ и пророка Самуила Аэндорской волшебницей. Въ концѣ бесѣды я, въ выраженіяхъ очень уклончивыхъ, намекнулъ доктору Фаусту на истинныя причины моего съ нимъ разлученія, именно на народную молву, приписывающую ему поступки неблаговидные и объясняющую его могущество самымъ недостойнымъ образомъ. Докторъ Фаустъ, повидимому, понялъ мои осторожные намеки, и, помолчавъ, отвѣтилъ мнѣ такой рѣчью:

— Никогда не вѣрьте, любезный Рупрехтъ, если кто-либо скажетъ вамъ, будто истинный магъ заключилъ пактъ съ демономъ! Можетъ быть, иной несчастный недоучка и отрекается отъ вѣчнаго блаженства въ обмѣнъ на нѣсколько пригоршней краденыхъ монетъ, предлагаемыхъ ему мелкими бѣсами, но справедливость Божія, конечно, не караетъ за такую сдѣлку, въ которой больше невѣжества, чѣмъ грѣха! А чѣмъ могутъ соблазнить демоны человѣка, познавшаго ихъ природу и предѣлы ихъ силъ? Правда, демоны обладаютъ нѣкоторыми способностями, человѣку не дарованными: быстро переносятся съ мѣста на мѣсто, растворяютъ свой составъ до легкаго дыма или сгущаютъ его въ любые образы, возносятся въ воздушныя и иныя сферы. Но развѣ желанія человѣка ограничены тѣмъ, что можно удовле-

творить помощью такихъ средствъ? Развѣ не жаждетъ человѣкъ познать всѣ тайны всей вселенной, до самаго конца, и обладать всѣми сокровищами, безо всякой мѣры? Истинный магъ всегда смотритъ на демоновъ какъ на силы низшія, которыми можно пользоваться, но подчиняться которымъ было бы неумно. Не забудьте, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Самого Творца и поэтому есть въ немъ свойства, непонятныя не только демонамъ, но и ангеламъ. Ангелы и демоны могутъ стремиться лишь къ своему благу, первые—во славу Божію, вторые—во славу Зла, но человѣкъ можетъ искать и скорби, и страданія, и самой смерти. Какъ Господь Вседержитель Сына Своего Единороднаго принесъ въ жертву за сотворенный имъ міръ, такъ мы порою приносимъ въ жертву нашу безсмертную душу, и тѣмъ уподобляемся Создателю. И вспомните слова евангельскія: кто хочетъ душу свою сберечь, потеряетъ ее, а кто потеряетъ, тотъ сбережетъ!

Эту свою прощальную, и какъ бы напутственную рѣчь ко мнѣ докторъ Фаустъ произнесъ съ большимъ одушевленіемъ, и я ею былъ искренне затронутъ, ибо многое въ ней было словно мои собственныя слова, такъ что душа моя, слыша ихъ, дрожала, какъ дрожитъ струна при звукѣ другой, настроенной ей въ ладъ. Однако, едва собрался я отвѣтить доктору, какъ раздался голосъ Мефистофеля, который подкрался къ намъ неслышно во время нашей бесѣды и вдругъ воскликнулъ:

— Прекрасно, докторъ, превосходно! Вы рождены, чтобы съ церковной каѳедры доводить своими проповѣдями до слезъ толстѣющихъ прихожанокъ. Время еще не ушло, у меня много добрыхъ знакомыхъ въ папской куріи, и я могу устроить васъ прелатомъ на доходное мѣсто! Особенно же я люблю, когда вы приводите въ доказательство тексты святого писанія: это—лучшій способъ доказать что-угодно. Вѣдь только глупость одностороння, а истину можно повернуть любой гранью!

Присутствіе Мефистофеля всегда словно связывало всѣ мои движенія прочными веревками, и въ замѣшательствѣ я рѣшительно не зналъ, что сказать, онъ же, обратившись ко мнѣ, добавилъ:

— А вы, господинъ Рупрехтъ, вѣроятно, находите, что мы затмеваемъ ваши достоинства, и что безъ насъ вамъ легче будетъ выдвинуться. Мы будемъ великодушны и уступимъ вамъ мѣсто.

Вступать въ единоборство на копьяхъ остроумія у меня совсѣмъ не было охоты, и, молча, я поклонился доктору, повернулся и вышелъ изъ комнаты, что, конечно, вовсе не было учтиво и могло быть истолковано какъ обида. Поэтому на тотъ случай, если бы эти записки попали въ руки самого доктора Фауста или кого-либо изъ его друзей, я спѣшу здѣсь засвидѣтельствовать, что все дурное въ поступкахъ двухъ моихъ спутниковъ всецѣло отношу я на счетъ Мефистофеля одного. Что же касается самого доктора Фауста, то въ разное время думалъ я объ немъ разное, но въ концѣ концовъ, долженъ признать, что мой испытательный лотъ не измѣрилъ всѣхъ глубинъ его жизни и его души, и что въ моей памяти его образъ стоитъ понынѣ, словно на горизонтѣ тѣнь Голафа.

При самомъ отъѣздѣ доктора я присутствовалъ уже какъ зритель, въ числѣ обитателей замка, и опять въ этой сценѣ прощанія допущено было много шутовства надъ пріѣзжими гостями. Рыцарь Робертъ произнесъ насмѣшливую рѣчь, благодаря доктора за посѣщеніе, а дамы увѣнчали Мефистофеля вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, выращенныхъ ими въ комнатахъ, и, надо сознаться, что монахъ былъ достаточно смѣшонъ въ такомъ неподходящемъ украшеніи. Что до меня, то я, всматриваясь въ моихъ недавнихъ спутниковъ, старался теперь уловить въ нихъ черты, создавшія народную молву объ нихъ, и долженъ былъ сознаться, что пищи для разныхъ догадокъ давали они не мало. Утомленное спокойствіе доктора не трудно было истолковать безучастностью человѣка, знающаго свою участь заранѣе; въ быстрыхъ движеніяхъ Мефистофеля фантазія легко могла усмотрѣть нѣчто не человѣческое, бѣсовское, и даже нашего угрюмаго, чернобородаго кучера при желаніи можно было принять за простого чорта, загорѣвшаго отъ адскаго пламени и привыкшаго не къ возжамъ, а къ кочергѣ, которой мѣшаютъ уголья въ адскихъ кострахъ. И когда повозка, всѣ толчки которой недавно пере-

давались моимъ ребрамъ, застучала по мощеному двору замка, медленно прокатилась черезъ подъемный мостъ и быстро замелькала вдоль. Вишеля, я, подъ вліяніемъ своихъ раздумій, чуть ли не ожидалъ, что вотъ-вотъ, на какомъ-нибудь поворотѣ, она, какъ то разсказывается въ народныхъ сценахъ, обратится въ скорлупку орѣха, а четверка дюжихъ лошадей — въ бѣлыхъ мышей.

Въ тотъ же день, къ вечеру, разъѣхались и остальные гости графа, рыцари и дамы, такъ что остались въ замкѣ только обычные его обитатели, которыхъ, впрочемъ, было не мало. Съ одной стороны стояло общество замка: самъ графъ, графиня Луиза, двѣ ея дамы, рыцарь Робертъ, сенешалъ, капелланъ и другія подобныя лица, а съ другой — многочисленная челядь, начиная со стрѣлковъ и ловчихъ и кончая простыми слугами. Я, конечно, продолжалъ оставаться въ обществѣ, на что давало мнѣ право мое образованіе, если и не принимать въ расчетъ вѣскихъ соображеній о nobiltà Поджо Браччолини, и былъ приглашаемъ, какъ къ общему столу, такъ и на вечеровыя бесѣды у графини, но долженъ признаться, что все же положеніе мое въ замкѣ стало двусмысленнымъ. Одинъ графъ обращался со мною неизмѣнно по-дружески, да порою затѣивалъ со мною споры нашъ капелланъ, но графиня и рыцарь Робертъ старались дѣлать видъ, что не обращаютъ на меня никакого вниманія. Что до меня, я и не искалъ сближенія ни съ кѣмъ, сохранялъ на лицѣ ту маску суровости, съ какой появился въ замкѣ, и даже за обѣдомъ предпочиталъ молчать, тѣмъ болѣе, что графъ и его кузенъ любили спорить о вопросахъ политическихъ, мнѣ малознакомыхъ, напримѣръ, о дѣлахъ въ Виттенбергѣ, по возвращеніи туда герцога Ульриха, о желаніи и попыткахъ Императора возобновить Швабскій союзъ, о предстоявшемъ въ будущемъ мѣсяцѣ Вормскомъ сеймѣ по поводу осады города Мюнстера и подобномъ.

Вспоминая теперь дни, проведенные мною въ замкѣ въ этомъ положеніи полу-друга, полу-слуги, я не очень удивляюсь, что въ свое время такъ мало чувствовалъ ихъ гнетъ надъ собой, объясняя это тѣмъ, что послѣ полугода мучительной жизни

съ Ренатою, послѣ страстнаго напряженія моего краткаго общенія съ Агнессою и послѣ многообразнѣйшихъ приключеній за четыре дня путешествія съ докторомъ Фаустомъ,—душа моя впала въ сонное оцѣпенѣніе, какъ впадаютъ на зиму нѣкоторыя гусеницы.

Поселили меня, послѣ отъѣзда доктора Фауста, въ другой комнатѣ, также весьма удобной и пристойной, въ Западной башнѣ замка, съ окнами, выходящими на отдаленныя линіи Арскихъ возвышенностей, и такъ какъ графъ далъ мнѣ разрѣшеніе пользоваться книгами изъ его библіотеки, то большую часть дня я и проводилъ въ этомъ уединеніи, у окна, съ книгой въ рукахъ, тотчасъ возвращая себя къ начатой страницѣ, едва случайныя мечты увлекали мое воображеніе въ даль. Такъ прочелъ я нѣсколько замѣчательныхъ, ранѣе незнакомыхъ мнѣ сочиненій, преимущественно изъ путешествій, и въ томъ числѣ прекрасный трудъ Петра Мартира Англеріуса, описавшаго въ своихъ декадахъ, живо и занимательно, открытіе Новаго Свѣта и первыя завоеванія въ Новой Испаніи. Но, несмотря на широкій досугъ, которымъ я пользовался, почти не предавался я мечтаніямъ о своей любви, ибо страшно мнѣ было бередить раны сердца, которыя, какъ тогда казалось, подживали, и предпочиталъ закрываться отъ воспоминаній, какъ отъ отравленныхъ стрѣлъ, щитомъ безраздумія.

Тѣ мои занятія, исполнять которыя я принялъ на себя, нисколько не оказались обременительными, ибо графъ больше любилъ мечтать о своемъ ученомъ трактатѣ, нежели истинно трудиться надъ его составленіемъ. Каждый день приглашалъ онъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и я, очинивъ новое перо, развертывалъ листъ бумаги, чтобы писать подъ диктовку, но рѣдко приходилось мнѣ вывести чернымъ по бѣлому больше одной или двухъ строкъ, такъ какъ графъ или начиналъ, увлекаясь, объяснять мнѣ дальнѣйшія главы своего трактата или просто заговаривалъ со мной о вещахъ постороннихъ, причемъ эти бесѣды были вовсе не утомительны, а часто и весьма для меня поучительны. Что же касается до того небольшого, что все-таки было мною записано послѣ многообѣщающаго заглавія: «Tractatus mathematicus de

firmamento septentrionali», то я умолчу о содержаніи этого, ибо графъ во многомъ оказалъ мнѣ услуги неоцѣнимыя и во многихъ другихъ областяхъ проявилъ себя человѣкомъ образованнымъ и съ умомъ острымъ.

О самомъ графѣ еще придется мнѣ говорить подробнѣе, здѣсь же укажу я только, что любилъ онъ похваляться крайнимъ своимъ невѣріемъ и часто смѣялся надъ моимъ, изъ опыта почерпнутымъ, убѣжденіемъ въ реальности магическихъ явленій. Такъ, во время одной изъ нашихъ бесѣдъ онъ, между прочимъ, спросилъ меня, что думаю я объ опытѣ заклинанія Елены Греческой, котораго оба мы были свидѣтелями. Я откровенно объяснилъ, что опытъ этотъ мнѣ показался очень замѣчательнымъ и что я очень жалѣлъ, когда рыцарь Робертъ не позволилъ довести его до настоящаго конца. Графъ, разсмѣявшись, сказалъ мнѣ:

— Ты очень легковѣренъ, Рупрехтъ! Развѣ такъ трудно было найти сообщницу среди дѣвушекъ замка? За два гульдена любая согласилась бы разыграть роль царицы Елены, да кому же столь искусно! Я даже почти навѣрное знаю, кого должно намъ подозрѣвать.

Хорошо помня, что нѣтъ хуже слѣпого, какъ тотъ, кто закрываетъ глаза, я не сдѣлалъ попытки образумить графа и промолчалъ.

Другой разъ, графъ спросилъ меня, что я думаю объ астрологіи, и я привелъ въ отвѣтъ общеизвѣстныя слова: «astra non mentiuntur sed astrologi bene mentiuntur de astris». Однако, графъ возразилъ съ негодованіемъ:

— Me hercule! не ожидалъ я подобнаго сужденія отъ поклонника Пико де Мирандолы! Выискивать предсказанія въ расположеніи планетъ, все равно, что выводить свою судьбу изъ смѣны лѣта осенью, ибо и то и другое равно подчиняется законамъ физики.

Здѣсь умѣстно будетъ также замѣтить, что графъ, хотя говорилъ о «братствѣ» всѣхъ «новыхъ людей», и почиталъ себя ученикомъ Энея Сильвія, однако, упорно сталъ обращаться ко мнѣ на «ты», послѣ того какъ я сталъ отъ него въ нѣко-

торую зависимость, чему не почелъ я нужнымъ придавать значеніе.

Впрочемъ, служба моя у графа Адальберта длилась недолго, дней десять, и всего провелъ я въ замкѣ около двухъ недѣль, причемъ къ концу этого времени уже началъ ощущать весьма опредѣленно тяготу своего положенія, и смутную жажду перемѣны, которая всегда управляла моей жизнью. Но, въ согласіи съ моими темными желаніями и моя судьба не медлила очень, ибо пора ей было вести меня къ заключительнымъ и страшнымъ событіямъ пережитой мной исторіи. Однажды, когда былъ я, по своей должности, за столомъ въ комнатѣ графа и выслушивалъ длинное его объясненіе относительно разстоянія сферы звѣздъ отъ солнца, внезапно въ комнату вошелъ вѣстовой, котораго впустили безъ предупрежденія, въ виду важности привезеннаго имъ письма. То было извѣстіе отъ Архіепископа Трирскаго Іоанна, что онъ предпринялъ поѣздку въ монастырь святого Ульфа, гдѣ проявилась новая ересь, и что ближайшую ночь намѣренъ онъ провести въ замкѣ фонъ-Велленъ.

Графъ съ учтивыми словами отпустилъ посланца, но когда мы вновь остались вдвоемъ, пришлось мнѣ выслушать цѣлый потокъ жалобъ и пеней.

— Hei mihi!—говорилъ графъ. — Кончилась моя свобода, когда я могъ въ волю услаждаться служеніемъ музамъ! Ахъ, почему я не простой поэтъ, не знающій другихъ обязанностей, кромѣ жертвъ Аполлону, или не нищій ученый, знающій только свои книги!

При этомъ графъ осыпалъ желчными обвиненіями своего сюзерена, насмѣшливо сравнивая его съ другимъ духовнымъ княземъ, нашимъ благороднымъ современникомъ, Архіепископомъ Майнцскимъ Альбрехтомъ, котораго выставилъ почти какъ образецъ человѣка. Особенно удручало графа, что онъ, имѣя званіе совѣтника, непремѣнно долженъ былъ сопровождать Архіепископа, по крайней мѣрѣ, на протяженіи нѣсколькихъ дневныхъ переходовъ, и тутъ же объявилъ, что мнѣ придется ѣхать съ нимъ, такъ какъ ни за что не хочетъ онъ прерывать своей работы надъ трактатомъ. Я, разумѣется, согласился весьма

охотно, потому что меня нисколько не привлекала мысль остаться въ замкѣ безъ графа, но я не подозрѣвалъ въ ту минуту, что эта поѣздка должна быть роковой, и что самое прибытіе Архіепископа Іоанна лишь шахматный ходъ въ рукахъ судьбы, которая и княземъ-курфюрстомъ Имперіи играетъ какъ простой пѣшкой для достиженія своихъ таинственныхъ цѣлей.

Въ тотъ же часъ начались въ замкѣ приготовленія для пріема высокаго гостя и по всѣмъ корридорамъ и проходамъ заметались слуги и работницы, словно муравьи въ потревоженномъ муравейникѣ. Я, конечно, нисколько не вмѣшивался въ эту суетню и предпочелъ остаться въ обычной для меня уединенности, такъ что даже когда на склонѣ дня второй вѣстовой извѣстилъ, что поѣздъ Архіепископа приближается, не принялъ никакого участія въ его встрѣчѣ и потому не могу описать ея подробностей. Правда, сидя въ своей комнатѣ, занимался я ребяческой игрой: по звукамъ, смутно доносившимся ко мнѣ, старался угадывать, что именно совершается на дворѣ, у входа, въ большой залѣ, какія произносятся рѣчи, чѣмъ пріемъ сюзерена отличается отъ шутовскаго пріема, оказаннаго доктору Фаусту,—но эти праздныя мечты не могутъ предъявлять никакихъ притязаній на вниманіе благосклоннаго читателя.

Въ томъ состояніи бездѣйствія, въ какомъ я тогда находился, можетъ быть, провелъ бы я, не выходя изъ комнаты, все время до ночи, если бы самъ графъ не прислалъ звать меня къ ужину, и я, принарядившись сколько могъ, спустился въ Троянскую залу. Этотъ разъ она была убрана съ дѣйствительной пышностью, ибо число зажженыхъ восковыхъ свѣчъ и длинныхъ факеловъ было огромно, а въ глубинѣ залы воздвигнуты были хоры для музыкантовъ, уже ожидавшихъ сигнала, съ трубами и дудками въ рукахъ. Я тотчасъ различилъ среди пріѣзжихъ фигуру Архіепископа, который показался мнѣ довольно представительнымъ въ темно-лиловой сутанѣ, съ золотой осыпанной драгоцѣнными каменьями пряжкой на груди и въ торжественной инфулѣ. Зато люди его свиты, прелаты, каноники и другіе, всѣ произвели на меня впечатлѣніе отталкивающее и, обозрѣвая эти толстые животы и жирныя самодовольныя лица, невольно вспо-

минулъ я незабвенныя страницы безсмертной сатиры Себастіана Бранта.

Всего тогда, я думаю, собралось въ той залѣ болѣе тридцати человѣкъ, для угощенія которыхъ уже было заготовлено три отдѣльныхъ стола, чтобъ размѣстить всѣхъ сообразно съ ихъ правами и достоинствами. За главнымъ столомъ сѣли съ Архіепископомъ и его приближенными графъ, его супруга и рыцарь Робертъ, а всѣмъ другимъ были точно указаны ихъ мѣста, куда каждаго тотчасъ и провожали наши пажи, одѣтые въ яркіе костюмы и съ салфетками, повѣшанными на шею, по старинному обычаю. Мнѣ былъ назначенъ приборъ за маленькимъ столомъ въ сторонѣ, за которымъ оказался также нашъ капелланъ, сенешалъ замка и человѣкъ десять изъ свиты нашего гостя, и я былъ очень радъ, что въ этомъ кругу могъ запрятаться какъ бы совсѣмъ незамѣтно.

Не знаю, что дѣлалось за столомъ Архіепископа, ибо на этотъ разъ у меня не было рвенія къ наблюденіямъ, но за нашимъ всѣ накинулись съ истинной алчностью на тѣ блюда, коими постарались щегольнуть наши повара, и, пока проходили мимо всевозможныя кушанья, среди которыхъ преобладала, конечно, рыба: щуки, карпы, лини, угри, раки, форели, миноги, лососи, пока пажи усердно разливали всякіе сорта прирейнскихъ винъ,— слышно было только щелканье челюстей и видны были только оттопыренныя при жевании щеки. Лишь въ концѣ ужина образовалась нѣкоторая бесѣда между мною, нашимъ капелланомъ и моимъ сосѣдомъ за столомъ, низенькимъ и толстенькимъ монахомъ доминиканцемъ, — которую первое время я велъ небрежно, но къ которой приложилъ потомъ все старание, что принесло мнѣ свою пользу впослѣдствіи.

Доминиканецъ началъ съ жалобъ на тѣ утѣсненія, какимъ въ сей вѣкъ подвергается въ Германіи и во всемъ мірѣ святая католическая церковь, ибо, по его словамъ, въ жестокости преслѣдованій уподобились протестанты Готамъ и Гетамъ въ Европѣ, Вандаламъ въ Африкѣ, аріанамъ тутъ и тамъ, и даже превзошли ихъ. Онъ разсказалъ потомъ нѣсколько случаевъ, какъ протестанты хватали вѣрныхъ католиковъ, мірянъ и священни-

ковъ, принуждая ихъ отречься отъ истинной вѣры, тѣхъ же, кто упорствовалъ, убивали мечомъ, вѣшали надъ кострами, распинали въ церквахъ на святыхъ распятіяхъ, топили въ рѣкахъ и колодцахъ, подвергали всякимъ истязаніямъ, нестерпимымъ и постыднымъ, напримѣръ, заставляя лошадей поѣдать у нихъ, живыхъ, внутренности, или женщинамъ набивая срамныя части порохомъ и поджигая такую мину. Отецъ Филиппъ, нашъ капелланъ, изъявилъ все свое негодованіе при такихъ разсказахъ; я же, удивившись на сладострастный восторгъ, съ какимъ нашъ собесѣдникъ передавалъ происшествія, если и не невозможныя, ибо при разграбленіи Рима былъ я самъ свидѣтелемъ сходныхъ случаевъ, то все же рѣдкія и исключительныя,—освѣдомился, съ кѣмъ имѣемъ мы честь бесѣдовать. Тогда доминиканецъ, съ ласковой улыбкой, назвалъ себя.

— Я—смиренный служитель алтаря, — сказалъ онъ,—братъ Ѳома, а въ міру Петръ Тейбенеръ, инквизиторъ его святѣйшества, имѣющій полномочіе разыскивать и искоренять пагубныя заблужденія еретиковъ по всѣмъ прирейнскимъ землямъ: Бадену, Шпейеру, Пфальцу, Майнцу, Триру и другимъ.

Признаюсь, что при словѣ «инквизиторъ» нѣчто вродѣ ощутительной дрожи пробѣжало по моему тѣлу, отъ шеи до лодыжекъ, особенно при совпаденіи имени новаго знакомаго съ именемъ знаменитаго Ѳомы де Торквемада, полвѣка тому назадъ ужасомъ своихъ преслѣдованій потрясавшаго Кастилію и Арагонію. Я зналъ, что инквизиторы, со времени папской буллы «Summis desiderantes», объѣзжаютъ города и мѣстечки, выискивая лицъ, виновныхъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, вывѣшиваютъ на дверяхъ церкви или ратуши объявленія, требующія подъ страхомъ отлученія отъ церкви доносить о подозрительныхъ людяхъ, хватаютъ ихъ, пользуются правомъ подвергать ихъ пыткѣ и позорной казни. Очень быстро, какъ въ минуту, когда захлебываешься, припомнились мнѣ, въ послѣдовательномъ рядѣ, и лобызаніе, данное мною мастеру Леонарду, и мое заклинаніе демона Анаэля, и общеніе съ чернокнижникомъ Агриппою, и недавнее дружество съ докторомъ Фаустомъ, и мгновенно порѣшилъ я быть съ моимъ застольнымъ собесѣдникомъ сколько можно пре-

дупредительнѣе и обезоружить въ немъ всѣ сомнѣнія относительно чистоты моей вѣры.

Поэтому, также назвавъ себя, принялся я съ такой яростью поносить проклятыхъ лютеріанцевъ и самого Мартина Лютера, что нашъ капелланъ, прежде слыхавшій мои разсужденія, не похожія на эти, чуть не онѣмѣлъ отъ изумленія, но тотчасъ, отъ всей души, присоединился ко мнѣ. Конецъ ужина въ томъ и прошелъ, что, осушая одинъ за другимъ стаканы бахараха, мы старались перещеголять другъ друга въ нещадной брани, обращенной къ Виттенбергскому пророку.

— И какой онъ философъ? — спрашивалъ гнѣвно братъ-инквизиторъ.—Онъ—ни скоттистъ, ни альбертистъ, ни ѳомистъ, ни оккамистъ. Какъ не вспомнить предреченнаго Іисусомъ Христомъ: возстанутъ лжепророки, дадутъ великія знаменія, которыми прельстятъ и избранныхъ!

— Разумѣется, что помогалъ ему дьяволъ,—вторилъ нашъ капелланъ.—Не случайно, въ катехизисѣ Лютера имя Христа поминается лишь 63 раза, а имя Нечистаго—67 разъ.

— Что толковать!—храбро говорилъ я.—Правъ былъ славный Томасъ Мурнеръ, когда назвалъ Мартина Лютера просто большимъ дуракомъ!

Несмотря на такое единодушіе, я былъ очень радъ, когда дѣло дошло до дессерта, лимоннаго сока и вишенъ въ сахарѣ, и его высокопреподобіе возгласило благодарственную молитву: «Agimus tibi gratias, omnipotens Deus», такъ что можно было, наконецъ, встать и начать прощаться. Во всякомъ случаѣ я не промахнулся, бросая пригоршнями сѣмена въ душу своего собутыльника, ибо впослѣдствіи, съ ужасомъ и отчаяньемъ, пришлось мнѣ увѣриться въ силѣ этого брата Ѳомы, который послѣ перваго знакомства усердно жалъ мнѣ руку и даже выспрашивалъ у меня, не служу ли и я тайно святой инквизиціи.

На слѣдующій день я проснулся съ радостной мыслью, что сегодня покину замокъ, невольно сравнивая себя съ рыбой, которой изъ сѣти вдругъ открылся выходъ въ рѣчныя струи, и дѣйствительно, выйдя на внутренній дворъ, засталъ я всѣ пріуготовленія къ отъѣзду. Глядя, какъ запрягаютъ и сѣдлаютъ

лошадей, какъ навьючиваютъ муловъ, какъ размѣщаютъ тюки по повозкамъ и телѣгамъ, вообще—при видѣ оживленной человѣческой дѣятельности, я почувствовалъ такую бодрость, какой не испытывалъ уже давно. Исчезла даже та упорная молчаливость, которая держала меня въ своихъ лапахъ послѣднюю недѣлю, и я съ большой охотой заговаривалъ съ незнакомыми людьми, давалъ совѣты и помогалъ сборамъ. Было во мнѣ такое ощущеніе, словно снаряжаю я нѣкій караванъ, съ которымъ отправляюсь на поиски новаго свѣта и новой жизни.

Сборы заняли не менѣе двухъ часовъ, потому что хлопотъ было не меньше, какъ если бы въ походъ выступала маленькая армія. Не считая того, что въ путь отправлялся теперь графъ съ нѣсколькими людьми изъ замка, съ Архіепископомъ ѣхала немалая свита изъ монаховъ и прелатовъ, а также вся его походная канцелярія съ нѣсколькими писцами, медикъ и аптекарь съ аптекою, цирульникъ и нѣсколько слугъ. Кромѣ этого отдѣльныя телѣги везли съѣстные припасы, вина, посуду, принадлежности для спанья, бѣлье, походную библіотеку и еще не мало тюковъ, набитыхъ мнѣ невѣдомо чѣмъ. Думаю, что когда Моисей выводилъ народъ еврейскій изъ Египта, не многимъ больше было количество вещей и запасовъ, увозимыхъ ими на многолѣтнее странствіе въ пустыни, чѣмъ бралъ съ собою Архіепископъ Трирскій въ дорогу, гдѣ каждую ночь могъ проводить подъ кровомъ то замка, то монастыря.

Наконецъ, въ полдень нашъ сенешалъ далъ сигналъ военнымъ рогомъ, и всѣ стали поспѣшно занимать назначенныя имъ мѣста, и я въ томъ числѣ, верхомъ на доброй лошади, данной мнѣ графомъ, помѣстился въ арріергардѣ, гдѣ были и всѣ другіе люди замка. Потомъ на балконѣ показались двѣ фигуры: Архіепископа и графа, и съ торжественной медленностью спустились по лѣстницѣ внизъ, гдѣ ждали: перваго—закрытая, просторная повозка, запряженная восьмерикомъ, а второго—великолѣпный конь въ богатой попонѣ, съ лентами и перьями, словно для турнира. Данъ былъ второй сигналъ,—и сразу все пришло въ движеніе: лошадиныя копыта стали подыматься, колеса вертѣться, повозки перемѣщаться, и словно одинъ многочленистый змѣй, сжимаясь

и вытягиваясь, длинный поѣздъ Архіепископа поползъ, увлекая съ собой меня за ворота замка. Переѣхавъ подъемный мостъ, который замѣтно погнулся подъ такой тяжестью, мы разлились широкой толпой по той самой дорогѣ, по которой, двѣ недѣли назадъ, я прибылъ въ замокъ, и возобновилось мое прерванное путешествіе, но при условіяхъ, измѣненныхъ словно Аркалаемъ-волшебникомъ, ибо, вмѣсто доктора и его друга, было со мной теперь цѣлое шумное и блистательное общество.

Выѣхавъ, наконецъ, въ поле, испытывалъ я совершенно дѣтскую радость: вдыхалъ мягкій весенній воздухъ, какъ чудодѣйственный бальзамъ, любовался разноцвѣтной зеленью дальнихъ лѣсовъ и луговъ, ловилъ на лицо, на шею, на грудь теплые лучи солнца, и весь ликовалъ, словно звѣрь, проснувшійся отъ зимней спячки. Безъ душевной боли вспоминалъ я въ тотъ часъ и объ Ренатѣ, съ которой всего восемь мѣсяцевъ тому назадъ, впервые, рядомъ, ѣхалъ черезъ такія же пустынныя поля, и Рената казалась мнѣ уже далекой и забытой, и я даже какъ-то самъ удивился, вспомнивъ тѣ глухія пропасти отчаянія, въ которыя упалъ по разлукѣ съ ней, и еще недавнія свои слезы на террасѣ замка. Мнѣ хотѣлось не то пѣть, не то рѣзвиться, какъ школяру, вырвавшемуся за-городъ, на волю, не то вызвать кого-то на поединокъ и биться шпага-о-шпагу, когда отъ сталкивающихся клинковъ сыпятся вдругъ голубоватыя искры.

Такое бодрое настроеніе духа продержалось во мнѣ почти весь день, и только къ вечеру смѣнилось нѣкоторымъ утомленіемъ, преимущественно оттого, что ѣхали мы черезъ-чуръ медленно, съ многочисленными остановками для отдыха и для завтраковъ. Только въ сумеркахъ достигли мы, наконецъ, до цѣли всего пути: монастыря святого Ульфа, хотя лихой ѣздокъ могъ бы доскакать до него отъ замка фонъ Веллена въ два или съ половиною два часа всего-на-всего. Когда передо мной выступила четвероугольная ограда монастыря, обведеннаго рвомъ, какъ рыцарскій замокъ, не подумалъ я ничего другого, кромѣ того, что близокъ ночлегъ, и никакое пророческое волненіе не предупредило меня о томъ, что меня ждало за этими стѣнами. Безо всякаго вниманія выслушивалъ я объясненія одного

изъ монаховъ, что монастырь этотъ основанъ три столѣтія назадъ, благочестивой Елизаветой Лотарингской, соревновавшей святой Кларѣ, что въ ризницѣ его хранятся святыни единственныя, какъ платъ, коимъ опоясаны были чресла Спасителя на крестѣ,—и никакъ я не могъ вообразить себѣ, что къ одной изъ келій этой обители будетъ навѣки, нержавѣющими цѣпями воспоминанія, прикована моя душа.

Такъ какъ вѣстовые и здѣсь предупредили о приближеніи Архіепископа, то все, еще до нашего прибытія, уже было готово, чтобы пріѣхавшіе могли не безъ удобства провести ночь. Самъ Архіепископъ и нѣсколько его приближенныхъ проѣхали прямо въ монастырь; для большинства лицъ были очищены и убраны домики ближней деревни Альтдорфа, а для графа Адальберта наши люди тотчасъ принялись разбивать походную палатку, словно въ военномъ лагерѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были зажжены большія смоляныя бочки, отъ чего въ округѣ было странно свѣтло, и черные образы людей и лошадей, колыхавшіеся при этомъ непокойномъ свѣтѣ, казались чудовищными призраками, выходцами изъ ада, собравшимися въ волшебную долину.

Когда, исполнивъ разныя порученія, разыскалъ я палатку графа, онъ уже былъ тамъ и отдыхалъ, лежа на разостланной медвѣжьей шкурѣ. Увидя меня, онъ спросилъ:

— Ну что, Рупрехтъ, не усталъ ты отъ похода?

Я возразилъ, что я—столь же ландскнехтъ, сколько гуманистъ, и что если бы всѣ походы совершались съ такими удобствами, какъ этотъ, не было бы ремесла болѣе пріятнаго, чѣмъ воинское.

Графъ распорядился, чтобы у меня всегда были наготовѣ чернила и перья, если ему, какъ Юлію Цезарю, придетъ въ голову диктовать во время пути, а потомъ сказалъ вскользь:

— Кстати, тебѣ это будетъ любопытно, Рупрехтъ, такъ какъ ты любишь все, что касается дьявола и всякой магіи. Знаешь ли, какая ересь проявилась въ этомъ монастырѣ, куда мы пріѣхали съ такой толпой? Мнѣ самому только-что разсказали. Дѣло въ томъ, что въ монастырь поступила одна новая сестра, съ ко-

торой неотлучно пребываетъ не то ангелъ, не то демонъ. Однѣ изъ сестеръ покланяются ей, какъ святой, другія клянутъ ее, какъ одержимую и какъ союзницу дьявола. Весь монастырь раздѣлился на двѣ партіи, словно синихъ и зеленыхъ въ Византіи, и въ распрѣ приняла участіе вся округа, рыцари ближнихъ замковъ, мужики ближнихъ деревень, попы и монахи. Мать-аббатисса потеряла всякую надежду справиться со смутой, и вотъ теперь Архіепископу и намъ предстоитъ рѣшать, кто здѣсь дѣйствуетъ: ангелъ или демонъ? или просто всеобщее невѣжество.

Только послѣ этого разсказа первое предчувствіе вздрогнуло въ моемъ сердцѣ и сразу смутное волненіе окутало мою душу, какъ окутываетъ предметы густой дымъ. Чѣмъ-то знакомымъ повѣяло на меня отъ словъ графа и, съ замираніемъ голоса, я спросилъ, не называли ли имени той новой монахини, съ прибытіемъ которой въ монастырѣ начались эти чудеса.

Немного подумавъ, графъ отвѣчалъ:

— Вспомнилъ: ее зовутъ Марія.

Этотъ отвѣтъ во внѣшнемъ успокоилъ меня, но гдѣ-то въ глубинѣ моего духа продолжалась тайная тревога. И, засыпая на своемъ разостланномъ плащѣ, не могъ я отогнать воспоминаній о томъ днѣ, когда въ деревенской гостинницѣ разбудилъ меня долетавшій изъ сосѣдней комнаты женскій умоляющій голосъ. Доводами разума старался я образумить себя и доказывалъ, что кругомъ нѣтъ никого, кромѣ монаховъ и воиновъ, но мнѣ все, и сквозь первый сонъ, казалось, что сейчасъ я заслышу зовъ Ренаты.

И это предчувствіе не обманывало меня, потому что на другой день мнѣ предстояло увидѣть вновь ту, которую я уже считалъ невозвратно утраченной.

ГЛАВА XIV.

Какъ Архіепископъ экзорцизмами боролся съ демонами въ монастырѣ святого Ульфа.

Утро слѣдующаго дня было ясное и яркое, и я, вышедши рано въ поле, присѣлъ на пригоркѣ, спускавшемся къ маленькой рѣчкѣ, отдѣлявшей нашъ станъ отъ монастыря, и сталъ прилежно его разсматривать. То былъ весьма обыкновенный монастырь, какихъ много воздвигали въ старину, безо всякой заботы о красотѣ постройки, обнесенный толстыми стѣнами, заключавшими въ свой квадратъ грубыя строенія для келій и одинъ храмъ, первобытно-стрѣльчатой архитектуры. Хотя видны были мнѣ, съ моего возвышенія, и дворъ, содержимый весьма чисто, и кладбище, съ посыпанными пескомъ дорожками вокругъ могилъ, и крыльца отдѣльныхъ домовъ, но часъ былъ еще столь ранній, что все было пустынно и первая обѣдня еще не начиналась. И довольно долго такъ сидѣлъ я, словно соглядатай, высматривающій путь въ непріятельскій городъ, но преданный мыслямъ смутнымъ и невыразимымъ, какъ впечатлѣнія отъ позабытаго сна.

Мечтанія мои прервалъ братъ Ѳома, приблизившійся неслышно и привѣтствовавшій меня, какъ давняго друга, и я, какъ ни тягостно мнѣ было, что потревожили мое уединеніе, почти обрадовался этой встрѣчѣ, подумавъ тотчасъ, что отъ инквизитора можно узнать подробности о сестрѣ Маріи: ибо темное безпокойство не покидало моей души. Однако, братъ Ѳома, вмѣсто отвѣта на всѣ мои вопросы, повелъ длинную и лицемѣрную рѣчь о развращеніи вѣка сего и началъ пространно жаловаться,

что потакаютъ протестантамъ сами князья церкви. Такъ, понизивъ голосъ, словно могъ насъ кто услышать, сообщилъ онъ мнѣ, что Архіепископъ Кельнскій, Германъ, состоитъ въ дружбѣ съ Эразмомъ и притомъ долго щадилъ еретиковъ Падерборнскихъ, и что даже нашъ Архіепископъ Іоаннъ, въ свитѣ котораго мы оба состоимъ, не погнушался заключить союзъ съ Филиппомъ Гессенскимъ, отъявленнымъ лютеріанцемъ. Очень можетъ быть, что такіе клеветы и доносы расчитаны были на то, чтобы услышать въ свою очередь отъ меня доносы на другихъ лицъ, хотя бы на нашего графа, но я былъ очень остороженъ въ отвѣтахъ и постоянно старался перевести разговоръ на то событіе, ради котораго было предпринято все наше путешествіе.

Въ концѣ концовъ братъ Ѳома сказалъ мнѣ:

— Сестру Марію многіе славятъ какъ святую и увѣряютъ, что обладаетъ она даромъ исцѣлять больныхъ однимъ наложеніемъ рукъ, какъ благочестивѣйшій король французскій. Мнѣ, однако, скромная моя опытность подсказываетъ, что сестра эта состоитъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, который снискалъ ея довѣріе, являясь къ ней по ночамъ въ образѣ инкуба. Такой грѣхъ, къ сожалѣнію, все чаще проникаетъ въ святыя обители, и не даромъ въ Писаніи сказано о грѣшникѣ: «се—ты почиваешь на законѣ и хвалишься о Богѣ». Князь-Архіепископъ надѣется изгнать злого духа силою молитвы и экзорцизмовъ, но я такъ полагаю, что придется, съ прискорбіемъ, прибѣгнуть къ допросу и пыткѣ, чтобы обличить порочную душу и найти соучастниковъ преступленія.

Большаго я не могъ добиться отъ инквизитора, да и бесѣда наша вскорѣ прекратилась, такъ какъ раздался въ монастырѣ звонъ, призывающій во храмъ. Съ нашей высоты видно было, какъ сестры выходили изъ дверей отдѣльныхъ строеній и вереницами тянулись черезъ дворъ къ церкви; но тщетно всматривался я въ маленькія фигурки, которыя, за дальностью разстоянія и одѣтыя въ одинаковыя сѣрыя одежды клариссинокъ, всѣ были похожи другъ на друга и казались маріонетками уличнаго театра. Когда послѣднюю изъ нихъ поглотила пасть церковныхъ дверей и къ намъ стали доноситься звуки органа, мы съ братомъ Ѳо-

мою попрощались: онъ направился слушать мессу, а я пошелъ разыскивать графа.

Графа засталъ я уже совершенно одѣтымъ и въ настроеніи духа самомъ веселомъ, чѣмъ я и постарался искусно воспользоваться, чтобы проникнуть съ его помощью въ монастырь. Зная, на какую приманку легче всего его поймать, я напомнилъ ему о взглядахъ на демоновъ знаменитѣйшаго Гемиста Плетона, вѣровавшаго въ реальность демоновъ, полагая ихъ богами третьяго порядка, которые, получивъ благодать отъ Зевса, ею охраняютъ, укрѣпляютъ и возвышаютъ людей. Также указалъ я графу на возможность, что нѣкоторые боги древности, переживъ столѣтія, достигли нашего времени, и что никто другой, какъ Поджо Браччолино, повѣствуетъ о древнемъ богѣ Тритонѣ, изловленномъ на берегу Далмаціи, гдѣ мѣстныя прачки заколотили его на-смерть вальками. Этими и подобными соображеніями постарался я возбудить въ графѣ интересъ къ событіямъ въ монастырѣ и, наконецъ, онъ, такъ какъ и безъ того подобало ему быть близъ Архіепископа, объявилъ мнѣ, наполовину смѣясь:

— Ну, что жъ, Рупрехтъ! Если такъ тебя занимаютъ эти ангелы и демоны, вселившіеся въ бѣдныхъ монашенокъ, пойдемъ и поизслѣдуемъ это событіе на мѣстѣ. Только замѣть, что ни Цицеронъ, ни Горацій никогда не повѣствуютъ ни о чемъ подобномъ.

Не медля, вышли мы изъ нашей палатки, спустились въ долину рѣчки, перешли ее по двумъ качающимся жердямъ, танцуя какъ гауклеры, и скоро были мы уже у монастырскихъ воротъ, гдѣ сторожившая монашенка почтительно встала при нашемъ приближеніи и поклонилась знатному рыцарю чуть не земно. Графъ приказалъ ей отвести насъ къ настоятельницѣ монастыря, съ которой былъ нѣсколько знакомъ, и она проводила насъ черезъ дворъ и садикъ въ отдѣльный деревянный домикъ, въ его второй этажъ по шаткой лѣстницѣ, и, юркнувъ первая въ дверь, потомъ отворила ее, снова низко кланяясь и приглашая насъ войти. Весь этотъ маленькій переходъ, путь отъ палатки графа до кельи настоятельницы, почему-то

запомнился мнѣ необыкновенно, словно бы врѣзалъ мнѣ въ память его картину нѣкій граверъ, такъ что сейчасъ выступаютъ передо мной отчетливо всѣ изгибы дорожекъ, всѣ виды, мѣнявшіеся при поворотахъ, всѣ кусты по сторонамъ.

Келья настоятельницы была не велика, и вся заставлена мебелью, старинной и тяжелой, со множествомъ святыхъ изображеній вездѣ: статуй Дѣвы Маріи, распятій, четокъ, повѣшенныхъ на стѣнѣ, различныхъ благочестивыхъ картинокъ. При входѣ нашемъ настоятельница, женщина уже весьма пожилая, имя которой въ монашествѣ было Марта, но которая происходила изъ знатнаго и богатаго дома, сидѣла, словно вся ослабнувшая, въ глубокомъ креслѣ, причемъ близъ нея была только ея келейница, но напротивъ уже стоялъ, какъ докладчикъ, братъ Ѳома, успѣвшій втереться и сюда. Графъ, очень почтительно, назвалъ себя, напомнивъ прежнее знакомство, и настоятельница, несмотря на преклонные годы, слѣдуя, вѣроятно, уставу монастыря, привѣтствовала его тоже весьма низкимъ поклономъ.

Наконецъ, послѣ разныхъ другихъ учтивостей, требуемыхъ тѣмъ, что итальянцы называютъ bel parlare, всѣ мы заняли свои мѣста, графъ сѣлъ въ другое кресло противъ настоятельницы, а я и братъ Ѳома стали сзади него, какъ бы люди его свиты. Только тогда, наконецъ, обратился разговоръ на свою истинную тему и графъ началъ разспрашивать мать Марту о сестрѣ Маріи.

— Ахъ, высокочтимый графъ!—отвѣчала мать Марта,—то я пережила за послѣднія двѣ недѣли, что никогда, по милосердію Божію, не чаяла испытать во ввѣренномъ мнѣ монастырѣ. Вотъ скоро пятнадцать лѣтъ, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, пасу я стадо моихъ овецъ, и наша обитель были до сихъ поръ украшеніемъ и гордостью страны, нынѣ же стала соблазномъ и предметомъ раздора. Скажу вамъ, что иные теперь даже боятся приближаться къ стѣнамъ нашего монастыря, увѣряя, что въ него вселился дьяволъ или цѣлый легіонъ злыхъ духовъ.

Послѣ такихъ словъ графъ сталъ вѣжливо настаивать, чтобы настоятельница разсказала намъ подробно всѣ событія послѣдняго времени, и она, не сразу и не охотно, приступила, наконецъ, къ

подробному разсказу, который передамъ я здѣсь въ изложеніи, ибо рѣчь ея была слишкомъ пространной и не во всемъ искусной.

Мѣсяца полтора тому назадъ, по словамъ матери Марты, пришла къ ней безвѣстная дѣвушка, назвавшая себя Маріей, и просила, чтобы позволили ей остаться при монастырѣ хотя бы на должности самой послѣдней служанки. Пришедшая понравилась настоятельницѣ своей скромностью и разумностью своей рѣчи, такъ что, пожалѣвъ бездомную скиталицу, не имѣвшую съ собой рѣшительно никакихъ вещей, она позволила ей жить при монастырѣ. Съ первыхъ же дней новая послушница Марія проявила ревность необыкновенную въ исполненіи всѣхъ церковныхъ службъ и усердіе неистовое въ молитвѣ, часто всю ночь до первой обѣдни проводя на колѣняхъ передъ Распятіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили вскорѣ, что множество чудесныхъ явленій сопровождало Марію: ибо то подъ руками ея несвоевременно распускались на зимнихъ стебляхъ цвѣты; то видѣли ее въ темнотѣ осіянной нѣкіемъ свѣтомъ, словно нимбомъ; то, когда молилась она въ церкви, раздавался близъ нея нѣжный голосъ, исходившій изъ незримыхъ устъ, которыя пѣли святую кантику; то на ладоняхъ ея выступали святые стигматы, словно отъ пригвожденія ко кресту. Въ то же время открылся у сестры Маріи даръ чудотворенія и она стала исцѣлять всѣхъ больныхъ однимъ прикосновеніемъ, и стало ихъ стекаться въ монастырь все больше и больше изъ окрестныхъ селеній. Тогда настоятельница спросила у Маріи, какой силой творитъ она эти чудеса, и она призналась, что неотступно сопровождаетъ ее одинъ ангелъ, который даетъ ей наставленія и поучаетъ подвигамъ вѣры, причемъ объяснила это все столь чистосердечно, что трудно было усомниться въ ея исповѣди. Сестры же монастыря, восхищенныя ея дивными дарованіями, соединенными ктому же съ крайней скромностью и почтительностью ко всѣмъ,—были исполнены пламенной къ ней любовью, радуясь, что дѣвушка, столь святая, вошла въ ихъ союзъ, и, конечно, не почитали уже ее послушницей, но равной себѣ или даже первой среди другихъ.

Все это длилось болѣе трехъ недѣль и за это время слава сестры Маріи возрастала какъ въ округѣ, такъ и въ самомъ монастырѣ, гдѣ явились у нея поклонницы преданнѣйшія, не покидавшія ея ни на шагъ, славившія ея добродѣтели громогласно и почти покланявшіяся ей, какъ новой преподобной. Но среди остальныхъ сестеръ нашлись, понемногу, и недоброжелательницы, которыя стали высказывать сомнѣнія, подлинно ли Божескимъ наитіемъ творитъ свои исцѣленія сестра Марія, и не есть ли все происходящее въ обители новыя козни древняго врага рода человѣческаго—Дьявола? Обратили вниманіе, что явленія, вездѣ сопровождающія сестру Марію, не всегда подобаютъ ангельской волѣ, ибо порой слышались близъ нея какъ бы удары невидимымъ кулакомъ въ стѣну, или при ней нѣкоторые предметы сами собой вдругъ падали, словно брошенные, и тому подобное. Потомъ нѣкоторыя изъ сестеръ, приблизившихся къ сестрѣ Маріи, на исповѣди покаялись духовнику, что съ недавнихъ поръ начали ихъ бороть странные соблазны, а именно: ночью, въ ихъ кельяхъ, стали имъ являться образы прекрасныхъ юношей, какъ бы сіяющихъ ангеловъ, которые уговаривали вступить съ ними въ плотскую любовь. Когда обо всемъ этомъ сказали сестрѣ Маріи, она весьма опечалилась и просила удвоить молитвы, усилить посты и ревность иныхъ монашескихъ подвиговъ, говоря, что тамъ, гдѣ близко святое, всегда рыщутъ и духи коварства, ища погубить добрыя сѣмена.

Однако, хотя сестра Марія и ея приверженницы, дѣйствительно, молились неустанно и подвергали себя всякаго рода благочестивымъ испытаніямъ, проявленія злой силы въ монастырѣ стали усиливаться съ каждымъ днемъ. Таинственные стуки въ стѣны, въ полъ, въ потолокъ слышались вездѣ, какъ въ присутствіи сестры Маріи, такъ и безъ нея; проказливыя руки по ночамъ опрокидывали мебель и даже святые предметы, путали содержимое въ ящикахъ, производили всякаго рода безпорядокъ въ комнатахъ и храмѣ; порой неизвѣстно кто металъ съ поля въ монастырь тяжелые камни, словно осыпая его ядрами, что было весьма страшно; въ темныхъ проходахъ сестры ощущали прикосновенія незримыхъ пальцевъ или вдругъ попада-

ли въ чьи-то темныя и холодныя объятья, что наполняло ихъ трепетомъ несказаннымъ; затѣмъ демоны стали показываться воочію, въ видѣ черныхъ кошекъ, являвшихся невѣдомо откуда и забиравшихся смиреннымъ сестрамъ подъ одежду.

Первое время настоятельница пыталась бороться съ грѣхомъ и навожденіемъ уговорами и молитвами; послѣ монастырскій священникъ читалъ достодолжныя молитвы и кропилъ всѣ покои святой водой; еще послѣ пригласили извѣстнаго заклинателя изъ города, который двое сутокъ творилъ экзорцизмы, заговаривалъ хлѣбъ и воду, соръ и пыль, но смятеніе только все возрастало. Видѣнія стали являться во всѣ часы дня и ночи и во всѣхъ углахъ: призраки показывались сестрамъ во время молитвы, во время обѣда, на постели, тамъ, куда шли онѣ за своей нуждой, въ кельяхъ, на дворѣ, въ церкви. Стали раздаваться неизвѣстно откуда звуки арфъ, и сестры не имѣли силъ одолѣть искушеніе и начинали плясать и кружиться до изступленія. Наконецъ, демоны стали входить въ сестеръ и одержать ихъ, такъ что, повергнувъ на полъ, подвергали всякимъ спазмамъ, корчамъ и мученіямъ. Сестра Марія, хотя она тоже не избѣгала такихъ припадковъ, продолжала увѣрять, что это лишь натиски злого воинства, съ коимъ должно бороться всѣми силами, слѣдуя указаніямъ ея ангела, и оставались сестры, которыя продолжали вѣрить ей и чтить ее. Но зато тѣмъ яростнѣе кляли ее другія, говоря, что это она напустила порчу на монастырь, и обвиняя ее въ пактѣ съ Дьяволомъ, такъ что совершилось великое раздѣленіе въ обители и распря постыдная и губительная. Тогда-то, въ такой крайности, рѣшено было обратиться къ князю-Архіепископу, коему, по преемству отъ святыхъ Апостоловъ, дано въ семъ мірѣ вязать и разрѣшать грѣхи наши.

Вотъ что разсказала намъ мать Марта, въ длинной и запутанной рѣчи, хотя она повторяла ее, повидимому, не первый разъ, и, пока она говорила, узнавалъ я съ несомнѣнностью черты изъ образа Ренаты, такъ что страхъ и отчаяніе разомъ вселились въ мою душу, тоже какъ демоны,—и я слушалъ повѣствованіе, какъ осужденный чтеніе смертнаго приговора. Когда настоятельница кончила разсказъ, графъ, проявившій къ нему неожиданное

для меня вниманіе, спросилъ, нельзя ли призвать сюда сестру Марію, чтобы задать ей нѣсколько вопросовъ.

— Нѣсколько дней,—отвѣчала настоятельница,—что я запретила ей выходить изъ кельи, ибо присутствіе ея возбуждаетъ волненіе—и за трапезой, и въ часы святой мессы. Но тотчасъ я пошлю за ней и прикажу привести ее.

Мать Марта сказала вполголоса нѣсколько словъ своей келейницѣ, и та, поклонившись, вышла, а я, при мысли, что сейчасъ увижу Ренату, едва могъ стоять на ногахъ и принужденъ былъ опереться на стѣну, какъ человѣкъ совсѣмъ пьяный. А, между тѣмъ, какъ послушница ходила за сестрой Маріей, настоятельница сказала графу слѣдующее:

— Высокочтимый графъ! Я, что бы ни было, но должна сказать вамъ, что, съ своей стороны, обвинить бѣдную Марію не могу ни въ чемъ. Не знаю, вѣрно ли, что сопровождаетъ ее ангелъ Божій, но убѣждена, что по волѣ своей не вступала она ни въ какой союзъ съ демономъ. Вижу, что она очень несчастна, и сегодня жалѣю ее столь же, какъ въ день, когда она, неимущая и голодная, пришла просить у меня пріюта.

За эти благородныя слова готовъ я былъ пасть на колѣни передъ почтенной женщиной, но тутъ отворилась дверь и вслѣдъ за келейницей, тихой поступью, съ глазами опущенными, въ одеждѣ монахини, съ покрытой головой, вошла—Рената и, сдѣлавъ низкій поклонъ, остановилась передъ нами. Я не могъ не узнать ее, хотя бы и въ несвойственномъ ей сѣромъ одѣяніи клариссинки, не могъ не узнать ея лица, любимаго всѣми силами моего сердца, знакомаго, какъ самый дорогой въ жизни образъ,—хотя и поблѣднѣвшаго, изможденнаго страданіями послѣднихъ недѣль. Рената была все та же, какой я зналъ ее, то изступленно-страстной, то въ послѣднемъ безсиліи отчаянья, то въ необузданномъ гнѣвѣ, то спокойно разсудительной среди книгъ, то милой, доброй, ласковой, нѣжной, кроткой, какъ дитя, съ дѣтскими глазами и съ дѣтскими чуть-чуть полными губами,—и я, въ тотъ мигъ, потерявъ послѣднее обладаніе собой, невольно воскликнулъ, обращаясь къ ней:

— Рената!

Всѣ, бывшіе въ комнатѣ, невольно обернулись ко мнѣ, ибо до той минуты я не вымолвилъ ни слова, а Рената, не сдѣлавъ ни движенія, только подняла на меня свои ясные глаза, одно мгновеніе смотрѣла мнѣ прямо въ лицо и потомъ произнесла тихо и раздѣльно:

— Отойди отъ меня, Сатана!

Графъ, изумленный, спросилъ меня:

— Развѣ ты, Рупрехтъ, знаешь эту дѣвушку?

Но я уже побороль свое волненіе, понявъ, что вся надежда для меня заключается въ соблюденіи тайны, и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, милостивый графъ, я вижу теперь, что ошибся: этой я не знаю.

Тогда графъ самъ обратился съ вопросомъ къ сестрѣ Маріи:

— Скажите мнѣ, милая дѣвушка: знаете вы, въ чемъ васъ обвиняютъ?

Своимъ обычнымъ, очень пѣвучимъ, голосомъ, въ которомъ теперь было, однако, необычное смиреніе, Рената отвѣчала:

— Господинъ! Я пришла сюда искать мира, потому что измучилась слишкомъ, и не обращалась ни къ кому съ мольбой, кромѣ какъ къ Всевышнему Богу. Если враги мои ищутъ погубить меня, можетъ быть, у меня и не достанетъ силъ съ ними бороться.

Подумавъ, графъ спросилъ еще:

— Видали ли вы сами когда-либо демоновъ?

Рената отвѣчала съ гордостью:

— Я всегда отъ нихъ отворачивалась!

Тогда графъ задалъ свой третій вопросъ:

— А вы вѣрите въ существованіе злыхъ духовъ.

Рената возразила:

— Я вѣрю не въ злыхъ духовъ, но въ слово Божіе, которое объ нихъ свидѣтельствуетъ.

Графъ улыбнулся и сказалъ, что больше ему спрашивать пока не объ чемъ, и Рената, снова низко поклонившись, покинула келью, не взглянувъ на меня вторично, а я остался, потрясенный этой встрѣчей, болѣе, чѣмъ самымъ страшнымъ видѣніемъ. Не помню я, о чемъ послѣ того говорили между собой

графъ и мать Марта, но, впрочемъ, разговоръ ихъ вскорѣ прервался, ибо прибѣжала сестра-ключница, говоря, что его высокопреподобіе приказываетъ немедленно всѣмъ сестрамъ и всѣмъ пріѣхавшимъ съ нимъ собраться въ церкви. Настоятельница, конечно, торопливо встала, отдавая приказанія, а графъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Пойдемъ и мы, Рупрехтъ. Да почему же ты такъ блѣденъ?

Послѣднее замѣчаніе показало мнѣ, что я не сумѣлъ утаить своего смущенія, и потому сдѣлалъ всѣ усилія, чтобы сохранить спокойный видъ, сжимая зубы до боли и напрягая всю свою волю.

Когда выходили мы изъ домика, гдѣ жила настоятельница, идя сзади графа, братъ-инквизиторъ спросилъ меня:

— Что вы теперь думаете о сестрѣ Маріи: не были ли слова мои, вамъ сказанныя утромъ, истиною?

Я возразилъ:

— Думаю, что тутъ нужно еще подробное изслѣдованіе, ибо многія стороны дѣла для меня темны.

Братъ-инквизиторъ радостно подхватилъ мою мысль и сталъ распространять ее такъ:

— Вы, конечно, правы, и мы оба съ вами видимъ, что истиннаго слѣдствія произведено еще не было. Прежде всего должно установить, что здѣсь имѣетъ мѣсто (ибо вліяніе Дьявола сомнѣнію уже не подлежитъ): одержаніе или овладѣніе, possessio sive obsessio. Въ первомъ случаѣ эти обсерватинки и, особенно, эта сестра Марія, грѣшны союзомъ съ демонами, коихъ допустили онѣ въ самое свое тѣло; во второмъ виноваты онѣ лишь слабостью духа, что позволили бѣсамъ извнѣ управлять собою. Много существуетъ средствъ къ открытію этого, какъ, напримѣръ: у одержимыхъ не идетъ кровь, если порѣзать тѣло ножемъ, благословивъ его; онѣ могутъ держать красный уголь въ рукѣ, не обжигаясь; также не тонуть въ водѣ, если туда бросить ихъ связанными, и тому подобное. Затѣмъ, необходимо выяснить, причиняли ли виновныя ущербъ лишь своей душѣ, или также и окружающимъ: изводили ли онѣ наговорами скотъ и людей, дѣлали ли женщинъ безплодными, напускали ли дожди

и туманы, подымали ли бури, выкапывали ли трупы младенцевъ и подобное. Наконецъ, надлежитъ установить точно, какіе именно демоны проявили здѣсь свою богомерзкую дѣятельность, ихъ имена, ихъ любимѣйшіе внѣшніе образы и тѣ заклятія, коимъ они подчиняются,—дабы впослѣдствіи легче было противостоять ихъ губительному вліянію.

Такъ бесѣдуя, дошли мы до дверей храма, гдѣ уже толпилось не мало народа, ибо собрались не только всѣ пріѣхавшіе съ Архіепископомъ, но и многіе изъ окрестныхъ жителей, а, конечно, было бы любопытныхъ, желающихъ видѣть своего князя и его борьбу съ демонами, и гораздо больше, но, по его собственному приказанію, простыхъ крестьянъ въ монастырь не пропускали и они толпились за воротами. Для насъ, которые шли съ графомъ, проходъ въ церковь былъ, разумѣется, свободенъ, и тотчасъ оказались мы подъ крестовыми сводами стариннаго храма, темнаго, угрюмаго, гулкаго, но не лишеннаго своего величія, и я сталъ всматриваться въ ряды сѣрыхъ монашенокъ, жавшихся, какъ испуганная стая голубей, columbae ceu, какъ говоритъ Вергилій Маронъ, всѣ въ одной сторонѣ; но Рената среди нихъ не было. Графъ, а близъ него и я съ братомъ Ѳомою, заняли мѣста на первой скамьѣ, и на нѣсколько минутъ, пока длилось общее молчаливое и томительное ожиданіе, углубился я въ горестныя воспоминанія о тѣхъ дняхъ, когда въ другихъ церквахъ, таясь за колоннами, такъ же выискивалъ я глазами Ренату. Я зналъ, что сейчасъ она войдетъ сюда, что я вновь увижу ее, и отъ этого сознанія мое сердце въ груди колотилось, какъ сердце робкой ящерицы, которую схватила грубая рука человѣка.

Скрипъ двери заставилъ меня поднять глаза, и я увидѣлъ, какъ изъ сакристіи, съ двумя своими келейницами, вышла сначала мать Марта, за ней, потупивъ глаза, но поступью твердой—Рената, а сейчасъ же послѣ нихъ, едва прошли онѣ къ другимъ сестрамъ,—князь-Архіепископъ, въ сопровожденіи двухъ прелатовъ и монастырскаго священника. Архіепископъ былъ въ торжественномъ облаченіи, шитомъ золотомъ, съ эпитрахилью на плечахъ, съ богатымъ епископскимъ посохомъ въ рукѣ, въ инфулѣ, еще болѣе роскошной, нежели на вечерѣ въ замкѣ, по

рубцамъ унизанной драгоцѣнными каменьями, сверкающими при свѣтѣ зажженныхъ, не смотря на полдень, восковыхъ свѣчъ, и всѣ, при его входѣ, пали на колѣни. Архіепископъ съ прелатами прошелъ прямо къ алтарю, гдѣ, также ставъ на колѣни, прочелъ молитву «Omnipotens sempiterne Deus» и, когда кончилъ, вся церковь въ одинъ голосъ отвѣтила: «Amen», въ томъ числѣ и Рената, которая, одиноко отъ другихъ, впереди скамеекъ, стояла на колѣняхъ, на виду у всѣхъ. Потомъ, вставъ и обратившись къ намъ, Архіепископъ голосомъ громкимъ и четкимъ возвалъ: «Te invocamus, te adoramus» и далѣе, и мы всѣ отвѣчали ему тѣмъ же. Наконецъ, благословивъ воду, онъ этой освященной водой брызнулъ на всѣ четыре страны свѣта, и, сѣвъ на архіепископское кресло, приказалъ Ренатѣ приблизиться.

Взоры мои были связаны съ образомъ Ренаты такъ прочно, что, думаю я, никакая сила въ ту минуту не могла бы повернуть мою голову въ другую сторону, и я видѣлъ каждое малѣйшее колебаніе одежды Ренаты, когда, медленно поднявшись, она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, и вновь, передъ самымъ кресломъ Архіепископа, опустилась на-земь. Архіепископъ сдѣлалъ знакъ креста на ея челѣ, возложилъ благословляюще руки на ея голову, и произнесъ новую молитву «Benedicat te omnipotens Deus, Pater et Filius et Spiritus Sanctus», которую выслушала Рената въ тихой покорности и на которую всѣ мы вновь отвѣчали «Amen». У меня же, пока длились всѣ эти обряды, такъ какъ видѣлъ я, что во всемъ Рената проявляла себя вѣрной дочерью святой церкви и что не было никакихъ слѣдовъ присутствія злой силы,—возникла радостная надежда, что все можетъ обойтись благополучно, словно первая полоска яснѣющей зари, проглянувшая во тьмѣ моей души.

Послѣ второй молитвы Архіепископъ опять всталъ и обратился къ намъ всѣмъ съ такой рѣчью:

— Возлюбленные братья и сестры! Достаточно вѣдомо, что духъ Тьмы принимаетъ часто обликъ ангела Свѣта, чтобы тѣмъ вѣрнѣе соблазнить и погубить слабыя души. Но на то и данъ намъ духовный мечъ, чтобы отсѣчь въ такомъ случаѣ ему постыдную морду, и мы призываемъ васъ не страшиться болѣе.

Ты же, любезная дочь наша, отвѣть намъ: какое имѣешь ты свидѣтельство, что видѣнія твои отъ Господа, а не отъ Дьявола?

Тутъ вновь услышалъ я голосъ Ренаты, тихій, сдержанный, но ясный, и она сказала:

— Высокочтимый отецъ! Я не знаю, отъ кого мои видѣнія, но тотъ, кто является мнѣ, говоритъ мнѣ о Богѣ и о Добрѣ, призываетъ меня къ жизни непорочной и клянетъ мои прегрѣшенія,—какъ же я ему не повѣрю?

Но едва только Рената кончила эти слова, какъ вдругъ, кругомъ нея, въ полъ, словно бы изнизу, раздались быстрые и порывистые удары, тѣ самые, о которыхъ говорила она, что это стучатъ «маленькіе». Въ тотъ же мигъ въ церкви произошло великое смятеніе: среди сестеръ послышались вскрики, всѣ зашевелились, и я самъ не могъ преодолѣть внезапнаго ужаса, потрясшаго меня, а Архіепископъ, гнѣвно и мощно ударивъ посохомъ, воскликнулъ:

— Чьи это козни? Отвѣчай!

Мнѣ лица Ренаты не было видно, но по дрожи ея голоса я понялъ, что она—въ величайшемъ волненіи, и голосомъ очень тихимъ она произнесла:

— Отецъ! Это—враги мои.

Архіепископъ, не теряя обладанія собой, началъ заклинаніе, говоря сначала на нашемъ языкѣ:

— Выступи впередъ, темный духъ, ежели обрѣлъ ты себѣ пристанище въ этомъ святомъ мѣстѣ! Ты—отецъ лжи, и разрушитель истины, и выдумщикъ неправоты; узнай же, какой приговоръ произнесетъ нынѣ наша простота твоимъ исхищреніямъ! Развѣ же ты, осужденный духъ, не подчинишься волѣ нашего Создателя? Ты впалъ въ смертный грѣхъ и низверженъ былъ со святой горы въ темныя пропасти и въ бездны преисподней. Нынѣ же, гнусное созданіе, кто бы ты ни былъ, къ какой бы адской іерархіи ни принадлежалъ, но если, по попущенію Божію, ты обманомъ вторгся въ довѣріе сихъ благочестивыхъ женщинъ, мы называемъ Отца Всемогущаго, мы умоляемъ Сына Искупителя, мы призываемъ благословеннаго Духа Святого противъ тебя! О, древній змій! тебя анаѳемствуемъ, тебя изгоняемъ, тебя про-

клинаемъ, отъ твоихъ дѣяній отрицаемся, это мѣсто тебѣ воспрещаемъ, да бѣжишь, устыженный, униженный, изгнанный, въ мѣста странныя и безводныя, въ пустыни ужасныя, людямъ недоступныя, и тамъ, прячась и грызя узду своей гордости, да ожидаешь ты страшнаго дня послѣдняго Суда! Не насмѣешься ты надъ служительницами Іисуса Христа, не обманешь никого изъ нихъ, бѣги поспѣшно, уходи скоро, оставь ихъ покланяться Богу въ мирѣ!

Но пока Архіепископъ произносилъ эти проклинанія и заклинанія, стуки не только не прекращались, но все возрастали, и начали раздаваться уже не только въ полу, но въ скамьяхъ, въ стѣнахъ церкви и даже доносились съ ея высокихъ крестовыхъ сводовъ, причемъ сила ихъ увеличивалась и уже казалось, что ударяютъ со всего размаха могучимъ молотомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и смятеніе въ церкви, ибо многіе изъ зрителей въ страхѣ искали выхода, а среди сестеръ поднялся крайній переполохъ: однѣ изъ нихъ трепетно прижались другъ къ другу, какъ овцы при появленіи волка, другія же, не выдержавъ, кричали Ренатѣ проклятія и укоры. А сама Рената оставалась неподвижной, какъ статуя, вырѣзанная изъ дерева, не подымаясь съ колѣнъ, но и не наклоняя голову, словно бы все, происходившее вокругъ, ея не касалось.

Наконецъ, изъ рядовъ сестеръ, одна монахиня, юная и красивая, сколько могъ я разглядѣть, вдругъ вырвалась впередъ, выбѣжала на середину церкви, дѣлая странныя движенія и что-то крича непонятное, а потомъ повергласъ на полъ, и начала биться въ томъ припадкѣ одержанія, какіе случалось мнѣ наблюдать у Ренаты. Тутъ, въ страхѣ и смущеніи, всѣ повскакали со своихъ мѣстъ, и я тоже устремился къ упавшей дѣвушкѣ, и видѣлъ, какъ она страшно вытягивалась, причемъ животъ ея выпучивался подъ одеждой, словно бы она вдругъ становилась беременной. Но Архіепископъ, властнымъ голосомъ, приказалъ всѣмъ оставаться неподвижными. Потомъ, приблизившись къ несчастной, онъ велѣлъ прелатамъ крѣпко связать ее святыми эпитрахилями, чтобы она не могла биться, и, брызнувъ въ лицо ей святой водою, спросилъ громко, обращаясь къ ней:

— Здѣсь ли ты, проклятый сѣятель смуты?

И связанная сестра отвѣчала, причемъ устами ея говорилъ вошедшій въ нее демонъ, такъ:

— «Я здѣсь!»

Этимъ отвѣтомъ мы были поражены больше, чѣмъ всѣмъ предшествовавшимъ, а Архіепископъ спросилъ снова:

— Заклинаю тебя именемъ Бога живаго, отвѣчай: ты злой духъ?

Сестра отвѣчала: «Да!»

Архіепископъ спросилъ:

— Ты тотъ, который соблазнилъ сестру Марію подъ обликомъ ангельскимъ?

Сестра отвѣчала: «Нѣтъ, ибо насъ здѣсь много».

Архіепископъ спросилъ:

— Отвѣчай, съ какой цѣлью измыслили вы сей обманъ и ложными ликами обольстили служительницъ Бога?

Отвѣта не послѣдовало, и Архіепископъ спросилъ снова:

— Имѣли ли вы постыдное намѣреніе погубить вѣчное блаженство сихъ благочестивыхъ сестеръ, и все общежитіе отъ святости обратить въ нечестіе?

Сестра отвѣчала: «Да!»

Архіепископъ спросилъ:

— Отвѣчай: имѣли ли вы сообщницъ среди сестеръ этой обители?

Сестра отвѣчала: «Да!»

При этомъ отвѣтѣ всѣ, толпившіеся вкругъ, содрогнулись, а Архіепископъ спросилъ:

— Кто же былъ такой сообщницей? Не та ли, въ тѣлѣ которой ты сейчасъ обрѣтаешься?

Сестра отвѣчала: «Нѣтъ!»

Архіепископъ спросилъ:

— Тогда не сестра ли, именующая себя Марія?

Сестра отвѣтила: «Да!»

Я понялъ въ эту минуту, что то былъ произнесенъ смертный приговоръ Ренатѣ, а Архіепископъ, вновь брызнувъ святой водой на поверженную и связанную сестру, началъ заклинать одержащаго ея демона, чтобы онъ вышелъ изъ ея тѣла.

— Духъ лукавый и порочный,—говорилъ Архіепископъ,— приказываю тебѣ—покинь это тѣло, которое неправо избралъ ты своимъ мѣстопребываніемъ, ибо оно есть храмъ Духа Святаго. Изыди, змѣя, поборникъ хитрости и мятежа! изыди, хищный волкъ, полный всяческой скверны! изыди, козелъ, стражъ свиней и вшей! изыди, ядовитый скорпіонъ, проклятая ящерица, драконъ, рогатая гадина! Повелѣваю тебѣ именемъ Іисуса Христа, вѣдающаго всѣ тайны, иди вонъ!

При этомъ послѣднемъ заклинаніи связанная сестра стала особенно сильно биться и стонала уже отъ своего лица:

— Онъ идетъ! онъ идетъ! Онъ въ моей груди! Онъ въ моей рукѣ! Онъ у меня въ пальцахъ!

По мѣрѣ того, какъ она говорила, вздутіе ея живота переходило сначала на грудь, потомъ на плечо, потомъ она приподняла вверхъ связанныя руки и, наконецъ, осталась неподвижной, какъ больной, обезсиленный страшнымъ приступомъ болѣзни. Братъ Ѳома говорилъ послѣ, что онъ, и нѣкоторые другіе съ нимъ, видѣли демона, вылетѣвшаго изъ пальцевъ несчастной, въ видѣ маленькаго человѣчка, безформеннаго и безобразнаго, который и унесся на дымномъ облакѣ въ церковную дверь, оставивъ по себѣ зловоніе, но я, хотя наблюдалъ все происходившее пристально, не видѣлъ такого видѣнія и такого запаха не замѣтилъ. Когда же бѣсновавшаяся сестра утихла и стало явно, что одержавшій демонъ ее покинулъ, Архіепископъ приказалъ ее унести, ибо она итти не могла, а самъ направился вновь къ Ренатѣ, и мы всѣ вслѣдъ за нимъ.

Рената, во все время заклинанія бѣсновавшейся сестры, оставалась въ сторонѣ отъ насъ, стоя попрежнему на колѣняхъ и не дѣлая даже попытки обернуть къ намъ лицо. Нѣсколько разъ влекло меня подойти къ ней и заговорить съ ней, но останавливала мысль, что этимъ я выдамъ свою близость къ ней, тогда какъ помочь ей и, можетъ быть, спасти ее могъ я только въ томъ случаѣ, если меня будутъ считать ей чужимъ и даже враждебнымъ. Поэтому, преодолѣвая страстное влеченіе, я оставался вдали отъ нея, вмѣстѣ со всѣми, и, тоже вмѣстѣ со всѣми, приблизился къ ней лишь тогда, когда вновь къ ней подошелъ

Архіепископъ. На этотъ разъ я постарался стать такъ, чтобы я могъ видѣть лицо Ренаты и чтобы она меня видѣла, но выраженіе ея лица, столь мною изученнаго, не предвѣщало мнѣ ничего добраго, ибо тотчасъ замѣтилъ я, что выраженіе кротости смѣнилось на немъ выраженіемъ суровости и упорства, — и новый томящій страхъ ущемилъ мнѣ сердце. Долженъ я прибавить къ этому, что таинственные стуки, хотя нѣсколько притихли на время бесѣды Архіепископа съ демономъ, однако, не смолкали совершенно, и порою все еще раздавались то въ стѣнахъ, то въ полу, то подъ сводами.

Вернувшись къ алтарю, Архіепископъ приказалъ, въ знакъ печали, погасить восковыя свѣчи, потомъ, обратившись къ Ренатѣ, ударилъ сурово посохомъ по каменной плитѣ, и воззвалъ:

— Сестра Марія! Одинъ изъ враговъ нашихъ, коего, съ помощью Господней и данной намъ свыше властью, понудили мы покинуть тѣло одной изъ сестеръ твоихъ, сообщилъ намъ, что ты находишься въ грѣховномъ пактѣ съ дьявольскими силами. Кайся передъ нами въ богоотступничествѣ своемъ.

Рената подняла голову и отвѣтила твердо:

— Неповинна я въ грѣхѣ, который ты назвалъ.

Чуть она это сказала, вдругъ раздались такіе потрясающіе удары кругомъ, словно бы всѣ стѣны храма разсѣдались и рушились, или словно бы пушки своими ядрами и стѣнобитныя орудія своими таранами громили насъ со всѣхъ сторонъ. Въ гулѣ и грохотѣ ударовъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, минуту ничего нельзя было слышать, и всѣ присутствующіе пали ницъ вокругъ Архіепископа, простирая къ нему руки, какъ къ единственному человѣку, способному спасти ихъ. Онъ же, все-таки не утративъ силу духа, устремилъ впередъ посохъ, какъ магическій жезлъ, и, обращаясь уже не къ Ренатѣ, но къ демону, котораго полагалъ вселившимся въ нее, воскликнулъ повелительно:

— Злой духъ! Тѣмъ, кто приведенъ былъ предъ Каіафу, первосвященника іудейскаго, былъ спрашиваемъ и давалъ отвѣтъ, заклинаю тебя, отвѣчай мнѣ: ты ли—противникъ Божій и слуга Антихристовъ?

Тогда Рената вдругъ встала съ колѣнъ и, смотря прямо на Архіепископа, отвѣчала, отъ чьего имени, не знаю:

— Святымъ и таинственнымъ именемъ Бога, Адонаи, клянусь и свидѣтельствую: я—служитель Всевышняго, предстоящій у трона Его!

И снова отвѣтъ ея сопровождался страшнымъ грохотомъ, но въ то же время нѣсколько сестеръ, вырвавшись изъ рядовъ, бросились къ Ренатѣ, приникли, ставъ на колѣни, къ ея ногамъ, и восклицали въ безуміи:

— И мы! и мы! свидѣтельствуемъ! Сестра Марія — святая! Ecce ancilla Domini! Ora pro nobis!

Въ крайней ярости Архіепископъ, весь красный отъ напряженія, съ лицомъ, по которому струился потъ, воззвалъ:

— Прочь, коварный духъ! Vade retro! Дѣти, опомнитесь!

Но дѣвушки продолжали вопить, обнимая колѣни Ренаты, которая стояла, со взорами, устремленными въ высь; страшные стуки продолжались кругомъ и волненіе всѣхъ достигло такого напряженія, что никто уже не могъ владѣть собой, но всѣ кричали, плакали или хохотали изступленно. Я видѣлъ, что самъ Архіепископъ, наконецъ, потрясенъ, но, еще разъ возвысивъ голосъ, началъ онъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ экзорцизмовъ въ такихъ выраженіяхъ:

— Per Christum Dominum, per eum, qui venturus est iudicare vivos et mortuos, obtemperare! Spiriti maligni, damnati, interdicti, exterminati, extorsi, jam vobis impero et praecipio, in nomine et virtute Dei Omnipotentis et Iusti! In ictu oculi discedite omnes qui operamini iniquitatem!

Однако, онъ былъ еще далекъ отъ конца, когда сначала одна сестра, потомъ другая, съ хохотомъ и рыданіемъ, поверглись на полъ, такъ какъ ими овладѣли сторожившіе тутъ духи, и тотчасъ многія другія тоже не могли устоять отъ приступа на ихъ тѣла злыхъ силъ. Несчастныя дѣвушки, одна за другой, вдругъ со стономъ падали и страшно бились о каменныя плиты пола, выкрикивая или богохуленія, называя самого Архіепископа служителемъ Дьявола, или рѣчи нечистивыя, величая сестру Марію невѣстою ангела небеснаго. Крики, стоны, хохотъ, богохульства,

жалобы, проклятія—все смѣшивалось съ таинственными стуками незримыхъ рукъ и со смятеніемъ другихъ зрителей, которые, потрясенные ужасомъ, шатаясь, какъ пьяные, старались бѣжать къ выходу, и не было въ этой толпѣ ни одного человѣка, который удержалъ бы обладаніе собой: такъ велика была сила демоновъ, безспорно, заполонившихъ весь храмъ. Я тоже почувствовалъ, что голова моя кружится, что горло мое сжато, что въ глазахъ у меня потемнѣло, и мнѣ тоже хотѣлось кинуться къ Ренатѣ, стать передъ ней на колѣни, обнять ея ноги и кричать въ лицо Архіепископу, что она—святая, и, можетъ быть, продлись такое положеніе еще минуту, я бы это исполнилъ.

Два было человѣка, которые въ этомъ изступленіи сохраняли нѣкоторое спокойствіе: Архіепископъ, все еще повторявшій, хотя и дрогнувшимъ голосомъ, слова экзорцизмовъ, уже неслышныя въ общемъ шумѣ, и Рената; обнимая руками своихъ вѣрныхъ приверженецъ, среди криковъ и стоновъ, среди славословій и проклятій, стояла она прямо противъ Архіепископа, устремивъ глаза въ высь, и неподвижность лица ея казалась крѣпостью гранитной скалы среди ярости взбушевавшихся волнъ, — но въ тотъ самый мигъ, когда я, забывъ всѣ свои расчеты, уже готовъ былъ также кинуться къ ней, вдругъ въ ея глазахъ произошла разительная перемѣна. Я увидѣлъ, что черты ея дрогнули, что губы ея искривились сначала чуть замѣтно, потомъ мгновенная судорога свела ея лицо, во взорахъ ея вдругъ отразился несказанный ужасъ,—и въ одинъ и тотъ же мигъ, и я понялъ, что произошло съ ней, и она воскликнула отчаяннымъ голосомъ:

— Боже мой! Боже мой! Почто Ты меня оставилъ!

Вслѣдъ затѣмъ и она въ припадкѣ одержанія рухнула въ груду приникавшихъ къ ней сестеръ, которыя, словно подчиняясь приказанію, тотчасъ же всѣ начали также метаться, и биться, и кричать. Тогда послѣдній порядокъ нарушился въ этомъ собраніи, и кругомъ, куда бы ни кинуть взоръ, видны были только женщины, одержимыя демонами, и онѣ то бѣгали по церкви, изступленно, кривляясь, ударяя себя въ грудь, размахивая руками, проповѣдуя; то катались по землѣ, въ одиночку или попарно,

изгибаясь въ корчахъ, сжимая другъ друга въ объятіяхъ, цѣлуя одна другую, въ ярости страсти, или кусаясь, какъ звѣри; то, сидя на одномъ мѣстѣ, дико искривляли лица гримасами, выкатывали и закатывали глаза, высовывая языки, хохотали и смолкали неожиданно, и вдругъ опрокидывались навзничь, ударяясь черепомъ о камень; однѣ изъ нихъ вопили, другія смѣялись, третьи проклинали, четвертыя богохульствовали, пятыя пѣли: еще однѣ свистѣли по-змѣиному, или лаяли по-собачьи, или хрюкали, какъ свиньи;—и это былъ адъ, болѣе страшный, чѣмъ тотъ, который явленъ былъ взорамъ Данте Алигьери.

Въ это самое время увидѣлъ я между собой и Архіепископомъ, стоявшимъ въ оцѣпенѣніи, вдругъ вынырнувшую, словно изъ подъпола, фигуру доминиканца брата Ѳомы, который и воскликнулъ, голосомъ рѣзкимъ и властительнымъ, ему несвойственнымъ:

— Женщины эти повинны въ крайней ереси и явныхъ плотскихъ сношеніяхъ съ Дьяволомъ! Отъ имени его святѣйшества заявляю, что подлежатъ онѣ суду святой Инквизиціи.

Я слышалъ, какъ стукнулъ объ полъ посохъ, который выпалъ изъ рукъ Архіепископа, пораженнаго этими простыми словами, въ хаосѣ совершающагося, болѣе, чѣмъ трубнымъ звукомъ съ неба,—но отвѣта на рѣчь брата Ѳомы я уже не слышалъ. Какъ зигзагная молнія, прорѣзала мнѣ голову мысль, что это—послѣдняя минута, чтобы спасти Ренату, и что, можетъ быть, еще доступно мнѣ вырвать ее отсюда, унести, хотя бы противъ ея воли, какъ уносятъ умалишенныхъ изъ пылающаго дома. Не думая о послѣдствіяхъ, о способахъ выйти изъ монастыря, охраняемаго стражей, кинулся я къ Ренатѣ, содрогавшейся на полу и еще оплетенной руками своихъ подругъ, и уже коснулся ея такъ любимаго, такъ мнѣ дорогого тѣла, когда увидѣлъ я, что братъ Ѳома осторожно отстраняетъ меня и что около уже хлопочутъ нѣсколько стрѣлковъ, въ церкви не присутствовавшихъ, а приведенныхъ теперь, конечно, инквизиторомъ и сохранившихъ все спокойствіе воиновъ.

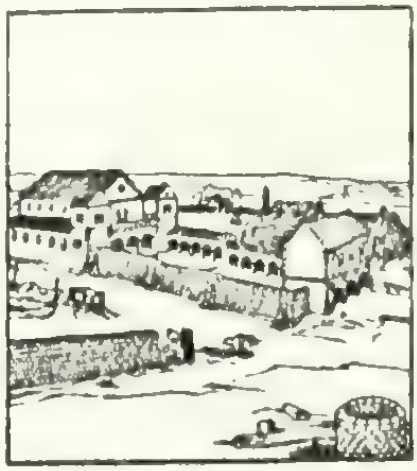
Братъ Ѳома сказалъ мнѣ:

— Святая ревность обольщаетъ васъ, братъ Рупрехтъ! Успокойтесь. Эти люди исполнятъ все, какъ должно.

Я видѣлъ, какъ стрѣлки Архіепископа безстрастно связывали руки безчувственной Ренатѣ и подымали, чтобы нести ее куда-то. Еще не помнящій себя я, не слушая словъ инквизитора, снова бросился впередъ и готовъ былъ вступить въ рукопашную схватку съ этими людьми, чтобы вырвать у нихъ драгоцѣнную ношу. Но тутъ почувствовалъ я, что кто-то взялъ меня за руку, и то былъ графъ Адальбертъ, который сказалъ мнѣ строго:

— Рупрехтъ, ты теряешь разсудокъ!

Властно и почти насильно повелъ онъ меня прочь, черезъ всю церковь, къ выходнымъ дверямъ; я повиновался ему, безвольно, какъ ребенокъ старшему, и мы вдругъ вышли на свѣжій воздухъ и на свѣтъ солнца, а за нами еще слышались и вопли, и стоны, и визгъ, и хохотъ несчастныхъ, одержимыхъ демонами.



ГЛАВА XV.

Какъ Ренату судили подъ предсѣдательствомъ Архіепископа.

Продолжая держать меня за руку, графъ провелъ меня черезъ весь монастырскій дворъ, вывелъ въ ворота, и мы, перейдя небольшой лужокъ съ нѣсколькими посѣдѣлыми ветлами, рядомъ сѣли, словно по уговору, на склонѣ обрыва, надо рвомъ, которымъ были обведены стѣны монастыря. Здѣсь графъ сказалъ мнѣ:

— Рупрехтъ! Волненіе твое необычно. Клянусь Гиперіономъ, ты въ этомъ дѣлѣ затронутъ болѣе всѣхъ насъ! Объясни мнѣ все, какъ товарищу.

У меня въ тотъ часъ, воистину, во всемъ мірѣ не было другого товарища, а опасенія и надежды, тѣснившіяся въ душѣ, искали выхода, подобно птицамъ, запертымъ въ тѣсной клѣткѣ, и я, какъ тонущій, который хватается за послѣднюю опору,— разсказалъ графу все: какъ встрѣтилъ Ренату, какъ мы прожили съ ней зиму, словно мужъ и жена, при чемъ только причудливость ея характера помѣшала намъ закрѣпить этотъ союзъ передъ алтаремъ, какъ Рената внезапно меня покинула и какъ я узналъ ее теперь въ сестрѣ Мари; умолчалъ я только объ истинныхъ причинахъ побѣга Ренаты, объяснивъ его ея сокрушеніемъ о грѣхахъ и желаніемъ покаянія, — а закончилъ свое повѣствованіе просьбой, обращенной къ графу, помочь мнѣ въ моемъ страшномъ положеніи.

— Послѣднія недѣли, — говорилъ я, — какъ вы сами, милостивый графъ, могли замѣтить, я какъ-то примирился или, луч-

ше сказать, свыкся съ мыслью, что разлучился съ Ренатою навсегда. Но, едва я увидѣлъ вновь ея лицо, какъ вся любовь въ моей душѣ ожила, какъ Фениксъ, и я опять понимаю, что эта женщина мнѣ дороже собственной жизни. Между тѣмъ, безжалостная судьба, вернувъ мнѣ Ренату, въ то же время бросаетъ ее въ руки Инквизиціи, и всѣ улики этого дѣла говорятъ мнѣ, что я такъ чудесно обрѣлъ потерянную лишь затѣмъ, чтобы потерять ее окончательно! Что могу я предпринять для спасенія своей возлюбленной,—я, одинъ, противъ власти инквизитора, противъ воли Архіепископа, и противъ силы его стрѣлковъ и стражи? Если въ васъ, графъ, не найду я поддержки и защиты, если въ васъ нѣтъ ко мнѣ состраданія, не останется мнѣ ничего другого, какъ разбить себѣ голову о стѣну той тюрьмы, гдѣ заключена Рената!

Приблизительно такъ говорилъ я графу, и онъ слушалъ меня съ большой чуткостью, и отдѣльными вопросами, которые задавалъ мнѣ, показывалъ, что старается вникнуть въ мою исторію. Когда же я кончилъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Дорогой Рупрехтъ! Твоя судьба трогаетъ меня живо, и я даю мое рыцарское слово, что окажу тебѣ всякое содѣйствіе, какое будетъ въ моихъ силахъ.

Послѣдовавшія событія доказали, что графъ своей рыцарской честью не шутилъ, ибо, пытаясь оказать мнѣ помощь противъ инквизитора, смѣло подвергъ онъ опасности свое высокое положеніе, но все же я вовсе не увѣренъ, что дѣйствовалъ онъ такъ по расположенію или участію ко мнѣ. Обдумывая теперь поведеніе графа, я полагаю, что руководило имъ, во-первыхъ, желаніе проявить себя истымъ гуманистомъ, защищая сестру Марію отъ изувѣрства инквизитора, ибо въ реальность одержанія онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить; во-вторыхъ,—давняя непріязнь къ Архіепископу, его ленному господину, намѣренія котораго пріятно ему было разрушить; въ третьихъ, наконецъ, юношеская любовь къ приключеніямъ и всякаго рода проказамъ, та самая, которая подсказала ему сложную и не дешевую шутку съ докторомъ Фаустомъ. Однако, само собой разумѣется, эти соображенія не мѣшаютъ мнѣ хранить къ графу живѣй-

шую признательность, и я думаю, что до смерти воспоминаніе объ немъ будетъ для меня какъ живительный вѣтерокъ въ знойной степи.

Съ часа того разговора графъ принялъ на себя руководство моими поступками, и началъ держать себя со мною, какъ старшій братъ съ младшимъ. Когда, послѣ нашего разговора, мы пошли обратно въ лагерь, я, дорогою, строилъ десятки плановъ, какъ намъ скорѣе выручить Ренату, причемъ всѣ эти планы сводились къ тому, что должно намъ узницу вырвать изъ темницы насиліемъ. Графъ благоразумно указывалъ мнѣ, что средства другой стороны гораздо значительнѣе нашихъ, что если даже всѣ люди графа будутъ повиноваться намъ безпрекословно, все же противъ окажется вся сила многочисленной стражи Архіепископа, его же власть, какъ князя, власть и вліяніе инквизитора и, вѣроятно, все населеніе мѣстности, относящееся враждебно къ колдуньямъ, такъ что предпочтительнѣе было для насъ дѣйствовать хитростью, приберегая шпаги для послѣдней крайности. Остатокъ разумнаго смысла не могъ не подтвердить мнѣ, что графъ въ этомъ спорѣ держался за стремя правоты, и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ уступить этимъ доводамъ, склонивъ подъ нихъ душу, какъ волъ голову подъ ярмо.

Приведя меня въ свою палатку, графъ велѣлъ мнѣ тамъ дожидаться его, и я остался нѣсколько часовъ въ вынужденномъ и тягостномъ для меня бездѣйствіи, отданный на добычу хищнымъ мыслямъ и безпощаднымъ мечтамъ. Большую часть этого времени провелъ я лежа ничкомъ на разостланной медвѣжьей шкурѣ, слушая біеніе своего сердца и не стараясь объединить въ строй тѣ образы, которые, одинъ за другимъ, возникали въ моемъ воображеніи, словно всадники на косогорѣ, и исчезали, проблестѣвъ минуту въ свѣтѣ солнца. То мнѣ представлялось, какъ Рената лежитъ на грязномъ и холодномъ полу въ темномъ подземельѣ, то—какъ палачи подвергаютъ ее истязаніямъ и хитрымъ мукамъ, то — какъ несутъ ея трупъ, чтобы зарыть за кладбищенской оградой, то, напротивъ,—какъ я вывожу ее изъ тюрьмы, скачу съ нею на конѣ по полю, ѣду съ ней за

Океанъ, начинаю новую жизнь въ Новомъ Свѣтѣ... Порой охватывалъ меня такой страхъ отъ моихъ видѣній, что я вскакивалъ на ноги, порывисто, готовъ былъ куда-то бѣжать, чтобы что-нибудь предпринять, но силою воли и доводами логики я опять приковывалъ себя къ своему ложу и заставлялъ себя вновь, какъ празднаго зрителя, смотрѣть на сцены, разыгрываемыя передо мною на подмосткахъ мечты.

Было уже далеко за полдень, когда ко мнѣ, уже почти изнемогшему отъ одиночества и неизвѣстности, вошелъ, наконецъ, графъ, но онъ не захотѣлъ отвѣчать мнѣ на мои страстные вопросы, не узналъ ли онъ чего новаго о судьбѣ сестры Марии, и полу-шутливо, полу-наставительно заявилъ, что раньше необходимо намъ пообѣдать, ибо съ утра мы не прикасались къ пищѣ. Тягостная была то трапеза, когда нашъ слуга изъ замка, Михель, подавалъ намъ незатѣйливыя блюда, изготовленныя на привалѣ, которыя мы могли запивать лучшимъ краснымъ арблейхертомъ изъ монастырскихъ погребовъ, и когда графъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ моего унынія, упорно вызывалъ меня на разговоръ о разныхъ древнихъ и современныхъ писателяхъ. Но, насилуя свою мысль, я все же невольно путалъ имена авторовъ и названія книгъ, чѣмъ возбуждалъ веселый смѣхъ графа, мнѣ казавшійся въ тотъ часъ какъ бы кощунственнымъ. Когда же, наконецъ, нашъ обѣдъ пришелъ къ концу, графъ, моя послѣ ѣды руки, сказалъ мнѣ:

— А теперь, Рупрехтъ, бери свою чернильницу и идемъ въ монастырь: сейчасъ начнется допросъ твоей Ренаты.

Я явно почувствовалъ, какъ щеки мои отъ этого сообщенія побѣлѣли, и въ силахъ былъ только повторить послѣднія слова:

— Допросъ Ренаты?

А графъ, внезапно ставъ совершенно серьезнымъ,—печальнымъ и участливымъ голосомъ разсказалъ мнѣ, что инквизиторъ и Архіепископъ рѣшили начать слѣдствіе безотлагательно, ибо дѣло представлялось важнымъ и сложнымъ; что самъ графъ будетъ присутствовать на этомъ судѣ по своему званію, а что меня предложилъ онъ, какъ писца, чтобы записывать вопросы судей и отвѣты обвиняемыхъ, ибо, по новому Импер-

скому Уложенію, всѣ суды должны быть непремѣнно письменные.

— Какъ!—вскричалъ я, выслушавъ такое объясненіе. — Ренату будутъ судить здѣсь же, въ монастырѣ, безъ представителей Императора, не давъ ей защитника, безъ соблюденія всѣхъ законныхъ формъ судопроизводства!

— Ты, кажется, воображаешь себя,—отвѣтилъ мнѣ графъ,—живущимъ въ счастливыя времена Юстиніана Великаго, а не во дни Іоганна фонъ Шварценберга! Я долженъ тебѣ напомнить, что, по мнѣнію нашихъ юристовъ, вѣдовство есть преступленіе совсѣмъ исключительное, crimen excepium, преслѣдуя которое нечего сообразоваться, строго и боязливо, съ закономъ. In his, говорятъ они, ordo est ordinem non servare. Они такъ боятся Дьявола, что въ борьбѣ съ нимъ полагаютъ правымъ всякое беззаконіе, и намъ съ тобой не оспорить такого обыкновенія!

Я, дѣйствительно, тотчасъ понялъ безполезность юридическаго спора, но все же сначала чудовищной показалась мнѣ мысль—принять участіе въ судѣ надъ Ренатою, сидя въ числѣ ея судей, и въ первую минуту я рѣшительно отъ того отказался. Понемногу, однако, частью подъ вліяніемъ доводовъ графа, частью самъ обдумавъ положеніе, я пришелъ къ выводу, что неразумно мнѣ уклоняться отъ присутствія на этомъ судѣ, ибо тамъ, въ послѣдней крайности, все же я могу ей прійти на помощь. И, давая, наконецъ, свое согласіе, я все же заявилъ твердо, что, если бы дѣло дошло до пытки, я не допущу такого надругательства надъ дорогимъ мнѣ тѣломъ, но, выхвативъ шпагу, смертью освобожу Ренату отъ страданій, а другимъ ударомъ — себя отъ возмездія за такое самоуправство. Позднѣе узналъ я, что не слѣдовало мнѣ этого рѣшенія высказывать вслухъ, но въ тотъ мигъ графъ не сталъ возражать мнѣ, но сказалъ только:

— Въ случаѣ крайнемъ ты поступишь, какъ найдешь нужнымъ, хотя мы постараемся до пытки дѣла не допустить. Но вообще помни, что затѣваемъ мы игру опасную, и что ты погубишь себя навѣрное, если выдашь чѣмъ-либо свое сочувствіе

и свою близость къ обвиняемой. Самое лучшее, не показывай ей своего лица, а если бы она сама захотѣла назвать тебя своимъ сообщникомъ, отрекись рѣшительно. Теперь идемъ, и да поможетъ намъ Гермесъ, богъ всѣхъ хитрецовъ.

Послѣ такого договора мы вторично направились въ монастырь.

У воротъ дожидался насъ, по приказу Архіепископа, монахъ, который, угрюмо и непочтительно замѣтивъ намъ, что мы опоздали, повелъ насъ къ восточной стѣнѣ храма, гдѣ, близъ двери въ сакристію, оказалась другая, низкая, вросшая въ землю дверь, ведущая въ церковныя подземелья. При свѣтѣ смоляного факела, оказавшагося у нашего проводника, мы темнымъ, скользкимъ проходомъ, съ затхлымъ воздухомъ, спустились на глубину болѣе, чѣмъ одного этажа, потомъ прошли два сводчатыхъ покоя, и, наконецъ, черезъ боковую арку, вступили въ подземную залу, освѣщенную скудно, такъ что все въ ней было въ полумракѣ. Въ томъ углу залы, гдѣ къ стѣнѣ прикрѣпленъ былъ длинный факелъ, стоялъ тяжелый дубовый столъ, можетъ быть, ровесникъ самому подземелью, и за этимъ столомъ на скамьѣ уже сидѣло двое, въ которыхъ скоро мы признали Архіепископа и инквизитора, тогда какъ въ нѣкоторомъ отдаленіи виднѣлись темныя фигуры и сверкало вооруженіе стражей. Когда же графъ, въ изысканныхъ выраженіяхъ, извинился въ томъ, что промедлилъ, и мы тоже заняли мѣста на ветхихъ, изъѣденныхъ вѣковой сыростью скамьяхъ, я различилъ въ другомъ углу неопредѣленный призракъ шеста съ перекладиной и веревкой, и, понявъ, что это—дыба, невольно нащупалъ эфесъ своей вѣрной шпаги. Замѣчу еще, что графъ помѣстился рядомъ съ другими судьями, а я предпочелъ сѣсть на самомъ концѣ стола, во-первыхъ, потому, что этого требовало мое почтительное отношеніе къ сану Архіепископа, а, во-вторыхъ, потому, что туда едва достигалъ свѣтъ факела и я, по справедливости, могъ расчитывать, что мое лицо останется въ тѣни и не будетъ узнано Ренатою.

Послѣ прихода графа и видя, что я досталъ свою походную чернильницу, вынулъ перо и разложилъ бумагу, Архіепископъ обратился къ инквизитору съ приглашеніемъ:

— Братъ Ѳома, приступите къ своему дѣлу.

Тутъ, однако, между Архіепископомъ и инквизиторомъ произошли любезныя пререканія, относительно того, кому изъ нихъ вести этотъ процессъ, ибо каждый предупредительно уступалъ почетъ другому. Архіепископъ ссылался на точный смыслъ папской буллы, по которой намѣстникъ Петра, своей апостольской властью, давалъ инквизиторамъ, отъ него непосредственно поставленнымъ, право творить судъ надъ лицами, обвиненными въ преступленіяхъ магіи, въ сношеніяхъ съ демонами, въ полетахъ на шабашъ и подобномъ, заключать ихъ въ тюрьму, подвергать пыткѣ и назначать имъ наказаніе. Но братъ Ѳома, лицемѣрно унижая себя, признавалъ за собой такое право лишь по порученію князя той области, гдѣ открытъ преступникъ, притомъ указывалъ, что вѣдовство есть преступленіе смѣшанное, crimen fori mixtum, подлежащее и суду духовному, какъ ересь, и свѣтскому, ибо наноситъ вредъ и ущербъ людямъ, такъ что умѣстнѣе всего вѣдать его именно Архіепископу, какъ соединяющему въ своемъ лицѣ обѣ власти. Вмѣшавшись въ это безплодное преніе, графъ порѣшилъ его, предложивъ Архіепископу предсѣдательствовать на предстоящемъ слѣдствіи, какъ сеньеру Трирскаго курфюршества, а инквизитору вести самый допросъ, какъ лицу, имѣющему на то прямое полномочіе Его Святѣйшества,—каковое постановленіе я и записалъ во главѣ своего скорбнаго отчета.

Тѣмъ, однако, подготовительныя разсужденія не были закончены, но братъ Ѳома, вытащивъ изъ своихъ глубокихъ кармановъ нѣкую бумагу и приблизивъ ее къ самому носу, такъ какъ было недостаточно свѣтло для чтенія, сообщилъ намъ слѣдующее:

— Возлюбленные братія! Слѣдуя указаніямъ доблестныхъ и ученыхъ мужей, вотъ какой Вызовъ будетъ мною прибитъ сегодня, ежели вы его одобрите, къ вратамъ сего монастыря: «Мы, имѣющіе на то разрѣшеніе и порученіе Его Святѣйшества, намѣстника Христова, Павла III, и съ дозволенія Его Высокопреподобія Архіепископа Трирскаго Іоанна, ордена Доминиканцевъ смиренный братъ инквизиторъ Ѳома, — одушевленные

живой любовью къ христіанскому народу и подстрекаемые жаждой поддержать его въ единствѣ и чистотѣ католической вѣры и охранить его ото всякой заразы еретическаго заблужденія, въ силу власти, коей мы облечены, убѣждаемъ и повелѣваемъ, во имя святого повиновенія Церкви, подъ страхомъ гибельнаго отъ Нея отлученія, чтобы, въ теченіе двѣнадцати дней, если кто знаетъ или слышалъ о комъ-либо, что тотъ еретикъ или предается волшебству, пользуется такой извѣстностью или въ томъ подозрѣваемъ, въ частности, что онъ употребляетъ различныя тайныя средства, дабы вредить людямъ, животнымъ, земнымъ плодамъ и всей странѣ, — онъ бы намъ донесъ о таковомъ, а если, въ теченіе двѣнадцати дней, онъ не подчинится нашему убѣжденію и приказанію, пусть онъ знаетъ, что самъ, какъ еретикъ и грѣшникъ, подлежитъ онъ отлученію».

Въ этомъ мѣстѣ своей рѣчи братъ Ѳома сдѣлалъ остановку обвелъ двухъ своихъ сотоварищей торжествующимъ взглядомъ, и, не слыша возраженій, продолжалъ:

— Но, въ данномъ случаѣ, не нуждаемся мы, какъ полагаю я, ни въ доносѣ, ни въ какой-либо inscriptio, ибо сами были свидѣтелями страшнаго нечестія, въ какое впала несчастная сестра Марія, поддавшись соблазнамъ Врага, и потому можемъ мы повести дѣло въ порядкѣ инквизиціи. Ежели при допросѣ обнаружатся улики противъ другихъ сестеръ сей святой обители, будемъ мы уже имѣть свидѣтеля противъ нихъ, ибо въ такомъ страшномъ дѣлѣ, какъ колдовство, не должно пренебрегать никакимъ показаніемъ. И будемъ помнить слова, данныя намъ въ наставленіе Самимъ Спасителемъ: если око твое соблазняетъ тебя, вырви его.

Нынѣ я думаю, что человѣкъ вліятельный и опытный могъ бы опровергнуть соображенія доминиканца и отнять, хотя бы временно, у него изъ пасти добычу, подобно тому, какъ, по разсказамъ, изъ рукъ другого инквизитора спасъ разумными доводами одну женщину, обвиненную въ колдовствѣ, въ городѣ Метцѣ, Агриппа Неттесгеймскій, лѣтъ пятнадцать назадъ. Но кто же изъ насъ троихъ могъ принять на себя роль вели-

каго ученаго: Архіепископъ не менѣе брата Ѳомы преисполненъ былъ рвеніемъ одолѣть козни Дьявола, и потрясенный, повидимому, тѣмъ, что довелось ему видѣть въ монастырѣ, былъ радъ, что кто-то другой взялъ руководство этимъ дѣломъ; если бы графъ и сталъ говорить, врядъ ли другіе судьи пожелали бы его слушать, ибо онъ самъ былъ подъ подозрѣніемъ, какъ еретикъ и другъ гуманистовъ; а могъ ли возвысить здѣсь свой голосъ я, жалкій писецъ изъ замка, лишь случайно попавшій въ роль судебнаго дѣлопроизводителя? И потому никто не возражалъ инквизитору, который чувствовалъ себя въ этомъ дѣлѣ суда надъ вѣдьмой, какъ щука въ рыбномъ садкѣ, и который, закончивъ свое объясненіе, отдалъ приказаніе, словно полководецъ воинамъ:

— Введите сюда подсудимую!

Опять мое сердце упало, какъ подстрѣленная бѣлка съ высокой сосны, а двое стражей поспѣшно удалились въ глубину подземелья, словно нырнувъ въ его сырой сумракъ, а потомъ, черезъ нѣкоторое время, показались вновь, не столько ведя, сколько волоча за собой женщину: это была Рената, со спутанными волосами, въ разорванномъ монашескомъ платьѣ, съ руками, скрученными веревкой за спиной. Когда Ренату подвели ближе къ столу, я могъ различить, при неясномъ свѣтѣ факела, ея совершенно блѣдное лицо, и, хорошо зная всѣ особенности его выраженія, понялъ тотчасъ, что она находится въ томъ состояніи изнеможенія и безсилія, которое всегда наступало у нея послѣ припадка одержанія и при которомъ всегда господствовали въ ея душѣ сознаніе своей грѣховности и неодолимое желаніе смерти. Когда стражи отпустили ее, она едва не повалилась на полъ, но потомъ, овладѣвъ собою, осталась стоять передъ судилищемъ, сгибаясь какъ стебель подъ вѣтромъ, почти не подымая глазъ, и только изрѣдка обводя всѣхъ присутствующихъ мутнымъ взоромъ, словно не понимая того, что видитъ, — и я думаю, что ею такъ и не было замѣчено мое участіе въ коллегіи ея судей.

Нѣсколько мгновеній братъ Ѳома безмолвно разсматривалъ Ренату, какъ котъ, наблюдающій пойманную мышь, и затѣмъ за-

далъ онъ свой первый вопросъ, прозвучавшій рѣзко, словно лезвеемъ разрѣзавшій наше молчаніе:

— Какъ тебя зовутъ?

Рената чуть-чуть подняла голову, но не посмотрѣла на допросчика и промолвила въ отвѣтъ тихо, почти шопотомъ:

— У меня отняли мое имя. У меня нѣтъ имени.

Братъ Ѳома обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Запишите: она отказалась назвать свое христіанское имя, данное ей во святомъ крещеніи.

Потомъ братъ Ѳома вновь обратился къ Ренатѣ съ такимъ назиданіемъ:

— Любезная! Ты знаешь, что мы всѣ были свидѣтелями того, что ты находишься въ сношеніи съ Дьяволомъ. Кромѣ того, благочестивая настоятельница этого монастыря изъяснила намъ, какое здѣсь водворилось нечестіе съ того самаго дня, какъ ты здѣсь поселилась, конечно, движимая преступною мыслью совратить и погубить праведныя души сестеръ этой обители. Всѣ твои сообщницы уже покаялись передъ нами и обличили твои постыдныя козни, такъ что тебѣ отпирательство не поможетъ. Ты лучше признайся чистосердечно во всѣхъ своихъ грѣхахъ и помышленіяхъ, и тогда я, по власти самого Святого Отца, обѣщаю тебѣ милость.

Я посмотрѣлъ искоса на монаха, и мнѣ показалось, что онъ улыбнулся, ибо, какъ я зналъ, слово «милость» всегда означало въ такихъ обѣщаніяхъ «милость для судей» или «милость для страны», какъ слово «жизнь» означало обычно въ обѣщаніяхъ инквизиторовъ — «жизнь вѣчную». Но Рената не замѣтила коварства въ рѣчи допросчика или, можетъ быть, ей все равно было, предъ кѣмъ ни каяться, но только со всею искренностью, съ какой иногда дѣлала она свои признанія мнѣ, въ счастливые часы нашей близости, она отвѣчала:

— Я не ищу никакой милости. Я хочу и ищу смерти. Вѣрую въ милосердіе Божіе на послѣднемъ судѣ, если здѣсь искуплю свои прегрѣшенія.

Братъ Ѳома посмотрѣлъ на меня, освѣдомился: «записано?», и опять спросилъ Ренату:

— Итакъ, ты сознаешься, что заключила пактъ съ Дьяволомъ?

Рената отвѣчала:

— Страшны мои преступленія, и не могла бы я исчислить ихъ всѣ, если бы говорила съ утра до вечера. Но я отреклась отъ злого, и думала, что Господь принялъ мое покаяніе. Не ищу я оправданія въ грѣхахъ моихъ, Богомъ Живымъ клянусь вамъ, что въ эту обитель пришла искать мира и утѣшенія, а не вносить раздоръ! Но попустилъ Господь, чтобы и здѣсь не могла я укрыться отъ Врага моего, которому сама дала власть надъ собой. Сожгите меня, господа судьи, жажду огня, какъ избавленія, такъ какъ вижу, что нѣтъ мнѣ на землѣ мѣста, гдѣ бы могла я жить спокойно!

Преодолѣвъ свою слабость, Рената эти слова произнесла страстно, и хорошо было, что сидѣлъ я въ сторонѣ отъ другихъ судей, ибо у меня глаза наполнились слезами, когда услышалъ я такія страшныя признанія, но никакого впечатлѣнія не оказали они на доминиканца, и онъ прервалъ Ренату, сказавъ:

— Ты погоди, любезная. Мы тебя будемъ спрашивать, а ты отвѣчай.

Послѣ этого братъ Ома досталъ изъ кармана книжечку, въ которой, по различнымъ признакамъ, узналъ я «Malleus Maleficarum in tres partes divisus» Шпренгера и Инститора, и, справляясь съ этимъ руководствомъ, сталъ задавать Ренатѣ обстоятельные вопросы, которые я, равно какъ и слѣдовавшіе за ними отвѣты, долженъ былъ записывать, хотя порою сжималъ зубы отъ отчаянія. Весь этотъ допросъ я и передамъ здѣсь именно такъ, какъ записалъ его, ибо каждый губительный вопросъ присасывался къ моей душѣ, какъ щупальце морского спрута, и каждое горестное признаніе Ренаты оставалось въ моей памяти, какъ слова молитвы, вытверженной съ дѣтства. Думаю, что не измѣню и ни одного слова изъ моей записи, воспроизводя ее на страницахъ этого правдиваго разсказа.

Замѣчу при этомъ, что на первые вопросы Рената отвѣчала съ промедленіемъ, отрывочно и кратко, голосомъ обезсиленнымъ, словно бы ей было черезчуръ тяжело выговаривать слова, но

постепенно она какъ-то оживилась, даже увѣреннѣе стала стоять на ногахъ, а голосъ ея окрѣпъ и пріобрѣлъ всю его обычную звучность. На послѣдніе вопросы она отвѣчала съ какимъ-то увлеченіемъ, покорно разъясняя все, что только у нея ни спрашивали, охотно и пространно говоря даже о многомъ постороннемъ, входя въ ненужныя подробности, не стыдясь, по своему обыкновенію, касаться вещей позорныхъ, и словно намѣренно выискивая все болѣе и болѣе страшныя обвиненія противъ себя. Вспоминая примѣры изъ нашей совмѣстной жизни съ Ренатою, склоненъ я думать, что далеко не все было правдой въ ея исповѣди, но что многое она тутъ же измыслила, безпощадно клевеща на себя, съ непонятной для меня цѣлью, если только нѣкій враждебный демонъ въ то время не владѣлъ ея душой и не говорилъ ея устами, чтобы вѣрнѣе погубить ее.

Замѣчу еще, что, по мѣрѣ того, какъ развивался допросъ, братъ Ѳома становился, по видимости, все довольнѣе и довольнѣе, и я наблюдалъ, какъ раздувались его ноздри, когда онъ слушалъ безстыдныя признанія Ренаты, какъ напрягались жилы его рукъ, на которыя онъ опирался, привставая, какъ колыхалось все его тѣло отъ избытка радости, когда видѣлъ онъ, что его предположенія и надежды оправдываются. Архіепископъ, напротивъ, очень скоро послѣ начала допроса уже казался утомленнымъ и нисколько не проявлялъ стойкости, которой онъ изумилъ меня утромъ,—страдая, вѣроятно, отъ смраднаго воздуха подземелья, тяготясь сидѣть на деревянной скамьѣ и, должно быть, не находя ничего занимательнаго въ откровеніяхъ сестры Маріи. Наконецъ, графъ все время сумѣлъ остаться строгимъ и степеннымъ, причемъ лицо его не обнаруживало никакихъ движеній души, и лишь порою онъ останавливалъ меня многозначительнымъ взглядомъ, когда я, теряя, при ужасномъ зрѣлищѣ, обладаніе собой, готовъ былъ крикнуть вдругъ неосторожныя слова или даже совершить какой-либо безумный поступокъ, который, разумѣется, не повелъ бы ни къ чему иному, какъ къ немедленному задержанію и меня, какъ соучастника преступницы.

Итакъ, вотъ что записывалъ я, вопросъ за вопросомъ, какъ скромный писецъ инквизиціоннаго суда:

Вопросъ: Кто научилъ тебя колдовству, самъ Дьяволъ или кто изъ его учениковъ?

Отвѣтъ: Дьяволъ.

Вопросъ: Кого ты сама научила тому же?

Отвѣтъ: Никого.

Вопросъ: Когда и въ какое время Дьяволъ съ тобой справилъ свадьбу?

Отвѣтъ: Три года тому назадъ, въ ночь подъ праздникъ Божьяго Тѣла.

Вопросъ: Заставилъ ли онъ тебя, въ пактѣ съ собой, отречься отъ Бога Отца, Сына и Святаго Духа, отъ Пресвятой Дѣвы, всѣхъ Святыхъ и ото всей христіанской вѣры?

Отвѣтъ: Да.

Вопросъ: Получила ли ты второе крещеніе отъ Дьявола?

Отвѣтъ: Да.

Вопросъ: Присутствовала ли ты на танцахъ шабаша, три раза въ годъ, или и чаще?

Отвѣтъ: Гораздо чаще, много разъ.

Вопросъ: Какъ ты туда переносилась?

Отвѣтъ: Вечеромъ, подъ ночь, когда собирался шабашъ, мы натирали свое тѣло особой мазью, и тогда намъ являлся или черный козелъ, который переносилъ насъ по воздуху на своей спинѣ, или самъ демонъ, въ образѣ господина, одѣтаго въ зеленый камзолъ и желтый жилетъ, и я держалась руками за его шею, пока онъ летѣлъ надъ полями. Если же не было ни козла, ни демона, можно было сѣсть на любой предметъ, и они летѣли, какъ самые борзые кони.

Вопросъ: Изъ чего составляла ты мазь, которой въ этихъ случаяхъ натирала себя?

Отвѣтъ: Мы брали разныхъ травъ: поручейника, петрушки, аира, жабника, паслена, бѣлены, клали въ настой отъ борца, прибавляли масла изъ растеній и крови летучей мыши и варили это, приговаривая особыя слова, разныя для разныхъ мѣсяцевъ.

Вопросъ: Присоединяла ли ты къ этому составу жиръ

умерщвленныхъ тобою младенцевъ, притомъ топленый или поджареный?

Отвѣтъ: Нѣтъ, въ этомъ не было нужды.

Вопросъ: Видала ли ты на шабашѣ Злого Духа, возсѣдающаго въ видѣ Козла на тронѣ, должна ли была поклоняться ему и цѣловать его нечистый задъ?

Отвѣтъ: Это мой грѣхъ. Притомъ мы приносили ему наши дары: деньги, яйца, пироги, а нѣкоторыя и украденныхъ дѣтей. Еще мы кормили своими грудями маленькихъ демоновъ, имѣвшихъ образъ жабъ, или, по приказанію Мастера, сѣкли ихъ прутьями. Потомъ мы плясали подъ звуки барабана и флейты.

Вопросъ: Участвовала ли ты также въ служеніи богопротивной черной мессы?

Отвѣтъ: Да, и Дьяволъ какъ самъ причащался, такъ давалъ и намъ причастіе, говоря «сіе есть тѣло мое».

Вопросъ: Было ли то причастіе подъ однимъ видомъ или подъ двумя?

Отвѣтъ: Подъ двумя, но, вмѣсто гостіи, было нѣчто твердое, что трудно было проглотить, а вмѣсто вина, глотокъ жидкости, ужасно горькой, наводящей холодъ на сердце.

Вопросъ: Вступала ли ты на шабашѣ въ плотскія сношенія съ Дьяволомъ?

Отвѣтъ: Дьяволъ выбиралъ среди женщинъ на каждую ночь ту, которую мы называли царицею шабаша, и она проводила время съ нимъ. А другіе всѣ, въ концѣ пира, соединялись, какъ случится, кто къ кому приблизится, женщины, мужчины и демоны, и только иногда Дьяволъ вмѣшивался и самъ устраивалъ пары, говоря: «Вотъ кого тебѣ нужно» или «Вотъ эта подойдетъ тебѣ».

Вопросъ: Случалось ли тебѣ быть таковой царицей шабаша?

Отвѣтъ: Да, и не одинъ разъ, чѣмъ я и бывала очень горда,—Господи, помилуй мою душу!

Вопросъ: Скажи намъ, доставляло ли тебѣ соитіе съ Дьяволомъ большую усладу, нежели съ мужчиною?

Отвѣтъ: Гораздо большую, безо всякаго сравненія.

Вопросъ: Бывало ли при этомъ у него изверженіе сѣмени?

Отвѣтъ: Да, но сѣмя это было холодное.

Вопросъ: Не было ли у тебя дѣтей отъ сожительства съ демонами?

Отвѣтъ: Родилась маленькая бѣлая мышь, очень хорошенькая, но я ее задушила и закопала въ саду, надъ рѣкой. Ахъ, если бы у меня были дѣти, многихъ грѣховъ не совершила бы я!

Вопросъ: Вообще, доставляло ли тебѣ удовольствіе посѣщать празднества шабаша?

Отвѣтъ: Крайнее, такъ что отправлялись мы на шабашъ, какъ на свадьбу. Дьяволъ въ то время держалъ прикованными наши сердца такъ крѣпко, что въ насъ не могло войти никакое другое желаніе. Мнѣ тогда казалось, что каждый разъ на шабашѣ видѣла я сотни новыхъ и чудесныхъ вещей, что музыка шабаша пріятнѣе всякой другой, и что тамъ какъ бы земной рай.

Вопросъ: Училъ ли тебя Дьяволъ, какъ производить грозу, градъ, крысъ, мышей, кротовъ, какъ перекидываться въ волковъ, какъ лишать коровъ молока, какъ губить урожаи и какъ дѣлать мужчинъ неспособными къ брачному сожитію?

Отвѣтъ: Училъ всему этому и многому другому, въ чемъ я признаю себя грѣшной предъ Господомъ Богомъ и предъ людьми.

Вопросъ: Скажи, какъ умѣешь ты производить грозу?

Отвѣтъ: Для этого надо въ полѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ трава пасленъ, сдѣлать ямку въ землѣ, присѣвъ надъ ней, омочить ее, и сказать: «Во имя Дьявола, дождись!», и тотчасъ найдетъ туча, и будетъ дождь.

Вопросъ: А какъ лишать мужчинъ ихъ силы?

Отвѣтъ: Для этого есть больше пятидесяти средствъ, напримѣръ, взять части самца у только-что убитаго волка, пойти на порогъ того, кого хочешь испортить, назвать его по имени, и когда онъ отвѣтитъ, оплести то, что въ рукахъ, бѣлой тесьмой,—а, впрочемъ, я не хочу вамъ разсказывать!

Вопросъ: Причиняла ли ты этими средствами, а также въ образѣ волчихи или иного оборотня, вредъ полямъ, животнымъ и людямъ?

Отвѣтъ: Страшный вредъ, котораго нельзя и исчислить, ибо мы пожирали множество ягнятъ, истребляли посѣвы и плодовые сады, наводили на деревни полчища крысъ, и многихъ женщинъ дѣлали неспособными имѣть потомство, и думаю я, если бы не пришло къ намъ раскаянье, вся та мѣстность погибла бы отъ неурожаевъ и бѣдствій! Но къ чему разспрашиваете вы меня далѣе, если я все равно не въ силахъ пересказать вамъ всѣхъ моихъ грѣховъ! Ахъ, возведите меня скорѣй на костеръ, потому что и здѣсь врагъ мой не покидаетъ меня, — онъ сейчасъ схватитъ меня! Убейте меня, скорѣе! скорѣе!

При послѣднихъ своихъ восклицаніяхъ Рената заметалась, готовая броситься на судей, но двое дюжихъ стражей снова взяли ее за руки и удержали отъ такого намѣренія. Тогда Архіепископъ, можетъ быть, обеспокоенный поведеніемъ подсудимой, а, можетъ быть, просто утомленный слѣдствіемъ, обратился къ инквизитору съ такими словами:

— Не должно ли прекратить допросъ, если обвиняемая сама признала себя виновною и достойною костра?

Братъ Ѳома, который въ допросъ кидался, какъ веселая выдра въ воду, возразилъ:

— Я полагаю, что должно сначала узнать имена демоновъ, съ которыми эта негодница вступала въ сношенія, точныя условія ея пакта съ ними, а также выспросить у нея, кто были ея сообщники во всѣхъ этихъ богопротивныхъ дѣяніяхъ. Ибо говоритъ Апостолъ: они вышли отъ насъ, ex nobis egressi sunt!

Рената, разслышавъ слова инквизитора, воскликнула сдавленнымъ голосомъ:

— Не надо меня больше спрашивать. У меня не было сообщниковъ! Съ кѣмъ я встрѣчалась на шабашѣ, тѣ далеко. То было не здѣсь, въ другой странѣ! Милостивый Господи Христосъ, пріиди мнѣ на помощь!

Братъ Ѳома отвѣтилъ ей:

— Погоди, голубушка, вотъ какъ мы вздернемъ тебя на

дыбу, да припечемъ пятки каленымъ желѣзомъ, запоешь ты пѣсню инымъ голосомъ.

Я опустилъ руку на рукоять шпаги, но Архіепископъ сказалъ рѣшительно:

— Мы лучше продолжимъ изслѣдованіе въ другое время, ибо надлежитъ намъ еще допросить свидѣтелей, мать Марту и сестеръ.

Графъ, который до того времени молчалъ, тоже вмѣшался въ этотъ споръ и также сталъ настаивать, чтобы дѣло было отложено до завтрашняго утра, указывая, между прочимъ, что не стоитъ приниматься за пытку, когда и сами судьи уже утомлены допросомъ. Братъ Ѳома возразилъ ему:

— Не забыли ли вы, господинъ графъ, что запрещено только повторять пытку, если не явится новыхъ уликъ, но всѣ авторитеты согласны, что ее можно продолжать на слѣдующій день или еще на слѣдующій, и умы, достойные уваженія, призываютъ въ такихъ случаяхъ ad continuandum tormenta, nod ad iterandum. Сегодня бы мы только начали, а завтра продолжали бы...

Однако, видя, что его рѣчь не встрѣчаетъ сочувствія, братъ Ѳома вдругъ оборвалъ ее, какъ пряха засучившуюся нить, и хотя онъ самъ, повидимому, радъ былъ допрашивать безъ перерыва день и ночь,—сказалъ уже совсѣмъ другимъ голосомъ:

— Я, впрочемъ, подчиняюсь всецѣло волѣ Его Высокопреподобія, который лучше другихъ знаетъ, какъ должно повести это дѣло. Но все-таки, думаю я, вы согласитесь, что не должно намъ отпускать эту женку, не осмотрѣвъ предварительно, есть ли у нея на тѣлѣ знакъ вѣдьмы.

Братъ Ѳома громко окликнулъ кого-то, имени котораго я не разобралъ, и изъ темноты, со стороны страшной дыбы, возвышавшейся въ глубинѣ, выступилъ человѣкъ, плечистый, бородатый,—въ которомъ нельзя было не признать палача. При этомъ видѣ я вторично схватился за шпагу, но тотчасъ встрѣтилъ пристальный взглядъ графа, который, молчаливо, убѣждалъ меня сохранять спокойствіе до послѣдней возможности. Преодолѣвъ себя, я смотрѣлъ, какъ воплощалась моя страшная мечта, какъ

палачъ срывалъ одежду съ Ренаты, не сопротивлявшейся нисколько, и какъ въ сырой полумглѣ подземелья онъ обшаривалъ грубыми руками ея тѣло, которое когда-то я покрывалъ богомольными поцѣлуями.

Наконецъ, вниманіе палача остановилось на маленькой родинкѣ на лѣвомъ плечѣ, хорошо мнѣ знакомой, и, доставъ изъ кармана небольшое шило, онъ остріемъ коснулся въ этомъ мѣстѣ тѣла Ренаты, которая не шелохнулась. Тогда палачъ воскликнулъ грубымъ и угрюмымъ голосомъ, словно бы онъ кричалъ внутрь трубы:

— Есть! Кровь не идетъ!

Для инквизитора и для Архіепископа заявленіе палача, ими даже непровѣренное, показалось послѣднимъ и рѣшающимъ доказательствомъ, потому что братъ Ѳома тотчасъ возопилъ, какъ нѣкогда первосвященникъ іудейскій:

— Какихъ еще свидѣтельствъ намъ нужно! Не ясно ли, какъ Божій день, что она—вѣдьма!

Затѣмъ онъ добавилъ:

— Теперь же надо подпалить огнемъ всѣ волосы на ея тѣлѣ, ибо въ нихъ можетъ скрывать она какія-либо чары.

Однако, графъ, ясно видя, что болѣе я не потерплю никакого оскорбленія, вступился рѣшительно, напомнивъ инквизитору, что самъ Архіепископъ, который предсѣдательствуетъ на нашемъ слѣдствіи, постановилъ прервать его до завтрашняго утра, и братъ Ѳома, засуетившись, какъ пойманная мышь, отдалъ приказаніе отвести Ренату обратно въ темницу. Думаю, что Рената въ ту минуту не была въ сознаніи, ибо стражи, неловко натянувъ на нее монашеское ея платье, подняли ее, какъ ребенка, на руки и потащили вновь въ темноту, между тѣмъ, какъ я, не имѣя возможности слѣдовать за ней, почти падалъ, мучимый своимъ безсиліемъ. Въ ту минуту я, своей судьбой, былъ похожъ на того испанца, котораго ацтеки, взявъ въ плѣнъ, привязали къ дереву и, обрѣзавъ ему вѣки, заставили смотрѣть, какъ передъ нимъ подвергали истязаніямъ его товарищей.

Вѣроятно, несмотря на всѣ свои старанія, я не могъ вполнѣ скрыть то участіе, которое принималъ въ судьбѣ подсуди-

мой, потому что, когда наше маленькое общество, пройдя вновь подземные проходы, вышло на свѣжій воздухъ, котораго была лишена Рената, и когда Архіепископъ, благословивъ насъ, удалился,—братъ Ѳома спросилъ меня, не безъ подозрительности:

— Вы, господинъ Рупрехтъ, должно быть, въ первый разъ присутствуете на преслѣдованіи этихъ злодѣекъ: такой у васъ удрученный видъ, словно вамъ жалко эту дѣвку.

Я, только-что вытерпѣвшій гораздо болѣе тяжкія испытанія, не могъ снести такихъ словъ, и, вдругъ утративъ власть надъ собою, метнулся на инквизитора, схватилъ его за воротъ рясы и закричалъ ему:

— Ты первый заслуживаешь костра, проклятый патеръ!

Такое мое поведеніе могло бы повести къ очень дурнымъ для меня послѣдствіямъ, но графъ, быстро поспѣшивъ на помощь къ монаху, освободилъ его изъ моихъ рукъ и сказалъ мнѣ строго:

— Тобой тоже овладѣлъ какой-то демонъ, Рупрехтъ, или ты потерялъ разсудокъ!

Братъ Ѳома, лицо котораго все искривилось было отъ страха, когда я устремился на него, очень быстро оправился и, хотя старался держаться отъ меня на разстояніи, также сталъ меня успокаивать:

— Или вы меня не узнали, любезный братъ Рупрехтъ? Это —я, вашъ смиренный братъ Ѳома. Какъ же вы такъ даете надъ собой власть Нечистому? Врагъ силенъ, но должно ограждать себя молитвой. Ахъ, трудное это дѣло, борьба съ Дьяволомъ, ибо онъ рыщетъ кругомъ своихъ судей и гдѣ завидитъ не защищенное мѣсто, спѣшитъ проникнуть: будь то черезъ ротъ, или уши, или иное какое отверстіе въ тѣлѣ.

Я сквозь зубы пробормоталъ какое-то извиненіе, а графъ, чтобы разсѣять нехорошее впечатлѣніе, вступилъ съ инквизиторомъ въ разговоръ о дѣлѣ сестры Маріи и спросилъ, несомнѣнно ли, что она будетъ приговорена къ костру. Братъ Ѳома сейчасъ же оживился и, съ величайшей готовностью, сталъ объяснять намъ законы.

— Въ уголовномъ Уложеніи, — говорилъ онъ, — изданномъ

по волѣ Его Величества Императора для всей Имперіи три года назадъ и коимъ мы теперь руководствуемся, статья 109 гласитъ: «Item, если кто колдовствомъ причинитъ другому зло или бѣдствіе, то долженъ онъ быть наказанъ смертію, и казнь должно совершить черезъ огонь. Когда же кто употреблялъ колдовство и никому тѣмъ зла не причинилъ, долженъ онъ быть наказанъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла». Сестра Марія повинилась сама, что причиняла вредъ людямъ, и скоту, и посѣвамъ, а потому подлежитъ она смерти.

Графъ спросилъ еще, должно ли подвергать подсудимую пыткѣ, если сама она во всемъ уже созналась, и братъ Ома безъ промедленія далъ отвѣтъ и на это.

— Непремѣнно, — сказалъ онъ, — ибо статья 44 той же Конституціи Императора Карла говоритъ прямо: «Item, если кто прибѣгаетъ къ сомнительнымъ вещамъ, дѣйствіямъ и поступкамъ которые въ себѣ заключаютъ волшебство, и если это лицо въ таковомъ также обвиняется, этимъ дается явное указаніе на волшебство и достаточное основаніе для примѣненія пытки». Кромѣ того, вы, вѣрно, не знаете, что нѣтъ другого способа противъ этихъ изверговъ, каковы вѣдьмы, чтобы заставить ихъ говорить правду, ибо Дьяволъ всегда присутствуетъ на судѣ и порой помогаетъ имъ переносить жесточайшія мученія. При столь тяжелыхъ преступленіяхъ поневолѣ приходится прибѣгать и къ самымъ сильнымъ средствамъ.

Я не сталъ слушать, что дальше говорилъ инквизиторъ, ибо представилось мнѣ, что я попалъ на какой-то заколдованный дворъ, изъ котораго выхода нѣтъ, такъ что я безплодно кидаюсь во всѣ стороны, вездѣ встрѣчая каменныя, неодолимыя стѣны. Не сказавъ никому ни слова, ускорилъ я шаги и почти побѣжалъ прочь отъ разговаривающихъ, не имѣя передъ собой никакой цѣли и только желая остаться наединѣ. Однако, вскорѣ нагналъ меня графъ, который спросилъ меня, куда я убѣгаю, и я ему отвѣтилъ:

— Дорогой графъ! Должно намъ приступить къ нашему дѣлу немедленно, ибо каждый часъ промедленія можетъ стоить Ренатѣ жизни. До сихъ поръ я воздерживался отъ всякаго

рѣшительнаго поступка только потому, что вы обѣщали мнѣ свое содѣйствіе. Умоляю васъ не откладывать долѣе, или же скажите мнѣ прямо, что помочь мнѣ не въ силахъ. Тогда я буду дѣйствовать самъ, хотя бы попытки мои и повели меня на вѣрную смерть.

Графъ отвѣтилъ мнѣ:

— Я далъ тебѣ рыцарское слово, мой Рупрехтъ, и сдержу его. Ступай въ нашу палатку и жди моего зова, а я буду работать за тебя.

Голосъ графа былъ столь убѣдителенъ, а лично себя сознавалъ я столь безсильнымъ, что мнѣ не оставалось ничего, какъ повиноваться, но у меня не хватило духу вторично войти въ эту палатку, словно въ ровъ львиный, гдѣ стерегли меня съ алчными челюстями и острыми зубами тѣ же горестныя мысли, какъ утромъ, и, можетъ быть, многія другія, не менѣе ожесточенныя. Я сказалъ графу, что буду ждать его на берегу рѣчки и избѣгая всякихъ встрѣчъ, пробрался въ густой ивнякъ, росшій вдоль его русла, и затаился въ полутьмѣ и сырости, расположившись такъ, чтобы мнѣ, сквозь прорывы въ листвѣ, виденъ былъ монастырь. Здѣсь, опять въ вынужденномъ бездѣйствіи провелъ я еще сколько-то часовъ, дыша свѣжимъ вѣяньемъ текучей воды и зная, что Рената больная, изнеможенная, проводитъ это время на липкой землѣ, среди плѣсени, пауковъ и мокрицъ.

Я боялся, что потеряю способность дѣйствовать разумно, если отдамся всѣмъ волнамъ отчаянья, напиравшимъ на меня, и потому упорно вынуждалъ себя не терять ясности мысли. Какъ бы рѣшая нѣкоторую задачу, обдумывалъ я всѣ возможные способы спасти Ренату, но все же не находилъ иного, кромѣ какъ силою овладѣть монастыремъ, разбить двери ея тюрьмы и увезти ее далеко, прежде чѣмъ Архіепископъ успѣетъ собрать значительный отрядъ. Увлекшись такими мечтами, я даже представлялъ себѣ всѣ подробности предстоящей битвы между приверженцами графа и сторонниками Архіепископа, воображалъ точно, какъ буду я ломать ворота монастыря, сочинилъ, отъ начала до конца, ту рѣчь, съ какой обращусь къ испуганнымъ монахинямъ, убѣждая ихъ не сопротивляться освобожде-

нію сестры Маріи, и, наконецъ, со слезами въ горлѣ, повторялъ тѣ слова, какія скажу спасенной Ренатѣ.

Изъ этихъ мечтаній, какъ изъ успокоительнаго сна, былъ я выведенъ голосомъ, который негромко окликнулъ меня по имени, и, оглянувшись, я увидѣлъ, что близъ меня стоитъ графъ, а за нимъ Михель держитъ за поводья двухъ лошадей. Лицо графа было столь сумрачно, какимъ я его не видѣлъ еще никогда, и, въ первую минуту подумавъ, что все кончено, что Рената уже осуждена и казнена, я невольно воскликнулъ:

— Неужели мы опоздали?

Графъ отвѣчалъ мнѣ:

— Намъ должно сейчасъ ѣхать, Рупрехтъ. Я убѣдился, что тѣхъ силъ, какія у меня здѣсь есть, недостаточно для нашего предпріятія. Надо искать союзниковъ, чего не стыдились и римляне. По близости отсюда я знаю одинъ замокъ, владѣлецъ котораго въ дружествѣ со мной. Ѣдемъ, и привеземъ съ собой десятокъ добрыхъ молодцовъ.

Этотъ призывъ такъ удивительно согласовался съ моими мечтами, что ни на минуту не усомнился я въ искренности словъ графа, и не пришло мнѣ въ голову соображеніе, что неразумно намъ обоимъ оставлять монастырь: напротивъ, со всей готовностью поспѣшилъ я къ лошади, и скоро оба мы были уже верхомъ. Я спросилъ графа, далекъ ли нашъ путь, онъ же отвѣтилъ мнѣ только, что надо торопиться, но что первую часть дороги лучше сдѣлать по руслу рѣки, дабы нашъ отъѣздъ не былъ замѣченъ въ лагерѣ. Все это было очень правдоподобно, и въ ту минуту я согласенъ былъ шпагою прокладывать себѣ дорогу вслѣдъ за графомъ.

Проѣхавъ около четверти часа глубью долины, мы выбрались наверхъ и поскакали по плохой, деревенской дорогѣ прямо на западъ. Глаза мои слѣпило заходившее въ тотъ часъ солнце, строившее передо мной, игрою своихъ лучей, причудливые замки изъ вечернихъ облаковъ, и тутъ же разрушавшее ихъ, и мнѣ представлялось, что въ этихъ-то призрачныхъ дворцахъ мы и обрѣтемъ ту помощь, которой ищемъ. Я подгонялъ коня, словно въ самомъ дѣлѣ надѣялся доскакать до страны, гдѣ

Аврора отворяетъ огненныя ворота Фебу, и вѣтеръ свистѣлъ мнѣ въ уши не то ободряющіе крики, не то безнадежныя предсказанія. Постепенно западъ все болѣе тускнѣлъ, красное солнце зашло за самое нижнее облако, и кругомъ посвѣжѣло; мѣстность становилась болѣе суровой, но никакого признака человѣческаго жилья не показывалось, и тщетно искалъ я на кругозорѣ — башенъ обѣщаннаго замка. Нѣсколько разъ спрашивалъ я графа, далеко ли намъ еще ѣхать, но все не получалъ отвѣта, и, наконецъ, видя, что лошадь моя утомлена, что дорога совершенно исчезаетъ среди безпорядочно сваленныхъ камней, я внезапно натянулъ узду и вскричалъ такъ:

— Графъ! вы обманули меня! Никакого замка нѣтъ! Куда вы меня завели?

Тогда и графъ остановилъ лошадь и отвѣчалъ мнѣ тихимъ, задушевнымъ голосомъ, который порою онъ умѣлъ находить въ себѣ:

— Да, я тебя обманулъ. Замка нѣтъ.

Все мое тѣло похолодѣло, руки задрожали и, бросая свою лошадь прямо на графа, готовый схватиться съ нимъ на поединкѣ, въ этой глухой, безлюдной долинѣ, въ часъ первыхъ тѣней, я закричалъ:

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ! Что тебѣ было надо? Отвѣчай, потому что иначе я убью тебя!

Графъ возразилъ мнѣ очень спокойно:

— Ruprechte, insans! Сначала выслушай, а потомъ угрожай. Я узналъ, что Ома назначилъ второй допросъ на этотъ вечеръ. Сколько я ни старался, я не могъ измѣнить такого рѣшенія. Я не сомнѣвался, что ты, если бы остался въ монастырѣ, совершилъ бы какой-нибудь безумный поступокъ и тѣмъ погубилъ все дѣло. Я рѣшилъ увезти тебя на время, чтобы спасти и тебя, и твою возлюбленную.

— Какъ!—переспросилъ я,—второй допросъ назначенъ на этотъ вечеръ? Значитъ, онъ совершается сейчасъ? Но вѣдь этотъ допросъ—съ пристрастіемъ! Значитъ, Ренату пытаютъ сейчасъ, а я отъ нея далеко, здѣсь, здѣсь, здѣсь,—въ полѣ, и не могу даже откликнуться на ея стоны!

Тутъ порывъ ярости покинулъ меня, и я, соскочивъ съ коня, бросился ничкомъ на влажные отъ вечерней росы камни, прижался къ нимъ щекою, и еще разъ слезы полились изъ моихъ глазъ неудержно, такъ какъ у меня, какъ у женщины или ребенка, не было въ ту минуту другого оружія для борьбы съ судьбою. Мнѣ сразу представились всѣ формы пытки, о которыхъ только я слыхалъ когда-либо: жомъ, винтъ, шнуры, клещи, дыба, козелъ, кобыла, лѣстница, испанскій сапогъ, ожерелье, бичеваніе, вбиваніе гвоздей подъ ногти, пытка водой, огнемъ, смолой, и всѣ другіе ужасы, измышленные человѣкомъ противъ человѣка. Я рыдалъ безнадежно и въ тотъ миг искренно хотѣлъ одного: быть съ Ренатою рядомъ, предать свое тѣло всѣмъ истязаніямъ, какимъ подвергали ее, и мнѣ казалось чудовищнымъ и нелѣпымъ, что я не испытываю боли, когда она изнемогаетъ отъ страданій.

Между тѣмъ, графъ сжалился также, сѣлъ близъ меня на землю, и, тоже видя во мнѣ какъ бы дитя, сталъ ласково меня успокаивать. Онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ увѣрялъ меня, что я не долженъ такъ пугаться пытки, отвратить которой мы не могли, такъ какъ очень многіе люди переносятъ ее безъ вреда для своего здоровья. Самъ графъ знавалъ одного алхимика, котораго невѣрные, въ Мостарѣ, подвергали пыткѣ тридцать разъ и даже сажали на колъ, надѣясь вывѣдать отъ него тайну философскаго камня, будто бы ему извѣстную, и который, однако, дожилъ до глубокой старости. Притомъ, по словамъ графа, въ этомъ монастырѣ, мирномъ и уединенномъ, не могло быть тѣхъ страшныхъ орудій истязанія, которыми похваляются такіе города, какъ Бамбергъ, Мекленбургъ или Нюренбергъ, такъ что самое большее, что можетъ угрожать сестрѣ Маріи,—это вывихъ на дыбѣ ручныхъ суставовъ, которые палачъ самъ сумѣетъ немедленно вправить. Не забылъ графъ привести мнѣ въ утѣшеніе и нѣсколько цитатъ изъ Аннея Сенеки-философа, указывающаго, какъ благодѣтельно для человѣка переносить физическія страданія.

Разумѣется, такія рѣчи графа нисколько не могли меня успокоить, но порою были какъ бы горючимъ матеріаломъ, подбра-

сываемымъ въ огонь моего отчаянія, и, наконецъ, графъ, замѣчая, что всѣ его разсужденія и разумные доводы безсильны противъ моего чувства, сказалъ мнѣ еще слѣдующее:

— Ну, слушай, Рупрехтъ, я открою тебѣ мой планъ, чтобы ты не считалъ меня за врага, но истиннымъ другомъ. Знай, что я уже все приготовилъ для спасенія твоей возлюбленной. Мать Марта къ сестрѣ Маріи очень расположена, и не вѣритъ въ ея виновность. Кромѣ того, будучи клариссинкой, и, слѣдовательно, принадлежа къ францисканскому ордену, она рада чѣмъ бы то ни было досадить доминиканцу. Ты знаешь, что монашескіе ордена грызутся между собой, какъ собаки. Короче говоря, мать Марта согласилась, послѣ разныхъ моихъ убѣжденій, помочь намъ и устроить побѣгъ твоей Ренаты. Но ты понимаешь, что такое дѣло можно совершить лишь ночью, per amica silentia lunae. Мы сейчасъ вернемся къ монастырю. На стражѣ у воротъ и у темницы будутъ монахини, настоятельницѣ вполнѣ преданныя и ктому же поклоняющіяся сестрѣ Маріи, какъ святой. Онѣ отопрутъ намъ всѣ затворы. Ты спустишься въ подземелье, и выведешь свою Ренату или вынесешь ее на рукахъ, если она окажется не въ силахъ итти. У воротъ будетъ тебя ждать Михель и пара свѣжихъ лошадей: скачите прямо въ мой замокъ. Послѣ мы посмотримъ, что дѣлать, но я увѣренъ, что не только всѣ другіе,но самъ Ооша, несмотря на свое апостольское имя, повѣритъ, будто сестру Марію освободилъ Дьяволъ. Итакъ, подай мнѣ руку, и ne moremur!

Въ планѣ графа больше было причудливости юнаго воображенія, которое обычно руководило его поступками, нежели опытности и знанія людей; однако, то была послѣдняя веревка, держась за которую я могъ выбраться изъ бездны моихъ неудачъ. Мы снова сѣли на коней и опять погнали ихъ, на этотъ разъ въ противоположномъ направленіи, съ трудомъ распознавая дорогу въ наступавшихъ сумеркахъ. По счастію мы не сбились съ пути и, при слабомъ свѣтѣ молодого тощаго мѣсяца, достигли до нашего лагеря.

ГЛАВА XVI И ПОСЛЂДНЯЯ.

Какъ умерла Рената и обо всемъ, что случилось со мною послѣ ея смерти.

Когда я вновь увидѣлъ передъ собою стѣны монастыря, за которыми была заключена Рената, — я почувствовалъ въ себѣ, несмотря на усталость отъ безсмысленной скачки, приливъ бодрости и отваги, ибо рѣшительные часы всегда напрягали мою душу, какъ твердая рука—арбалетъ.

Около нашей палатки мы соскочили съ коней и отдали ихъ Михелю, который дожидался насъ, проявляя явное нетерпѣніе, потому что на вопросъ графа, все ли готово, отвѣчалъ такъ:

— Давно готово и медлить больше нельзя. Янъ со свѣжими лошадьми стоитъ у сѣверной стѣны: копыта ихъ я обернулъ шерстью. А этотъ проклятый патеръ Ѳома все шныряетъ кругомъ, и, того гляди, что-нибудь выслѣдитъ.

Втроемъ мы направились къ монастырю, выбирая дорогу тамъ, гдѣ было темнѣе, и всячески стараясь пройти незамѣченными, хотя все кругомъ, повидимому, уже спало,—ибо на пути не повстрѣчалось намъ никого, и въ деревнѣ не залаяла ни одна собака. Михель шелъ впереди, какъ бы указывая дорогу, за нимъ—графъ, котораго, какъ кажется, очень забавляли наши необычныя приключенія, а я — позади всѣхъ, такъ какъ мнѣ не хотѣлось, чтобы на меня смотрѣли. Мысль, что сейчасъ я останусь съ Ренатою наединѣ, и что черезъ нѣсколько минутъ она будетъ вновь свободна и подъ моей защитой,—заставляла мое сердце дрожать радостно, и я, не колеблясь, пошелъ бы одинъ на троихъ, только бы осуществить мечту.

Взобравшись на косогоръ, оказались мы у воротъ монасты-

ря, въ черной тѣни его стѣны, и Михель показалъ мнѣ вдалекѣ смутные образы двухъ лошадей, которыхъ стерегъ кто-то изъ нашихъ людей, сказавъ:

— Туда, господинъ Рупрехтъ, несите вашу добычу,—я уже буду тамъ, и знаю прямую дорогу въ замокъ. Вѣрьте: ястребы насъ не догонятъ.

Между тѣмъ графъ осторожно ударилъ по желѣзу двери рукоятью шпаги, такъ что раздался въ лунной тишинѣ звукъ кроткій и жалобный, словно плачъ. Изъ-за воротъ послышался женскій голосъ, тоже приглушенный, спросившій:

— Кто здѣсь?

Графъ отвѣтилъ условнымъ паролемъ:

— Земля Іудина ничѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ.

Тотчасъ ворота, какъ по волшебству, растворились, тихо простонавъ, и въ ту минуту я такъ твердо вѣрилъ въ успѣхъ нашего предпріятія, словно уже былъ съ Ренатою подъ надежной защитою бойницъ замка фонъ-Велленъ. Сестра, отворившая намъ ворота, смотрѣла на насъ со страхомъ и была очень блѣдна,—или это такъ казалось отъ свѣта мѣсяца,—но не произнесла ни слова. Слабо освѣщенный монастырскій дворъ былъ совершенно пустынен, но мы прошли его, крадясь вдоль стѣны, какъ три привидѣнія, и, подойдя къ задней сторонѣ собора, оказались близъ страшной двери, черезъ которую былъ ходъ въ подземелье къ Ренатѣ. Здѣсь на плоскомъ камнѣ, въ полудремотѣ, сидѣла на стражѣ другая монахиня, которая при нашемъ приближеніи вскочила и вся затрепетала.

Графъ повторилъ пароль, и сестра, упавъ на колѣни, воскликнула сдавленнымъ голосомъ:

— Благословенъ грядый во имя Господне! Придите, придите! выведите изъ темницы жертву невинную, въ узы вверг нутую козиями Врага! Сестра Марія—святая, и постыдятся враги ея! Христосъ Іисусъ—непорочный женихъ ея!

Михель грубо прервалъ эти причитанія, сказавъ сестрѣ шопотомъ:

— Будетъ болтать, мы не на птичникѣ! Открывай дверь!

Монахиня, доставъ большой желѣзный ключъ, попыталась

отпереть дверь, но руки ея дрожали, такъ что она не могла намѣтить бородкой въ скважину замка, и Михель, отнявъ у нея ключъ, отперъ самъ. Когда раскрылось черное отверстіе входа въ подземелье, Михель осторожно высѣкъ огня, зажегъ принесенный съ собою маленькій факелъ и передалъ его мнѣ, а графъ сказалъ:

— Рупрехтъ, иди внизъ. За той залой, гдѣ мы вели допросъ сегодня утромъ, есть дверь, запертая засовомъ. Отопри ее: за ней темница твоей Мари. Торопись, Михель будетъ ждать тебя, и да поможетъ тебѣ мать любви, Киприда Книдская! Прощай.

Я, отъ волненія, не могъ ничего отвѣтить графу, но, сжавъ въ рукѣ факелъ, устремился въ темную глубину и, спотыкаясь, спѣшилъ впередъ по ступенямъ скользкой лѣстницы, пока не очутился въ залѣ допроса. Нашъ столъ, за которымъ я записывалъ гибельные отвѣты Ренаты, былъ пустъ и казался громадной гробницей; сумрачный станокъ дыбы съ поднятой лапой попрежнему возвышался въ глубинѣ, и я содрогнулся, взглянувъ на него; шаги мои звучали въ пустотѣ гулко, и тѣни метались кругомъ,—быть можетъ, то были летучія мыши. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, по указанію графа, я наткнулся на деревянную, окованную желѣзными брусьями дверь, которая была заперта тяжелымъ засовомъ и, не безъ труда отодвинувъ его, оказался въ маленькомъ сводчатомъ покоѣ, низкомъ и удушливо-сыромъ.

Проведя факеломъ, я постепенно освѣтилъ всѣ углы тюрьмы, и въ дальнемъ ея концѣ различилъ груду соломы, а на ней простертое тѣло, едва прикрытое лохмотьями одежды; я понялъ, что это—Рената, съ упавшимъ сердцемъ приблизился, сталъ на колѣни передъ бѣдственнымъ ложемъ. При качающемся свѣтѣ факела я могъ ясно различить лицо Ренаты, блѣдное, какъ лицо трупа, съ закрытыми, словно неживыми глазами, ея вытянутыя, неподвижныя, ослабшія руки, ея чуть подымаемую дыханемъ грудь,—и около минуты длилось молчаніе, потому что я долго не осмѣливался произнести ни слова въ священномъ мѣстѣ. Наконецъ, напомнивъ себѣ, что всѣ мгновенія на счету, я шепнулъ тихо:

— Сестра Марія!

Отвѣта не было, и я повторилъ громче:

— Рената!

На этотъ зовъ Рената открыла глаза, слегка обратила ко мнѣ голову, посмотрѣла на меня пристально, узнала меня, и, какъ будто совсѣмъ не удивляясь, что я близъ нея, слабымъ, едва различимымъ, голосомъ произнесла:

— Уйди, Рупрехтъ. Я тебѣ все прощаю, но ты уйди.

Первый мигъ я былъ такими словами ошеломленъ, но, подумавъ, что замученная пыткой и заключеніемъ Рената бредитъ, я возразилъ, влагая въ свои слова всю нѣжность, на какую былъ способенъ:

— Рената! дорогая моя Рената! любимая! единственная! Я принесъ тебѣ избавленіе и свободу. Двери открыты, мы уйдемъ отсюда, насъ ждутъ лошади. Послѣ мы уѣдемъ въ Новую Испанію, гдѣ начнется для насъ новая жизнь. Я буду служить тебѣ, какъ рабъ, и ни въ чемъ не буду противорѣчить твоимъ рѣшеніямъ. Ибо я попрежнему люблю тебя, Рената, люблю больше себя самого, больше спасенія души. Если можешь, встань, дай мнѣ руки, иди со мной. Или дозволь, я понесу тебя, у меня достанетъ силъ. Но должно намъ торопиться.

Сказавъ эти слова съ крайнимъ волненіемъ, я ждалъ отвѣта, наклонясь къ самому лицу Ренаты, а она, не шевельнувшись, тѣмъ же тихимъ, безъ удареній, безъ повышеній, голосомъ заговорила такъ:

— Я не пойду за тобой, Рупрехтъ! Однажды ты едва не погубилъ меня, но я спасла свою душу изъ твоихъ когтей! Они меня мучили, они меня распинали, — ахъ! они и не знали, что это повелѣлъ имъ Іисусъ Христосъ! Кровь, кровь! я видѣла свою кровь! какъ хорошо, какъ сладко! Она омыла всѣ мои грѣхи. Онъ опять прилетитъ ко мнѣ, какъ большая бабочка, и я спрячу его въ своихъ волосахъ. Нѣтъ, нѣтъ, это, право, просто бабочка, и ничего больше. Какъ ты смѣешь быть здѣсь, со мной, Рупрехтъ?

Эта странная и несвязная рѣчь окончательно убѣдила меня, что Рената потеряла отъ страданій ясность мысли, но все же я сдѣлалъ попытку образумить ее, сказавъ ей:

— Рената! услышь меня, попытайся понять меня. Ты — въ тюрьмѣ, въ монастырской тюрьмѣ. Тебя судятъ инквизиціоннымъ судомъ и тебѣ грозитъ страшная казнь. Чтобы спасти жизнь, тебѣ надо бѣжать, и я все устроилъ для твоего бѣгства. Вспомни, ты мнѣ говорила когда-то, что меня любишь. Довѣрься мнѣ и ты будешь освобождена. Потомъ я предоставлю тебѣ свободу сдѣлать все, что ты захочешь: остаться со мной, или меня покинуть, или вновь войти въ монастырь. Я не прошу у тебя ничего, не прошу любви, я только хочу вырвать тебя у палачей и спасти отъ костра. Неужели же ты хочешь пытки и мученій огня?

Рената воскликнула:

— Да! Да! Я хочу пытки и огня! Сейчасъ я видѣла моего Мадіоля, и онъ сказалъ мнѣ, что смертью я искуплю всю жизнь. Онъ—весь огненный, глаза у него голубые, какъ небо, а волосы словно изъ тонкихъ золотыхъ нитокъ. Онъ мнѣ сказалъ, что приметъ мою душу въ свои объятія, и что въ вѣчной жизни мы не разлучимся съ нимъ никогда. Я прощаю, я все прощаю, и тебѣ и Генриху, потому что Мадіоль все простилъ мнѣ. Мнѣ хорошо, мнѣ больше ничего не надо. Но оставь меня одну; дай мнѣ быть съ нимъ; ты испугалъ его; уйди, — онъ вернется.

Съ послѣднимъ упорствомъ я воскликнулъ:

— Рената, клянусь всѣмъ для меня святымъ, я не могу оставить тебя здѣсь! Богъ и совѣсть приказываютъ мнѣ вывести тебя отсюда. Ты измучена, ты больна, ты не можешь разсуждать здраво. Послушайся меня, какъ друга, какъ старшаго! Не искупительная смерть ждетъ тебя здѣсь, — но ты отдаешь себя во власть грубымъ монахамъ и тупымъ невѣждамъ. Только выйди отсюда, только вдохни свѣжаго воздуха, взгляни на солнце, и, если черезъ три дня ты скажешь мнѣ: я хочу вернуться въ тюрьму,—клянусь, я самъ отведу тебя сюда.

Рената съ трудомъ приподнялась и, смотря прямо мнѣ въ лицо, сказала, какъ будто съ полной сознательностью:

— Я говорю тебѣ, что отъ тебя я не желаю ничего! Отъ твоего присутствія испытываю только отвращеніе. Ступай, вер-

нись въ жизнь, цѣлуйся со своей Агнессой, а меня пусть опять подымутъ на дыбу. Ты хочешь, чтобы я куда-то бѣжала съ тобою! Ахъ, милый, милый Генрихъ, онъ никогда бы не оскорбилъ меня такъ! Я бы ему сказала, что хочу умереть, и онъ бы понялъ меня. А ты, какъ бы ты ландскнехтъ, такъ имъ и остался, и знаешь одно, какъ бы убить врага. Ну, убивай меня, я не въ силахъ защищаться!

Въ этихъ жестокихъ и несправедливыхъ словахъ, я узналъ прежнюю Ренату, ту, которая, бывало, заставляла меня падать на полъ отъ безсильнаго отчаянья или скрежетать зубами отъ неожиданной обиды, но я не позволилъ себѣ поддаться впечатлѣнію и забыть, что Рената сейчасъ не отвѣтственна за то, что говоритъ, какъ больной, который бредитъ, или какъ несчастный, одержимый злымъ духомъ. Итакъ, я произнесъ твердо:

— Рената! Клянусь Всевышнимъ, я люблю тебя! и потому спасу тебя даже противъ твоей воли!

Сказавъ такъ, я осторожно прислонилъ факелъ къ выступу стѣны, а самъ, сжавъ губы и стараясь не смотрѣть въ лицо Ренаты, рѣшительно наклонился къ ней и, охвативъ ее руками, хотѣлъ поднять съ ея соломенной постели. Понявъ мое намѣреніе, Рената пришла въ страшное волненіе, откинулась назадъ, прижалась къ углу своей тюрьмы, и, голосомъ громкимъ и отчаяннымъ, закричала:

— Мадюль! Мадюль! защити! спаси меня!

Не слушая этого крика, я не уклонялся отъ намѣченной цѣли, и между нами двумя началась безсмысленная борьба, причемъ Рената, которая едва могла владѣть руками, изможденными пыткой, отбивалась всѣмъ тѣломъ, изгибаясь неистово, бросаясь во всѣ стороны, употребляя всѣ средства, чтобы высвободиться изъ моихъ объятій. Она не брезгала и тѣмъ, что пыталась свалить меня, толкая ногами, а также тѣмъ, что злобно впивалась зубами въ мои руки, и въ перерывахъ борьбы кричала мнѣ въ лицо яростныя оскорбленія:

— Проклятый! Проклятый! Ты пользуешься моей слабостью! Ты мнѣ омерзителенъ! Пусти, я разобью себѣ голову о стѣны!

Все лучше, только бы не быть съ тобой! Ты—Дьяволъ! Мадонна! Мадонна! защити!

Внезапно, когда я уже сознавалъ себя побѣдителемъ, движенія Ренаты вдругъ ослабли, и, испустивъ пронзительный и ужасный крикъ боли, она вся повисла на моихъ рукахъ безъ движенія, какъ виситъ сломанный стебель цвѣтка. Сразу догадавшись, что съ Ренатой что-то случилось, я быстро опустилъ ее обратно на солому, освободивъ отъ своихъ рукъ, но она уже вся была какъ мертвая, и мнѣ казалось, что она не дышитъ. Метнувшись по камерѣ, нашелъ я немного воды въ глиняномъ кувшинѣ и смочилъ виски Ренаты, послѣ чего она слабо вздохнула, но для меня, много разъ видѣвшаго смерть раненыхъ послѣ боя, уже не оставалось сомнѣнія, что наступалъ ея послѣдній мигъ. Я не знаю, повліяли ли на нее губительно тѣ усилія, какія она сдѣлала, сопротивляясь мнѣ, или вообще не могло ея хрупкое существо перенести тѣхъ немилосердныхъ испытаній, какія выпали на ея долю, но всѣ признаки явно указывали на приближеніе конца, ибо у Ренаты выраженіе лица вдругъ пріобрѣло особую торжественность, все тѣло ея странно вытянулось и скорченными пальцами она жалостно хваталась за солому.

Никакой помощи Ренатѣ я оказать не могъ, и продолжалъ стоять на колѣняхъ около ея ложа, всматриваясь въ ея лицо, но вдругъ, на краткій мигъ, она очнулась, увидѣла меня, улыбнулась мнѣ нѣжной улыбкой и прошептала:

— Милый Рупрехтъ! какъ хорошо—что ты со мной!

Никакія проклятія, которыми передъ тѣмъ осыпала меня Рената, не могли такъ подѣйствовать на меня, какъ эти кроткія слова, произнесенныя надъ самой гранью смерти,—слезы полились у меня изъ глазъ безудержно, и, приникнувъ губами къ похолодѣвшей рукѣ Ренаты, какъ приникаютъ вѣрные къ чтимой святынѣ, я воскликнулъ:

— Рената! Рената! Я люблю тебя!

Въ ту минуту мнѣ казалось самымъ важнымъ запечатлѣть въ ея душѣ только эти слова, чтобы именно съ ихъ отзвукомъ пробудилась она къ иной жизни, но Рената, вѣроятно, уже не

слышала моего горестнаго восклицанія, потому что, шепнувъ свой послѣдній привѣтъ, она вдругъ откинулась навзничь и страшно затрепетала, словно въ послѣдней борьбѣ со смертью. Три раза приподнималась она на ложѣ, дрожа и задыхаясь, не то отстраняя какое-то страшное видѣніе, не то устремляясь навстрѣчу кому-то желанному, и три раза она падала обратно, и въ груди ея слышалось предсмертное хрипѣніе, уже не похожее на звуки жизни. Откинувшись въ третій разъ, она осталась въ полной неподвижности и я, приложивъ ухо къ ея груди, не услыхалъ больше біенія сердца и понялъ, что изъ этого міра, гдѣ могли ожидать ея только преслѣдованія и страданія, ея душа перешла въ міръ духовъ, демоновъ и теней, къ которому всегда она порывалась.

Когда я убѣдился, что Ренаты болѣе нѣтъ, я закрылъ ей глаза и тихо поцѣловалъ ея лобъ, покрытый холоднымъ потомъ, и,—хотя въ ту минуту любилъ ее со всѣмъ напряженіемъ чувства, любовью, ничѣмъ не меньшей, чѣмъ та, которую воспѣли поэты,—отъ всей души сотворилъ молитву, чтобы исполнилась ея надежда, и она повстрѣчала бы своего Мадіоля и хотя послѣ смерти узнала миръ и счастіе. Потомъ, чтобы обдумать свое положеніе, я сѣлъ на полу тюрьмы рядомъ съ тѣломъ Ренаты, ибо ея смерть не только не лишила меня способности разсуждать, но даже вернула мнѣ хладнокровіе, нарушенное зрѣлищемъ ея страданій, и даже слезы на моихъ глазахъ высохли. Послѣ недолгаго размышленія неоспоримымъ представилось мнѣ, что безразсудно было бы подвергать опасности свою жизнь и честь графа, такъ великодушно помогшаго мнѣ, ради бездушнаго тѣла, и что самое разумное, что могъ я сдѣлать,—это удалиться тайно. Послѣ такого рѣшенія я въ послѣдній разъ прикоснулся поцѣлуями къ губамъ мертвой Ренаты, потомъ сложилъ ей руки на груди, еще разъ остановился взглядомъ на ея неподвижномъ лицѣ, чтобы впитать въ себя его черты навѣки, и, взявъ свой факелъ, направился прочь изъ рокового подземелья.

Сознаюсь, что пока я шелъ темными залами и переходами, нѣсколько разъ мнѣ приходила въ голову мысль вернуться,

чтобы умереть рядомъ съ Ренатою, но доводами логики я умѣлъ успокоить себя и, пройдя весь обратный путь, вышелъ къ ночному небу, изъ двери, около которой ждалъ Михель. Этотъ, увидя меня, воскликнулъ:

— Наконецъ-то, господинъ Рупрехтъ! Давно пора! Каждую минуту могли насъ захватить, какъ мышей въ мышеловкѣ. А гдѣ же дѣвушка?

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ стремительно приблизилась къ намъ та монахиня, которая сторожила входъ, и, задыхающимся голосомъ, повторила вопросъ:

— Гдѣ сестра Марія?

Я сказалъ въ отвѣтъ обоимъ:

— Сестра Марія умерла.

Но едва я произнесъ эти слова, какъ благочестивая сестра кинулась на меня, словно взбѣсившаяся кошка, схватила меня за воротъ одежды и закричала несдержанно, такъ что могла разбудить весь монастырь:

— Это ты убилъ ее, подлый!

Со всей силой я оторвалъ отъ себя эту женщину, зажалъ ей ротъ рукой и сказалъ:

— Клянусь тебѣ пречистымъ тѣломъ Христовымъ,—сестра Марія умерла не отъ моей руки, но тебя я убью подлинно, если ты будешь кричать!

Послѣ этого я отшвырнулъ ее отъ себя, и монахиня, упавъ на земь, начала тихо плакать, а мы съ Михелемъ поспѣшно пошли черезъ пустынный дворъ къ выходнымъ воротамъ, которыя намъ другая привратница открыла молча и безъ промедленія. Когда же мы оказались внѣ монастыря, Михель спросилъ меня:

— Стало быть, дѣло наше не удалось?

Я отвѣтилъ:

— Да, дѣло не удалось, но въ лагерь я не вернусь. Скажи графу, что я ѣду въ замокъ и буду его ждать тамъ.

Михель не возразилъ мнѣ ни слова, но проводилъ меня до косогора, гдѣ насъ ждали лошади, и помогъ мнѣ сѣсть въ сѣдло, а я на прощаніе далъ ему золотой пистоль, сказавъ:

— Ты знаешь, Михель, я не богатъ, но мнѣ хочется наградить тебя, такъ какъ изъ-за меня ты подвергался смертельной опасности. Если бы насъ застали въ монастырѣ, итти бы намъ обоимъ на костеръ.

Только послѣ этого я могъ, наконецъ, дать коню шпоры, погнать его въ ночь и снова быть безъ людей, наединѣ съ собой, что тогда было мнѣ такъ же нужно, какъ дельфину дышать на поверхности воды. Точнаго пути въ земли графа я не зналъ, но, направивъ лошадь приблизительно по направленію къ замку, я бросилъ поводья и позволилъ ей бѣжать по лугамъ, оврагамъ и буераками. Ни о чемъ опредѣленномъ я не думалъ въ тотъ часъ, но одно сознаніе со всей полнотой владѣло моей онѣмѣвшей душой: что на всей землѣ, со всѣми ея странами, морями, рѣками, горами и селеніями, — я снова одинокъ. Порой еще вспоминалось мнѣ ярко лицо Ренаты, искаженное предсмертнымъ боренемъ, и при мысли, что, уже навѣрное, мнѣ не видѣть его никогда больше, я стоналъ горестно въ молчаніи темныхъ полей, и птицы, испуганныя внезапнымъ звукомъ, взлетали вдругъ со своихъ гнѣздъ и кружились около меня.

Когда стало свѣтать, я разобрался въ дорогахъ и, выѣхавъ на настоящій путь, къ часу ранней обѣдни добрался до замка Велленъ. Люди замка были удивлены моимъ неурочнымъ появленіемъ, притомъ отдѣльно отъ графа, и заподозрѣли меня въ какомъ-то преступленіи, хотя мое возвращеніе и противорѣчило такому нелѣпому предположенію,—но въ концѣ концовъ меня впустили и позволили мнѣ занять мою комнату. Тамъ, истомленный двадцатью четырьмя часами, проведенными безъ сна, въ теченіе которыхъ я пережилъ цѣлую жизнь надеждъ, отчаянья, ужаса и скорби, я бросился въ постель и проспалъ до позднихъ сумерекъ. Вечеромъ, сама графиня, преодолѣвъ свое ко мнѣ пренебреженіе, призвала меня въ свою комнату и разспрашивала о нашей поѣздкѣ съ Архіепископомъ и о поводахъ къ моему возвращенію, но я чувствовалъ себя еще такъ плохо, что не могъ сочинить правдоподобной исторіи, и она, кажется, сочла меня за человѣка, потерявшаго разсудокъ.

На слѣдующій день всѣ въ замкѣ обращались со мной съ какой-то опасливой осторожностью и, можетъ быть, въ концѣ концовъ сочли бы необходимымъ посадить на цѣпь, если бы на склонѣ дня не пріѣхалъ графъ.

Графу я обрадовался, какъ родному, и, когда мы остались наединѣ, откровенно разсказалъ ему все, что пережилъ въ подземельи,—онъ же сообщилъ мнѣ, что произошло въ монастырѣ послѣ моего отъѣзда. По его словамъ, когда Ренату нашли въ тюрьмѣ мертвой, никто не усомнился, что ее умертвилъ Дьяволъ, и это послужило новой уликой противъ нея и ея подругъ. Братъ Ѳома, нисколько не считая дѣло поконченнымъ, тотчасъ привлекъ къ допросу многихъ другихъ сестеръ, которыхъ, на его взглядъ, можно было заподозрѣть въ сношеніяхъ съ демонами, и всѣ онѣ, подвергнутыя первой пыткѣ, поспѣшили взвести на себя самыя гибельныя обвиненія. По показаніямъ сестеръ, весь монастырь и сама благочестивая мать Марта грѣшны были въ страшныхъ преступленіяхъ, въ пактѣ съ Дьяволомъ, въ полетахъ на шабашъ, въ служеніи черной мессы и всемъ подобномъ. Словно многокольчатый змѣй, стало развертываться обвиненіе, и легко можно было ожидать, что наши имена, графа, мое и Михеля, будутъ впутаны въ это слѣдствіе.

— Я нарочно поспѣшилъ сюда, чтобы предупредить тебя, Рупрехтъ, — сказалъ въ заключеніе графъ. — Конечно, можетъ грозить обвиненіе и мнѣ, но врядъ ли этотъ презрѣнный Терситъ, Ѳома, посмѣетъ угрожать мнѣ прямо. Во всякомъ случаѣ обо мнѣ не безпокойся, и знай, что я, помня завѣты Цицерона въ его разсужденіи «De amitia», не раскаиваюсь нисколько, что пришелъ къ тебѣ на помощь. Ты же можешь поплатиться жестоко за наши ночныя похожденія, тѣмъ болѣе, что твой побѣгъ служитъ противъ тебя важной уликой. Итакъ, я совѣтую тебѣ: немедля покинуть этотъ край и на время перемѣнить имя.

Я, разумѣется, не замедлилъ поблагодарить графа за его постоянныя заботы обо мнѣ и отвѣтилъ, что его совѣтъ совпадаетъ съ моимъ рѣшеніемъ, какъ въ дѣйствительности и было. Тутъ же графъ предложилъ мнѣ нѣкоторую сумму денегъ, какъ въ воз-

награжденіе за мои труды секретаря, такъ и просто въ видѣ дружескаго подарка, но я предпочелъ отказаться, такъ какъ безъ того во многомъ стоялъ въ зависимости отъ графа и это меня тяготило. Тогда графъ, заплакавъ, обнялъ меня и поцѣловалъ, и хотя этотъ поцѣлуй былъ данъ мнѣ не какъ отъ равнаго равному, но какъ милость или какъ любезность, однако, я вспоминаю его съ радостью, ибо всѣ свои поступки графъ совершалъ безъ лукавства, съ простодушіемъ, какъ дитя.

Рано утромъ на слѣдующій день я окончательно покинулъ замокъ фонъ-Велленъ и до Аденау ѣхалъ на лошади графа. Дальше я отправился пѣшкомъ, и на вопросы о томъ, кто я, сталъ отвѣчать, что я—бывшій ландскнехтъ, пробираюсь на родину, а что зовутъ меня Бернардъ. Путь свой я направлялъ на югъ, потому что хотѣлось мнѣ непремѣнно посѣтить свой родной Лозгеймъ, отъ котораго я былъ уже такъ близко, и послѣ трехдневнаго путешествія я добрался до хорошо мнѣ знакомыхъ съ дѣтства, зеленыхъ склоновъ Гохвальда.

Ночь я провелъ въ гостиницѣ «Halber Mond», лежащей подъ самымъ Лозгеймомъ, и, разспросивъ осторожно хозяина, успѣлъ узнать, возблагодаривъ за то Создателя, что мой отецъ и моя мать живы, что мои сестры и братья живутъ счастливо и зажиточно, и что меня всѣ считаютъ погибшимъ во время Итальянскаго похода. На зарѣ, тропинкой, изученной мной еще мальчикомъ, пошелъ я къ родному городу, котораго не видалъ девять лѣтъ, о которомъ вспоминалъ я, какъ о сказкѣ, слышанной въ дѣтствѣ, но который представлялъ я съ такой отчетливостью, словно наканунѣ еще обошелъ его весь. Если сильно было мое волненіе, когда вновь, послѣ бродяжничества за Океаномъ, увидѣлъ я издали съ барки очертанія города Кельна, то теперь обликъ родныхъ стѣнъ, сызмала знакомыхъ черепитчатыхъ крышъ былъ для моей измученной, незащищенной никакимъ щитомъ, души—ударомъ слишкомъ мощнымъ, и я долженъ былъ, присѣвъ на одномъ изъ дорожныхъ камней, пережидать, пока успокоится мое сердце, ибо одно время не въ силахъ былъ ступить шагу.

Я не хотѣлъ входить въ городъ, потому что не хотѣлъ

явиться передъ родителями, какъ блудный сынъ въ Евангеліи, нищимъ и несчастнымъ: для меня это было бы мучительнымъ стыдомъ, а имъ лишь принесло бы лишнюю скорбь, такъ что лучшимъ было оставить ихъ въ увѣренности, что меня нѣтъ въ живыхъ, съ чѣмъ они давно примирились. Но мнѣ настоятельно хотѣлось видѣть нашъ домъ, въ которомъ я родился, прожилъ дѣтство и годы юности,—и мнѣ казалось, что видъ этого стараго домика будетъ для моей души какъ нѣкое укрѣпляющее питье, которое дастъ мнѣ силы начать новую жизнь. Поэтому, уклонившись съ большой дороги, взобрался я на крутой косогоръ, подымающійся сзади селенія,—мѣсто, куда по вечерамъ ходятъ влюбленныя пары, но которое было совершенно пустынно въ тотъ ранній часъ и откуда я могъ видѣть и весь Лозгеймъ, и особенно нашъ домикъ, стоящій у самой горы. Прилегши на землю, я, съ жадностью пьяницы, глядящаго на вино, всматривался въ безлюдныя улицы, въ дома, хозяевъ которыхъ могъ перечислить по именамъ, въ домикъ аптекаря, гдѣ прежде жилъ мой Фридрихъ, о судьбѣ котораго трактирщикъ не сумѣлъ мнѣ сообщить ничего, въ густые сады, въ строгія линіи большой церкви,—и потомъ вновь переводилъ глаза на родной домъ, на эту кладку камней, дорогую мнѣ, какъ живое существо. Я разбиралъ подробно всѣ измѣненія, какія причинили годы нашему жилищу: видѣлъ, что широко разрослись деревья въ нашемъ саду; отмѣтилъ, что покривилась крыша и чуть-чуть покосились стѣны; усмотрѣлъ, что въ окнахъ перемѣнились занавѣски; я возстанавливалъ въ памяти расположеніе мебели въ комнатахъ и старался угадать, что тамъ стоитъ новаго и что изъ стараго исчезло; и я не замѣчалъ, что проходило время, что по селенію задвигались люди, и что солнце, поднявшись надъ горизонтомъ, уже начало палить меня сильно.

Вдругъ растворилась дверь нашего дома,—на порогѣ появилась сначала сгорбленная старушка, а за ней дряхлый, но еще бодрящійся старикъ: то были отецъ и мать, которыхъ я не могъ не узнать, несмотря на разстояніе, и по чертамъ лица и по походкѣ. Сойдя съ крыльца, говоря о чемъ-то другъ съ другомъ, они сѣли на скамеечкѣ у дома, грѣя свои старыя спины

въ теплѣ восходящаго солнца. Я—бродяга, прячущійся за окраинами города, я—неудачный ландскнехтъ, неудачный морякъ и искатель золота, избороздившій лѣса Новой Испаніи, я— грѣшникъ, продавшій душу Дьяволу, коснувшійся несказаннаго счастія и впавшій въ бездну послѣдняго отчаянья, я—сынъ этихъ двухъ стариковъ, — смотрѣлъ на нихъ украдкою, воровски, не смѣя стать передъ ними на колѣни, поцѣловать ихъ сморщенныя руки, просить ихъ благословенія. Никогда въ жизни не испытывалъ я такого наплыва сыновней любви, какъ въ ту минуту, сознавая, что отецъ и мать—это два единственныхъ въ мірѣ человѣка, которымъ есть до меня дѣло, которымъ я не чужой, —и все время пока двѣ маленькія, сгорбленныя фигурки сидѣли у крыльца, о чемъ-то бесѣдуя, можетъ быть, обо мнѣ, я не отрывалъ отъ нихъ глазъ, насыщая свой взглядъ давно не виданной мною картиной домашняго счастья. А когда старики поднялись и, тихо двигаясь, вернулись въ домъ, когда затворилась за ними наша старая, покосившаяся дверь, — я поцѣловалъ, вмѣсто нихъ, родную землю, всталъ, и, не оборачиваясь, пошелъ прочь.

Въ тотъ же день я былъ уже въ Мерингѣ.

Цѣлью моей было вернуться въ Новую Испанію, но у меня не было достаточно денегъ, чтобы совершить на свой счетъ это далекое путешествіе. Поэтому въ имперскомъ городѣ Страсбургѣ поступилъ я, все подъ именемъ Бернарда, въ одинъ торговый домъ, который разсылалъ своихъ служащихъ по разнымъ странамъ и охотно принялъ меня на службу за мое знаніе нѣсколькихъ языковъ и умѣніе владѣть шпагой. Какъ купеческій приказчикъ, прожилъ я около трехъ мѣсяцевъ, и разсказъ о двухъ встрѣчахъ, случившихся со мною за это время, необходимо еще присоединить къ этой правдивой повѣсти.

Мы посланы были въ Савойю покупать шелка, и путь намъ лежалъ черезъ Западные Альпы на городъ Женеву. Какъ извѣстно, на альпійскихъ дорогахъ встрѣчается множество затруднительныхъ переправъ черезъ горные потоки, которые намъ причиняли особенно много хлопотъ по причинѣ сильныхъ дождей, что прошли незадолго до нашего пріѣзда, обративъ

ручьи въ свирѣпыя рѣки и снеся во многихъ мѣстахъ мосты. Передъ однимъ изъ такихъ потоковъ довелось намъ особенно долго промѣшкать, такъ какъ его невозможно было взять въ бродъ, и намъ съ нашими проводниками пришлось наводить временный мостъ. Одновременно съ нами о томъ же хлопотали проводники двухъ другихъ путешественниковъ, ѣхавшихъ въ противоположномъ направленіи и стоявшихъ передъ нами на другомъ берегу потока. Въ то время какъ мы были одѣты весьма просто, что и подобало купцамъ, ѣдущимъ по торговымъ дѣламъ, плащи и шляпы тѣхъ двухъ путешественниковъ обличали ихъ знатное происхожденіе, и, сообразно съ этимъ, они не вмѣшивались въ работу, гордо ожидая въ сторонѣ ея окончанія.

Однако, когда переходъ былъ устроенъ, знатные синьоры, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, непремѣнно хотѣли переѣхать первыми, и по этому поводу произошелъ гнѣвный споръ между ними и моими товарищами, хотя я и уговаривалъ ихъ не придавать значенія такому мелочному обстоятельству. Споръ могъ перейти въ вооруженную стычку, но, по счастію, второй изъ рыцарей убѣдилъ своего спутника уступить намъ, и нашъ маленькій караванъ первый, съ побѣдными кликами, перешелъ самъ и перевелъ лошадей по положеннымъ бревнамъ. Оказавшись на другой сторонѣ, я счелъ умѣстнымъ поблагодарить рыцаря, который своей учтивостью и благоразуміемъ избавилъ насъ отъ неумѣстной битвы, но, когда я приблизился къ нему, съ изумленіемъ и волненіемъ узналъ я въ немъ графа Генриха, а въ его сотоварищѣ Люціана Штейна.

Первую минуту показалось мнѣ, что вижу я передъ собой выходца изъ могилы,—такъ далека отъ меня была моя прошлая жизнь, и я не могъ ни говорить, ни двигаться, какъ зачарованный.

Графъ Генрихъ тоже всматривался нѣсколько мгновеній въ мое лицо молча и, наконецъ, сказалъ:

— Я узналъ васъ, господинъ Рупрехтъ, и отъ души радъ, что ударъ моей шпаги не былъ для васъ смертельнымъ. У меня не было причинъ убивать васъ и мнѣ было бы тяжело носить на душѣ вашу смерть.

Я отвѣтилъ:

— А я долженъ сказать вамъ, графъ, что во мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго злого чувства противъ васъ. Это я вызвалъ васъ и принудилъ къ поединку; нанося мнѣ ударъ, вы только защищались, и Богъ не поставитъ вамъ его въ счетъ.

Послѣ этого одинъ мигъ мы молчали, а потомъ, съ внезапнымъ порывомъ, даже весь качнувшись въ сѣдлѣ, графъ Генрихъ вдругъ сказалъ мнѣ, какъ говорятъ лишь человѣку близкому:

— Скажите *ей*, что я жестоко искупилъ все, въ чемъ виноватъ передъ ней. Всѣ страданія, какія я ей причинилъ, Богъ заставитъ испытать и меня. И я вѣрно знаю, что страдаю за нее.

Я понялъ, кого графъ Генрихъ не хотѣлъ назвать по имени, и отвѣтилъ строго и тихо:

— Ренатъ болѣе нѣтъ въ живыхъ.

Графъ Генрихъ снова вздрогнулъ, и, уронивъ поводья, закрылъ лицо руками. Потомъ онъ поднялъ на меня свои большіе глаза и спросилъ возбужденно:

— Она умерла? Скажите мнѣ, какъ она умерла?

Но, вдругъ прервавъ самого себя, онъ возразилъ:

— Нѣтъ, не говорите мнѣ ничего. Прощайте, господинъ Рупрехтъ.

Повернувъ лошадь, онъ направилъ ее на временный мостъ и скоро уже былъ на другой сторонѣ ревучаго потока, гдѣ его ждали проводники и Люціанъ, а я поскакалъ догонять своихъ сотоварищей, ушедшихъ далеко впередъ по горной, вьющейся дорогѣ.

Въ Савойѣ пробыли мы три недѣли и, закупивъ товару, сколько намъ было нужно, рѣшили возвратиться черезъ Дофинэ, гдѣ можно было сходно пріобрѣсти бархатъ, которымъ его города славятся, и съ этой цѣлью изъ Турина мы поѣхали въ Сузу, а изъ Сузы въ Гренобль, направляясь къ Лону. Въ Греноблѣ, небольшомъ, но миломъ городкѣ на Изерѣ, гдѣ мы провели больше сутокъ, ждало меня послѣднее приключеніе, имѣющее связь съ разсказанной мною исторіей. Ибо, когда утромъ, безъ особаго дѣла, бродилъ я по городу, осматривая его церкви

и просто виды его улицъ, внезапно кто-то окликнулъ меня, на нашемъ языкѣ, по имени, и я, обернувшись, долго не могъ признать заговорившаго со мной, потому что его менѣе всякаго другого ожидалъ я повстрѣчать въ этой странѣ, и только когда онъ себя назвалъ, увидѣлъ я, что это точно ученикъ Агриппы Неттесгеймскаго, Аврелій.

Когда я спросилъ Аврелія, по какой причинѣ онъ находится здѣсь, въ отвѣтъ онъ высыпалъ передо мной цѣлый коробъ жалобъ.

— Ахъ, господинъ Рупрехтъ, -говорилъ онъ,—для насъ настали очень плохіе дни! Учитель, покинувъ городъ Боннъ, думалъ-было поселиться въ Лонѣ, гдѣ онъ и прежде жилъ и гдѣ у него есть родственники и покровители. Но, внезапно, тамъ его схватили и бросили въ тюрьму, пятидесятилѣтняго старика, безъ объясненія причинъ, безъ всякой вины съ его стороны, кажется потому только, что въ его сочиненіяхъ есть нападки на Каиаповъ! Правда, по ходатайству вліятельныхъ друзей, его скоро выпустили, но многаго изъ имущества ему не возвратили, да и самъ онъ, какъ человѣкъ старый и хворый, занемогъ. Изъ Лона переѣхали мы налегкѣ сюда, но учитель совсѣмъ слегъ въ постель, вотъ не встаетъ который день, и ему очень худо. Еще, благодареніе Господу, что принялъ въ насъ участіе одинъ изъ здѣшнихъ видныхъ людей, господинъ Франсуа де Ватонъ, президентъ парламента,—онъ далъ намъ пріютъ и пропитаніе, а то у насъ рѣшительно хлѣба не на что было бы купить!

Я спросилъ, можно ли мнѣ посѣтить Агриппу, и Аврелій отвѣтилъ:

— Разумѣется, можно, да и пора мнѣ вернуться, такъ какъ боюсь я надолго покидать учителя.

Аврелій повелъ меня по направленію къ Изеру, по пути продолжая жаловаться на несправедливость и неблагодарность людей и, между прочимъ, горько упрекая моего пріятеля Іоганна Вейера, который передъ отъѣздомъ Агриппы въ Дофинэ покинулъ учителя и въ настоящее время жилъ благополучно въ Парижѣ. На углу набережной и другой улицы стоялъ невысокій,

старинный домъ, украшенный, впрочемъ, какимъ-то гербомъ, высѣченнымъ изъ камня,—и это было жилище, которое занималъ теперь, изъ милости, Агриппа Неттесгеймскій. Едва мы вошли въ сѣни, какъ навстрѣчу намъ вышелъ Августинъ, весь въ слезахъ, что плохо шло къ его широкому, круглому лицу, и, забывъ даже поздороваться со мной, извѣстилъ, что учителю совсѣмъ плохо.

На цыпочкахъ прошли мы въ комнату, гдѣ на широкой супружеской кровати, подъ балдахиномъ, въ неудобномъ положеніи, лежалъ, неподвижно протянувъ руки вдоль тѣла, великій чародѣй, уже похожій на мертвеца, ибо черты лица его обострились, а борода была давно небрита и казалась отросшей послѣ смерти. Вокругъ кровати въ скорбномъ молчаніи стояли ученики, слуги и сыновья Агриппы, а также и два-три лица, мнѣ незнакомыхъ, такъ что всего, я думаю, было тутъ, считая со мной, человѣкъ десять или одиннадцать. Около самой постели сидѣла на заднихъ лапахъ, положивъ уныло морду на одѣяло, большая черная собака, съ мохнатою шерстью, та, которую Агриппа называлъ Monsieur. Вся обстановка комнаты производила впечатлѣніе временнаго привала, потому что среди мебели, оставленной, повидимому, владѣльцемъ дома, вездѣ видѣлись вещи Агриппы и, между прочимъ, повсюду были разбросаны книги.

Собравшіеся шопотомъ обмѣнивались между собой различными замѣчаніями, но я не могъ понять, что говорили люди, мнѣ незнакомые, такъ какъ они бесѣдовали на французскомъ языкѣ. Я слышалъ только, какъ Эммануэль сказалъ Аврелію, что во время его отсутствія былъ приглашенъ священникъ, что Агриппа былъ тогда въ сознаніи, исповѣдался и причастился Святыхъ Тайнъ, и велъ себя при этомъ таинствѣ, по словамъ духовника, «какъ святой»,—что меня поразило очень. Съ своей стороны, я спросилъ у Эммануэля, навѣщалъ ли Агриппу медикъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что неоднократно, и что всѣ мѣры, предписываемыя врачебнымъ искусствомъ, были своевременно приняты, но что никакой надежды на спасеніе сохранять невозможно, и что смерть уже поставила свою косу у изголовья этой постели.

Я думаю, болѣе получаса провели мы въ томительномъ ожиданіи, причемъ Агриппа не измѣнялъ своего положенія и не двинулся ни однимъ членомъ, и только хриплое его дыханіе свидѣтельствовало, что онъ еще живъ, и я уже собирался, хотя бы временно, вернуться къ своимъ сотоварищамъ и сообщить имъ, гдѣ я нахожусь,—какъ вдругъ совершилась сцена ужасная и для меня непонятная. Умирающій внезапно открылъ глаза и, обведя насъ всѣхъ взглядомъ тусклымъ, какъ бы ничего не видящимъ, отъ котораго всѣ мы оцѣпенѣли, остановилъ его на собакѣ, сидящей около кровати. Потомъ, костлявая, совершенно пожелтѣвшая и у краевъ пальцевъ даже почернѣвшая рука отдѣлилась отъ одѣяла, нѣкоторое время колыхалась безсильно въ воздухѣ, какъ если бы она уже не повиновалась волѣ человѣка, и медленно опустилась на шею собаки. Замеревъ въ непонятномъ ужасѣ, видѣли мы, какъ Агриппа силился разстегнуть ошейникъ, исписанный кабалистическими письменами, какъ, наконецъ, достигъ этого, и звяканье ошейника, упавшаго на полъ, потрясло насъ содроганіемъ, какъ самая страшная угроза. Въ ту же минуту склеенныя губы Агриппы, во всемъ подобныя губамъ трупа, раздѣлились, и сквозь тяжкій хрипъ умирающаго мы отчетливо услыхали произнесенными слѣдующія слова:

— Поди прочь, Проклятый! Отъ тебя всѣ мои несчастія!

Проговоривъ это, Агриппа снова остался неподвиженъ, сомкнувъ уста и закрывъ глаза, а рука его, которой онъ разстегнулъ ошейникъ, свисла съ постели, какъ восковая, но мы еще не успѣли сообразить смысла услышанныхъ словъ, какъ другое удивительное явленіе привлекло наше вниманіе. Черная собака, съ которой хозяинъ снялъ магическій ошейникъ, вскочила, низко наклонила голову, опустила хвостъ между ногъ и побѣжала прочь изъ комнаты. Нѣсколько мгновеній мы не знали, что дѣлать, но потомъ нѣкоторые, и я въ томъ числѣ, повинуясь неодолимому любопытству, бросились къ окну, выходившему на набережную. Мы увидѣли, что Monsieur, выбѣжавъ изъ двери дома, продолжалъ бѣжать, сохраняя свою униженную повадку, по улицѣ, добѣжалъ до самаго берега рѣки, со всего разбѣга кинулся въ воду и болѣе не появлялся на поверхности.

И я, и всѣ другіе свидѣтели этого единственнаго самоубійства, не могли, конечно, не вспомнить таинственныхъ розсказней, которыя ходили объ этой собакѣ, а именно, что это, не кто иной, какъ домашній демонъ, услугами котораго Агриппа пользовался, уступивъ въ обмѣнъ Дьяволу спасеніе своей души. Меня особенно поразили предсмертныя слова Агриппы и все его поведеніе въ виду того суроваго осужденія магіи, которое онъ когда-то произнесъ передо мною, осмѣивая лже-маговъ, занимающихся гостейей, и называя ихъ фокусниками и шарлатанами. На краткій мигъ, словно при бѣглой вспышкѣ молніи, увидѣлъ я Агриппу, хотя на смертномъ одрѣ, тѣмъ таинственнымъ чародѣемъ, живущимъ иной жизнью, нежели другіе люди, какимъ изображаетъ его народная молва. Но въ ту минуту мнѣ не было времени задумываться надъ такими вопросами, потому что горестныя восклицанія лицъ, оставшихся близъ постели умирающаго, извѣстили насъ, что его страданія кончились.

Тотчасъ вокругъ началось обычное волненіе, какое создаетъ въ нашей жизни смерть, всегда падающая словно тяжелый камень въ стоячую воду,—и одни изъ учениковъ, плача, цѣловали руки почившему учителю, другіе заботились закрыть ему глаза, третьи спѣшили позвать какихъ-то женщинъ, чтобы омыть и убрать тѣло покойнаго. Скоро комната стала наполняться множествомъ людей, пришедшихъ взглянуть на умершаго мага, а я воспользовался общей суетней и незамѣтно удалился изъ дома, въ которомъ былъ теперь лишнимъ. Своимъ спутникамъ, знавшихъ меня за добраго товарища Бернарда, я, конечно, ничего не сказалъ о видѣнномъ мною, и въ тотъ же день вечеромъ мы выѣхали изъ города Гренобля.

Вернувшись въ Страсбургъ, я получилъ на свою долю сумму денегъ, достаточную, чтобы на свой страхъ предпринять путешествіе въ Испанію, и совершилъ его, въ глухую зиму, безъ особыхъ происшествій, черезъ всю Францію. На испанской землѣ почувствовалъ я себя словно на второй своей родинѣ, и въ Бильбао безъ особаго труда нашелъ лицъ, которымъ мое имя было не совсѣмъ незнакомо и которые согласились присоединить меня, какъ человѣка опытнаго и смѣльнаго, къ замыш

ленной ими экспедиціи въ Новый Свѣтъ,—а именно на сѣверъ отъ страны Флориды, вверхъ по теченію рѣки Святого Духа, гдѣ счастливымъ искателямъ удавалось открыть цѣлыя розсыпи золота. Такимъ образомъ, мои скромные планы осуществились и весной, съ первыми отплывающими карвелами, наше судно, отправится за океанъ.

Мѣсяцы вынужденнаго бездѣйствія, пока нашъ корабль грузится, пока собирается для него экипажъ, и зимніе вѣтры дѣлаютъ опаснымъ плаваніе въ открытомъ морѣ, я посвятилъ составленію этихъ правдивыхъ записокъ,—мучительный трудъ, въ который вкладываю я нынѣ послѣднюю скрѣпу. Не мнѣ судить, съ какимъ искусствомъ удалось мнѣ пересказать тебѣ, благосклонный читатель, всѣ тѣ жестокія мучительства и тѣ тягостныя испытанія, въ какія вовлекла меня неудержная страсть къ женщинѣ, и не мнѣ оцѣнивать, могутъ ли эти записки быть полезнымъ предостереженіемъ для слабыхъ душъ, которыя, подобно мнѣ, захотятъ почерпать силы въ черныхъ и сомнительныхъ колодцахъ магіи и демономантіи. Во всякомъ случаѣ я писалъ свою повѣсть со всей откровенностью, выставляя людей такими, каковыми они мнѣ представлялись, и не щадя себя самого, когда надо было изобразить свои слабости и недостатки, а также не утаивалъ я ничего изъ тѣхъ знаній, какія получилъ о тайныхъ наукахъ изъ прочитанныхъ мною книгъ, изъ своего несчастнаго опыта и изъ рѣчей ученыхъ, съ которыми сближали меня случайности моей судьбы.

Не желая лгать въ послѣднихъ строкахъ своего разсказа, скажу, что если бы жизнь моя вернулась на полтора года назадъ, и вновь на Дюссельдорфской дорогѣ ждала меня встрѣча со странной женщиной,—можетъ быть, вновь совершилъ бы я всѣ тѣ же безумства и вновь передъ трономъ Дьявола отрекся бы отъ вѣчнаго спасенія, потому что и понынѣ, когда Ренаты уже нѣтъ, въ душѣ моей, какъ обжигающій уголь, живетъ непобѣдимая любовь къ ней, и воспоминаніе о недѣляхъ нашего счастія въ Кельнѣ наполняетъ меня тоской и томленіемъ, ненасыщенной и ненасытимой жаждой ея ласкъ и ея близости. Но со строгой увѣренностью могу я здѣсь дать клятву, передъ

своей совѣстью, что въ будущемъ не отдамъ я никогда, такъ богохульственно, безсмертной души своей, вложенной въ меня Создателемъ,— во власть одного изъ его созданій, какой бы соблазнительной формой оно ни было облечено, и что никогда, какъ бы ни были тягостны обстоятельства моей жизни, не обращусь я къ содѣйствію осужденныхъ Церковью гаданій и запретныхъ знаній, и не попытаюсь переступить священную грань, отдѣляющую нашъ міръ отъ темной области, гдѣ витаютъ духи и демоны. Господь Богъ нашъ, видящій все и глубины сердечныя, знаетъ всю чистоту моей клятвы. Аминь.

КОНЕЦЪ ПОВѢСТИ.

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПІОНЪ»
НОЯБРЬ 1908 ГОДА.

I. СТИХИ

Ю. Балтрушайтисъ. Жатва Дня. Печатается.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I (Подъ сѣвернымъ Небомъ, Въ безбрежности, Тишина). М. 1908 г. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Томъ II (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IV, V, VI, VIII, IX готовятся къ печати.

Томъ VII (Жаръ Птица) Фронтиспись К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ временъ) М. 1909. Ц. 1 р.

Александръ Блокъ. Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Стихи 1892—1907 г.

Томъ I. Стихи 1892-1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse, Tertia Vigilia). М. 1905 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902-1905 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1906-1908 гг. (Всѣ Напѣвы). Печатается.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верэнъ. Гимны, пѣсни, исповѣди. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Печатается.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, работы Т. ванъ Риссельберга. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Юрій Верховскій. Первая книга стиховъ. М. 1906. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Выйдетъ въ ноябрѣ.

М. Кузминъ. Сѣти Первая книга стиховъ Обложка Н. Феофилак
това М. 1908 Ц 1 р. 50 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, с
портретомъ автора и предисл Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц 2 р

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. М 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ Тюремная баллада (Баллада Рединской тюр
мы). Пер размѣромъ подлинника К. Бальмонта. М. 1904 г. Ц. 50 к

II РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ
частяхъ. М. 1904 г. Ц 75 к

Андрей Бѣлый. Четвертая симфонія. Кубокъ метелей. М. 1908. Ц
1 р 50 к.

Валерій Брюсовъ Земная ось. Разсказы и драматическія сцены. М
1907 Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жи
ни XVI в. Части I и II М. 1908 г. Ц 3 р.

Кнутъ Гамсунъ. Сѣста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаг
С. А. Полякова М. 1900 г. Ц. 1 р.

М. Кузминъ. Разсказы 2 тома. Готовятся къ печати.

Жигадловъ. Облака Поэма въ прозѣ Обложка Н. Феофилактова. М
1905 г. Ц. 65 к.

Эдгаръ По Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д Бальмонт
Томъ I. Поэмы. сказки. Печатается второе изданіе.
Томъ II. Разсказы, статьи. М 1905. Ц. 1 р 30 к.
Томъ III. Страшные разсказы, гротески. Печатается.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.
Книга I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер М. Семен
ва Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Феофилактова Ц. 2 р. 40
Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сын
Земли (романъ въ 3 ч.) и др. Пер М. Семенова, Е Тропо
скаго и С. Полякова М 1905 г. Обложка Е. Надельман
Ц 2 р. 40 к.
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Феоф
лактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Г
родъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семено
и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 1 р.
Книга V. Статьи. Печатается.

Ст. Пшибышевскій Сыны Земли. Романъ Пер. Е. Троповскаго М. 1905 г. Ц. 50 к.

Федоръ Сологубъ Жало Смерти. (Шесть разсказовъ). М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи „Мертвый Городъ", „Джіоконда". „Слава". Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Печатается.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1907 г. Ц. 50 к.

А. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Феофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

З. Красинскій. Небожественная комедія. Переводъ А. Куреинскаго. Изд. 2-е. М. 1906 г. Ц. 60 к.

Шарль Ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Феофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль Ванъ-Лербергъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и Стихи. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка. М. 1908. Ц. 1. р.

Ст. Пшибышевскій Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. М. 1907. Ц. 1 р.

Оскаръ Уайльдъ Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ М. Ликіардопуло и А. Куреинскаго. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ", „Подруга", „Зеленый попугай"). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1909 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Изслѣдованіе. М. 1907. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Арабески. Сборникъ статей по теоріи символизма. Печатается.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

И. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Д. С. Мережковскій. Гоголь и чортъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 1 р. 80 к.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арт. Симонсъ и Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Авторизов. перев. М. Ликиардопуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Печатается.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка А. Сомова. М. 1904 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три Разцвѣта", драма К. Бальмонта, „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова, „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова, стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппиусъ, М. Кривицкаго, Ю. Череды и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

VI. АЛЬБОМЫ.

Н. Ѳеофилактовъ. 65 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, черной и трехцвѣтной автотипіей). М. 1906 г. Ц. 3 р.

РАСПРОДАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ Солнце. Обложка Фидуса. М. 1903 г.

Валерій Брюсовъ. Tertia Vigilia. Стихи 1897—1900 гг. М. 1901 г.

Валерій Брюсовъ. Urbi et Orbi. Стихи. 1900—1903 гг. М. 1904 г.

Валерій Брюсовъ. Stephanos. Стихи. 1904—1906 гг. М. 1906

Андрей Бѣлый. Симфонія. (2-я, драматическая). М. 1902

А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловіе Валерія Брюсова и Ив. Коневского. М. 1900 г.

Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Пер. С. Полякова. М. 1902 г.

Генрихъ Ибсенъ. Когда мы, мертвые, проснемся. Пер. съ норвежскаго С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса. Изд. I и II. М. 1900 г.

Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ И. Рачинскій. М. 1904 г.

М. Кузминъ. Крылья. М. 1907. Изд. I и II.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.

М. Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. М. 1904 г.

А. Л. Миропольскій. Лѣствица. М. 1902 г.

Э. По. Разсказы и стихи. Т. I. М. 1901 г.

Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ" высылаетъ всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (**Москва, Театральная площадь. д. Метрополь, кв. 23**), свои изданія, **принимая почтовые расходы на свой счетъ.** Но расходы по наложенію платежа гг. покупатели должны принимать на себя.

Гг. подписчики „Вѣсовъ" пользуются скидкой отъ 15% до 50% со всѣхъ изданій к-ва „Скорпіонъ", кромѣ изданныхъ въ небольшомъ количествѣ.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ" и редакціи журнала „Вѣсы": **Москва, Театральная пл., д. „Метрополь", кв. 23.** (Телеф. 50-89).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ

«ВѢСЫ»

1909. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.

Въ „Вѣсахъ" принимаютъ участіе: С. Ауслендеръ, В. Бакулинъ, Ю. Балтрушайтисъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, З. Гиппіусъ, Рене Гиль, В. Гофманъ, И. Грабарь, Н. Гумилевъ, Реми де Гурмонъ, С. Ешбоевъ, Вячеславъ Ивановъ, А. Кириловъ, А. Кондратьевъ, М. Кузминъ, Н. Лернеръ, М. Ликіардопуло, А. Лютеръ, Д. Мережковскій, Н. Минскій, Дж. Папини, Н. Петровская, Николай Поповъ, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, Б. Садовской, Ѳ. Сологубъ, К. Чуковскій, Максимиліанъ Шикъ, Эллисъ, П. Эттингеръ и др.

„Вѣсы" выходятъ 12 разъ въ годъ, въ концѣ каждаго мѣсяца, тетрадями въ 100 страницъ и болѣе, съ рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Условія подписки. **Годъ** съ доставкой и пересылкой по всей Россіи—**пять** рублей, полгода — **три** р.; за границу годъ **семь** р. Адресъ главной конторы: Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23. Телефонъ 50—89.

Подробные проспекты высылаются безплатно.

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ II ЧАСТИ.

Стр.

Глава XI. Какъ я жилъ безъ Рената и какъ я встрѣтился съ докторомъ Фаустомъ 1

Глава XII. Какъ путешествовалъ я съ докторомъ Фаустомъ и какъ провелъ время въ замкѣ графа фонъ-Велленъ 23

Глава XIII. Какъ поступилъ я на службу къ графу фонъ-Велленъ, какъ прибылъ въ нашъ замокъ Архіепископъ Трирскій и какъ мы отправились съ нимъ въ монастырь св. Ульфа. 45

Глава XIV. Какъ Архіепископъ экзорцизмами боролся съ демонами въ монастырѣ св. Ульфа 63

Глава XV. Какъ Ренату судили подъ предсѣдательствомъ Архіепископа. 84

Глава XVI. Какъ умерла Рената, и обо всемъ, что случилось со мною послѣ ея смерти 109

Виньетки. Заттлера.

456533

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

СБОРНИКИ СТИХОВЪ.

Chefs d'Œuvre. (1894—1899 г.) . . . . . Распродано
Me eum esse. (1896—1897 г.) . . . . . Распродано
Tertia Vigilia. (1898—1900 г.) . . . . . Распродано
Urbi et Orbi. (1900—1903 г.) . . . . . Распродано
Stephanos. (1903—1905 г.) . . . . . Распродано
Пути и Перепутья. Томъ I (1892—1901 г.) . . . . . Ц. 2 р.
Пути и Перепутья. Томъ II (1901—1905 г.) . . . . . Ц. 2 р.
Всѣ напѣвы. (1906—1908 г.) . . . . . Печатается.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.

Земная ось. Разсказы. (1901—1906 г.) . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Части I и II. . . Ц. 3 р.

ПЕРЕВОДЫ.

Поль Верленъ. Романсы безъ словъ . . . . . Распродано.
Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
М. Метерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи . . . . Ц. 1 р.
Г. д'Аннунціо. Франческа да Римини. (Въ сотрудничествѣ съ Вяч. Ивановымъ) . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія . . . . Печатается.
Поль Верленъ. Собраніе стиховъ . . . . . Печатается.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

О искусствѣ. Статьи . . . . . Распродано.
Письма Пушкина и къ Пушкину . . . . . Ц. 1 р. 50 к.
Лицейскіе стихи Пушкина . . . . . Ц. 1 р.
Вѣхи. Статьи. (1900—1908 г.) . . . . . Печатается.

ТИПОГРАФІЯ О-ВА РАСПР. ПОЛ. КНИГЪ ПОКЕМЕНЕКЪ В. И. ВОРОНОВЪ, МОСКВА, Д. КН. ГАГАРИНЫ

ЧАСТЬ II.

ВѢСЫ

СКОРПІОНЪ

144

Типографія О-ва распр. полезн. книгъ, Арбат. д. Н. Пороховымъ, Москва, Д. кн. Гагар

ВѢСЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

1908. Годъ изданія пятый. 1908.

Журналъ „Вѣсы" посвященъ искусству въ широкомъ смыслѣ этого слова, понимая подъ нимъ—литературу, живопись, скульптуру, архитектуру, музыку и театръ.

Видя въ искусствѣ одно изъ высшихъ проявленій культурной жизни, „Вѣсы" не могутъ не быть сторонниками всѣхъ культурныхъ начинаній. Напротивъ, „Вѣсы" считаютъ своимъ долгомъ возставать, какъ противъ всѣхъ явленій, враждебныхъ свободному развитію духовной жизни, такъ и противъ всякаго варварства, посягающаго на культурныя цѣнности. Полагая идею культуры неотдѣлимой отъ идеи преемственности, „Вѣсы" хотятъ соединить исканія новаго съ уваженіемъ и любовью къ прошлому,—что невозможно безъ серьезнаго и глубокаго знакомства съ нимъ.

Въ наши дни самостоятельное значеніе искусства можетъ считаться общепризнаннымъ и прежніе взгляды на него, открыто ставившіе его въ подчиненное положеніе передъ общественностью, наукою, религіей и т. под., уже не требуютъ опроверженія. Точно также можетъ считаться общепризнаннымъ и такъ называемое „новое искусство", которое, въ сущности, является единственнымъ искусствомъ нашего времени. Однако, устарѣлыя сужденія нерѣдко

появляются въ литературѣ вновь, подъ какой-нибудь личиной, а вниманіе, проявленное обществомъ къ „новому искусству", привлекло въ ряды его дѣятелей не мало лицъ, къ тому совершенно не призванныхъ. „Вѣсы" ставятъ себѣ, какъ прямую цѣль, — провести разграничительную черту между истиннымъ искусствомъ и лже-искусствомъ, между творчествомъ настоящихъ художниковъ нашихъ дней и художниковъ-самозванцевъ.

„Вѣсы" въ своемъ литературномъ отдѣлѣ даютъ только произведенія чисто-художественныя, отвергая всякое полу-искусство, всѣ созданія, въ которыхъ художественность является лишь средствомъ, а въ рядѣ критическихъ статей и библіографическихъ замѣтокъ оцѣниваютъ со своей точки зрѣнія всѣ сколько-нибудь выдающіяся явленія литературы, русской и иностранной. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Вѣсовъ" принимаютъ участіе какъ та группа писателей, которая въ теченіе восьми лѣтъ образовалась вокругъ книгоиздательства „Скорпіонъ" и занимаетъ въ современной литературѣ достаточно опредѣленное положеніе, такъ и многіе дѣятели другихъ литературныхъ группъ, причемъ этотъ кругъ постоянно пополняется молодыми силами. Въ критическомъ отдѣлѣ, кромѣ русскихъ писателей, приглашены къ участію дѣятели литературъ французской, нѣмецкой, англійской, итальянской, скандинавской, польской и др., благодаря чему „Вѣсы" могутъ знакомить читателей со всѣми теченіями художественной жизни Европы одновременно съ западно-европейскими изданіями. Въ наиболѣе значительныхъ городахъ Европы, въ Парижѣ, Лондонѣ, Оксфордѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Римѣ, Флоренціи, Аѳинахъ, у „Вѣсовъ" есть свои корреспонденты.

Въ художественномъ отдѣлѣ „Вѣсы" даютъ преимущественно воспроизведенія рисунковъ, однотонныхъ и красочныхъ, русскихъ и иностранныхъ художниковъ. „Вѣсы" стремятся къ тому, чтобы помѣщаемые рисунки по возможности точно, fac-simile, воспроизводили оригиналъ. Въ каждомъ № „Вѣсы" даютъ отъ одной до четырехъ репродукцій на отдѣльныхъ листахъ, исполненныхъ гравюрой, хромо-литографіей, фототипіей, цвѣтной автотипіей и др. способами печатанія. Всѣ рисунки въ „Вѣсахъ" 1908 г. будутъ воспроизведены съ подлинниковъ, принадлежащихъ редакціи или предоставленныхъ въ ея распоряженіе авторомъ.

„Вѣсы" печатаются на лучшей бумагѣ верже, спеціально изготовленной для этого изданія, и выходятъ ежемѣсячно (12 №№ въ годъ) книжками около 100 страницъ.

Программа „Вѣсовъ" обнимаетъ:

1. Стихи, повѣсти, разсказы, романы, сказки, драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя
2. Руководящія статьи по всѣмъ вопросамъ литературы и искусствъ; биографіи и критическія характеристики писателей, художниковъ и композиторовъ.
3. Критическія и библіографическія замѣтки о новыхъ книгахъ, появляющихся на языкахъ: русскомъ, польскомъ, чешскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, норвежскомъ, шведскомъ, греческомъ и др. Обзоръ журналовъ, русскихъ и иностранныхъ.
4. Критическіе обзоры художественныхъ выставокъ, театральныхъ и музыкальныхъ исполненій въ Россіи и за-границей.
5. Хроника литературы и искусствъ.
6. Рисунки художниковъ, русскихъ и иностранныхъ.

Въ „Вѣсахъ" принимаютъ участіе:

Общій отдѣлъ: Ю. Айхенвальдъ, С. Ауслендеръ, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Эмиль Верхарнъ, Ю. Верховскій, М. Волошинъ, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, В. Гофманъ, Н. Гумилевъ, проф. Ѳ. Зѣлинскій, Вяч. Ивановъ, А. Кондратьевъ, А. Курсинскій, М. Кузминъ, Д. Мережковскій, Н. Минскій, Одинокій, Ст. Пшибышевскій, А. Ремизовъ, В. Розановъ, Ивлъ Рукавишниковъ, Б. Садовской, С. Соловьевъ, Ѳ. Сологубъ, Евг. Тарасовъ, К. Чуковскій, Эллисъ.

Библіографическій отдѣлъ: Аврелій, В. Бакулинъ, И. Бороздинъ, С. Ецбоевъ, В. Каллашъ, Антонъ Крайній, И. Лернеръ, М. Лікіардопуло, Н. Петровская, Петръ Пильскій, проф. М. Ростовцевъ, В. Саводникъ, В. Станюковичъ, проф. Б. Тураевъ, А. Ященко.

Отдѣлъ искусствъ: Лорансъ Биньонъ, Игорь Грабарь, М. Кальвакоресси, Вс. Мейерхольдъ, С. Рафаловичъ, Альдо де-Ринальдисъ, А. Ростиславовъ, П. Эттингеръ.

Французская литература: Рене Арко, Рене Гиль, Реми де-Гурмонъ, Жанъ де-Гурмонъ, Эсмеръ-Вальдоръ (А. Мерсеро).

Нѣмецкая литература: В. Гофманъ, А. Лютеръ, М. Шикъ, А. Эліасбергъ

Англійская литература: Осбертъ Бёрдетъ, Лордъ Альфредъ Дёгласъ, В. Морфилъ, С. Мазонъ, Робертъ Россъ, А. Симонсъ Моръ-Эди.

Итальянская литература: Дж Амендола, Ф. Джолли, Дж. Паппини, Эрико Р.

Скандинавскія литературы: Ю Балтрушайтисъ, А Іенсенъ, Дагни Кристенсенъ, С. Поляковъ.

Славянскія литературы: В. Маковскій, Н. Карасикъ, Г. Касперовичъ.

Греческая литература: М. Ликіардопуло, П. Нирванасъ.

Латышская литература: В Эглитсъ

Художники: А. Араповъ, Л. Бакстъ, В. Дриттенпрейсъ, Оскаръ Гиліа, Е. Инго, Карлъ Вальзеръ, Р. Костетти, Фр. Кристофъ, Павелъ Кузнецовъ, Мельхіоръ Лехтеръ. Николай Милюти. Н. Рерихъ, А. де-Каролисъ, Тео ванъ-Риссельбергъ, Н. Сапуновъ, А. Силинъ, К. Сомовъ, Т. Стерджъ-Муръ, С. Судейкинъ, Фидусъ, М. Шестеркинъ, Н. Ѳеофилактовъ.

Въ распоряженіи редакціи для беллетристическаго отдѣла 1908 г., между прочимъ, имѣется:

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Часть II-я (главы XI—XVI).

Валерій Брюсовъ. Женщина съ бичомъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, изъ итальянской жизни VI вѣка.

Валерій Брюсовъ. Обреченный. Циклъ стихотвореній.

Андрей Бѣлый. Серебряный Голубь. Повѣсть изъ современной жизни.

К. Бальмонтъ. Пляска зноя. Циклъ стиховъ.

Ѳедоръ Сологубъ. Сладкая борьба. Разсказъ.

М. Кузминъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Разсказъ.

М. Кузминъ. Куранты любви. Лирическая поэма.

М. Кузминъ. Ракета. Циклъ стихотвореній.

Александръ Блокъ. Сказки.

Александръ Блокъ. Заклятіе огнемъ и мракомъ и пляской метелей. Поэма.

Неизданные стихи А. Пушкина и Е. Баратынскаго.

Новые стихи: З. Гиппіусъ, Ѳ. Сологуба, Андрея Бѣлаго, Вяч. Иванова и др.

Для отдѣла статей:

Д. С. Мережковскій. О Лермонтовѣ. Критическое изслѣдованіе.

К. Бальмонтъ. О польскихъ преданіяхъ. Статья.

Андрей Бѣлый. Трилогія Мережковскаго. Критическій очеркъ.

Андрей Бѣлый. Символизмъ въ современномъ русскомъ искусствѣ. Публичная лекція.

Оскаръ Уайльдъ. De Profundis. Неизданные отрывки записокъ изъ Радингской тюрьмы. Авторизованный переводъ съ рукописи.

Оскаръ Уайльдъ. Неизданныя письма. Авторизованный переводъ съ подлинниковъ.

Робертъ Россъ. Воспоминанія о послѣднихъ годахъ жизни Оскара Уайльда.

Рене Гиль. Французская поэзія въ 1907 г.

А. Эліасбергъ. Франкъ Ведекиндъ, Людвигъ Шарфъ, Рихардъ Шаукаль. Статьи.

Максимиліанъ Шикъ. Поэзія Стефана Георге. Статья.

В. Бакулинъ. „Трагизмъ" и „легкость". Наблюденія надъ литературой нашихъ дней.

Для художественнаго отдѣла:

Н. Ѳеофилактовъ. Ложь. Трехцвѣтная автотипія.

Н. Ѳеофилактовъ. Водоемъ. Фототипія.

К. Сомовъ. Cor Ardens. Хромо-литографія.

А. Силинъ Самоубійца.

Карлъ Вальзеръ. Savignyplatz. Въ двѣ краски.

Фр. Кристофъ. Рогъ изобилія.

Мельхіоръ Лехтеръ. Рисунокъ.

Дж. Гекстеръ. Портретъ Г. фонъ-Гофмансталя.

Оскаръ Гиліа. Гермафродитъ.

Новые годовые подписчики 1908 г. (не имѣющіе „Вѣсовъ" за 1907 г.), внесшіе полностью подписныя деньги до 15 февраля, могутъ получить безплатно:

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Часть I. (Главы I—X). М. 1908 г.

Вторая часть этой повѣсти (главы XI—XVI) будетъ напечатана въ „Вѣсахъ" 1908 г. Пересылка этой книги на счетъ заказчика по дѣйствительной стоимости и деньги за ея пересылку просятъ прилагать при подпискѣ. Въ противномъ случаѣ стоимость пересылки будетъ взыскана наложеннымъ платежемъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ „ВѢСЫ".

Въ Россіи на годъ (12 №№) **пять** рублей съ пересылкой; на полгода **три** рубля съ пересылкой. За-границу **семь** рублей (18 фр).

Всѣ подписчики „Вѣсовъ" на 1908 годъ пользуются: при выпискѣ изъ редакціи изданій к-ва „Скорпіонъ" и к-ва „Оры"—скидкой отъ 15 до 50%.

Подписка на „Вѣсы" принимается: 1) въ Москвѣ, въ главной конторѣ журнала,—Театральная площадь, домъ Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ"; 2) въ С.-Петербургѣ, въ отдѣленіи конторы—Садовая, 18, книжный складъ „Комиссіонеръ"; 3) въ Кіевѣ—въ магазинѣ Л. Идзиковскаго, Крещатикъ, 29; 4) въ Берлинѣ—у Edm. Meyer, Buchhandl, Berlin W., Potsdamerstrasse 24 в; 5) во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и провинціи.

Гг. иногороднимъ во избѣжаніе различныхъ недоразумѣній предлагается присылать подписныя деньги непосредственно въ главную контору журнала.

Редакторъ-издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ

СКОРПІОНЪ

Цѣль книгоиздательства „Скорпіонъ"—знакомить съ новыми теченіями въ русской и европейской литературѣ. Значительную долю вниманія удѣляетъ книгоиздательство внѣшности книгъ, заботясь, чтобы она стояла въ строгомъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Обложки книгъ, выпущенныхъ к-вомъ „Скорпіонъ", большей частью исполнены выдающимися художниками и представляютъ самостоятельный художественный интересъ.

Подписчики „Вѣсовъ" пользуются при выпискѣ черезъ редакцію изданій к-ва „Скорпіонъ" и к-ва „Оры" скидкой отъ 15 до 50% при пересылкѣ за счетъ книгоиздательства. Въ настоящемъ каталогѣ, послѣ продажной цѣны изданія, въ скобкахъ указана его цѣна для подписчиковъ „Вѣсовъ". Изданія, при которыхъ уменьшенная цѣна не обозначена, остались на складѣ въ небольшомъ количествѣ и на нихъ скидка не можетъ быть сдѣлана.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкою за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики. Провинціальные книжные магазины, при наличномъ расчетѣ, пользуются уступкой въ 30%, но должны принимать на себя расходы по пересылкѣ книгъ.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ" и редакціи журнала „Вѣсы": **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23** (телефонъ 50—89). Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. дня до 6 ч. вечера. Отдѣленіе конторы: **Петербургъ, Садовая, 18**, книжный складъ „Комиссіонеръ". Изданія к-ва „Скорпіонъ" можно также получать въ книжномъ складѣ „Складчина", **Петербургъ, Екатерининская, 4**.

КАТАЛОГЪ КЪ ЯНВАРЮ 1908 г.

I. СТИХИ

Ю Балтрушайтисъ. Жатва дня. Печатается.

К Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. („Подъ Сѣвернымъ Небомъ". „Въ безбрежности". „Тишина"). М. 1905 г. Ц. 2 р. (1 р. 70 к.).
Томъ II. („Горящія зданія" „Будемъ какъ солнце"). М. 1904 г. Ц. 3 р. (2 р. 55 к.).

К. Д. Бальмонтъ Жаръ-Птица. Свирѣль славянина. Обложка К. Сомова (хромолитографія). М. 1907 г. Ц 2 р. (1 р. 70 к.).

Александръ Блокъ. Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М 1907 г. Ц 1 р. 50 к. (1 р 28 к.).

Валерій Брюсовъ. Stephanos. Вѣнокъ. Стихи 1903—1905 гг. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Т. I Стихи 1892—1904 гг. (Chefs d'Œuvre Me eum esse. Tertia Vigilia). М. 1907 г. Ц 2 р. (1 р. 70 к.).

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Т. II. Печатается.

Ив Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р. (1 р.).

Андрей Бѣлый. Закатные прахи. Второй сборникъ стиховъ. Печатается.

Поль Верлэнъ Собраніе стиховъ. Переводъ Валерія Брюсова. Печатается.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна, работы Т. ванъ-Риссельберга Ц. 1 р. 30 к. (1 р. 10 к).

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).

Вячеславъ Ивановъ Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Iris in Iris. Эросъ. Обложка К. Сомова. Печатается.

Ив. Коневской. Стихи и проза Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р. (1 р.).

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к. (35 к.).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. М. 1907 г. 1 р. 50 к. (1 р. 28 к.).

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. 2 части Печатается.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія. (1-я, героическая) Въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к. (38 к.).

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-ая симфонія. Выйдетъ въ началѣ 1908 г.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р. (85 к.).

Жагадисъ. Облака Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к. (33 к.).

М. Кузминъ Крылья. Повѣсть въ 3 частяхъ. Изданіе второе. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1907 г. Ц. 80 к. (68 к.).

Морисъ Мэтерлинкъ. Избіеніе младенцевъ. Разсказъ. М. 1904 г. Ц. 40 к. (20 к.).

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905 г. Ц. 1 р. 30 к. (1 р. 10 к.).

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Томъ I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова. Изд. второе. 1904 г. Обложка Н. Ѳеофилактова. Ц. 2 р. 40 к (2 р.)

Томъ II. Pro domo mea. De profundis. У моря. День Вознесенія. Вигиліи. Аметисты. Сыны земли. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго, и С. Полякова. 1905 г. Обложка Е. Надельмана. Ц. 2 р. 40 к. (2 р.).

Томъ III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 частяхъ. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906 г. Ц 1 р 30 к. (1 р. 10 к.).

Томъ IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и др. Обложка Фидуса М. 1906 г. Ц. 1 р. (85 к).

Томъ V. Статьи. Печатается.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к. (25 к.).

Ѳедоръ Сологубъ. Жало смерти. Разсказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. (1 р.).

III. ДРАМЫ.

Габріель д'Аннунціо. Трагедіи. „Мертвый городъ". „Джіоконда", „Слава". Пер. съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. (87 к.).

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изданіе третье. М. 1907 г. Ц. 50 к. (40 к.).

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изданіе второе. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к. (45 к.).

А. Зиновьева Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к. (1 р. 53 к.).

Шарль ванъ Лербергъ. Панъ. Переводъ С. А. Полякова. Печатается.

Морисъ Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3-мя портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1907 г. Ц. 1 р. (85 к).

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунелески. М. 1907 г. Ц. 1 р. (85 к.).

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Тикіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. Ц. 80 к. (68 к.).

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. „Парацельсъ". „Подруга". „Зеленый попугай". Пер. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к. (30 к.).

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р. (85 к.).

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго. М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к. (83 к).

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. (50 к.).

Д. С. Мережковскій. Гоголь и чертъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906 г. Ц. 1 р. 80 к. (1 р. 53 к.).

Письма Пушкина и къ Пушкину Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. (75 к.).

Арт. Симонсъ. Обри Бердслей. Перев. М. Ликіардопуло. Авторизованное изданіе съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Печатается.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М 1901 г. Ц. 1 р

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года —1901, 1902, 1903 г. Большой томъ, свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л Бакста, М. Волошина и др. Обложка В Борисова-Мусатова. М 1904 г. Ц 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе. На 1904 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три разсвѣта", драма К Бальмонта, „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова, „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Кузмицкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р. (2 р. 55 к.).

VI. ЖУРНАЛЫ.

Вѣсы за 1904, 1905, 1906 и 1907 гг. Каждый годъ 12 №№, свыше 1000 стр. текста, съ рисунками (черными или въ нѣсколько красокъ) на отдѣльныхъ листахъ, художественными обложками и оригинальными виньетками. Каждый годъ представляетъ собою обзоръ культурной жизни всей Европы и подробную библіографію книгъ, вышедшихъ за этотъ періодъ на европейскихъ языкахъ. При каждомъ годѣ данъ алфавитный указатель помѣщенныхъ произведеній и разобранныхъ книгъ. Цѣна комплекта: за 1904, 1905 и 1906 г. безъ пересылки по 6 р. (5 р.); за 1907 г., въ виду незначительнаго числа оставшихся экземпляровъ, 8 р. (7 р.) безъ пересылки. При покупкѣ полнаго

комплекта, за всѣ четыре года, цѣна 25 р. (20 р.) безъ пересылки. Пересылка за счетъ заказчика по дѣйствительной стоимости.

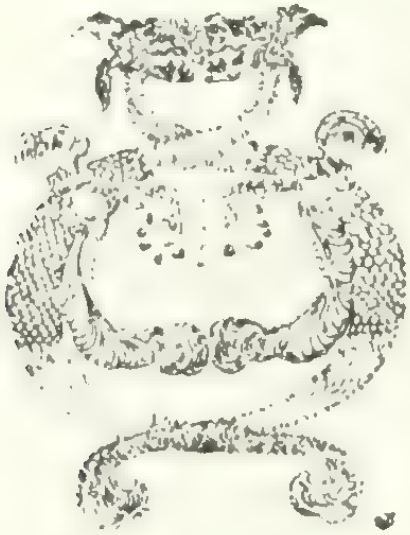
VII. МУЗЫКА.

М. Кузминъ. Александрійскія пѣсни. Слова и музыка Кузмина. Печатается.

VIII. РАСПРОДАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

К. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Обложка Фидуса. М. 1903 г.
Валерій Брюсовъ. Tertia Vigilia. Стихи 1897—1900 г. М. 1901 г.
Валерій Брюсовъ. Urbi et Orbi. Стихи 1901—1903 г. М. 1903 г.
Андрей Бѣлый. Симфонія (2-я драматическая). М. 1902 г.
Кнутъ Гамсунъ. Панъ. М. 1901 г.
А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. М. 1901 г.
Генрихъ Ибсенъ. Когда мы мертвые проснемся. (Изд. 1 и 2). М. 1901 г.
Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскій. М. 1904 г.
Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.
А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Поэма. М. 1902 г.
Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

Объ условіяхъ выписки книгъ см. на стр. 9 этого каталога



ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Томъ Стихи 1892-1901 гг. (Предисловіе 1907 г. Юношескія стихотворенія. то-я. Третья стража Библіографія). М. 1908. Ц. 2 р. (1 р. 70 к).

М. Кузминъ. Крылья. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Обложка Н Феофилактова Изданіе второе. М. 1907. Ц. 80 к. (68 к).

Морисъ Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мэлизанда и стихи въ переводѣ Валерія Брюсова. Со статьей о жизни и творчествѣ Мэтерлинка библіографіей и тремя портретами. М. 1907. Ц. 1 р (85 к).

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный полный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Предисловіе Ст. Мэзона. Съ 3-мя портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к. (68 к).

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907. Ц. 1 р. (85 к.).

К. Д. Бальмонтъ. Жаръ-Птица. Свирѣль славянина. Обложка Сомова (хромолитографія въ 12 красокъ). М. 1907. Ц. 2 р. (1 р. 70 к.).

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. (Сатирическая комедія въ 3 д.). и почуяли. (Драма въ 3 карт.). Приключенія принца интіи и его слуги Сатурна. (Отрывки изъ неоконченнаго романа). Переводъ С. А. Полякова. (Печатается).

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ

М. Кузминъ. Приключенія Эме Лебефа. Фронтисписъ и заставки К. Сомова. Ц. 1 р. (85 к.)

М. Кузминъ. Три пьесы. Заглавный листъ. К. Сомова. Ц. 50 к. (43 к.)

Ст. Пшибышевскій. Узы. Драма. Пер. Е. Троповскаго. Ц. 75 к. (60. к).

Рисунокъ Н. Ѳеофилактова къ драмѣ Ш. ванъ Лерберга «Панъ».

PG
3453
B7
O3
1908a
ch.2

Briusov, Valerii IAkovlevich
Ognennyi angel

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY